

СОЮЗ НАУЧНЫХ И ИНЖЕНЕРНЫХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ УДМУРТИИ

УДМУРТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

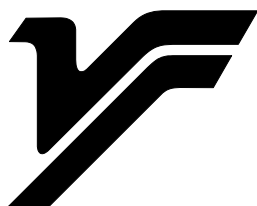
Научно-образовательный центр
«Социально-коммуникативные технологии
информационного общества» ФГБОУ ВПО «УдГУ»

Кафедра социологии коммуникаций УдГУ

И. А. ЛАТЫПОВ, О. П. СОКОЛОВА, Е. Ю. ОБИДИНА,
А. Н. ГУЛЯШИНОВ, А. И. КАРМАНЧИКОВ, В. Л. КОЛЯСЕВ

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Монография

Ижевск
2014

УДК 101.1::316.3

ББК 60.524.224

П 781

Печатается по решению Президиума Удмуртской республиканской общественной организации Союза научных и инженерных общественных отделений Удмуртии.

Научный редактор: доктор философских наук, зав. кафедрой социологии коммуникаций УдГУ Латыпов И.А.

Рецензент: доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Ижевской государственной сельскохозяйственной академии В. К. Трофимов.

Латыпов И. А., Соколова О. П., Обидина Е. Ю., Гуляшинов А. Н., Карманчиков А. И., Колясев В. Л. Проблема трансформации социальных коммуникаций в современной цивилизации: монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – 256 с.

ISBN 978-5-4312-0263-6

В коллективной монографии представлены результаты социально-теоретического исследования трансформации социальных коммуникаций в современной цивилизации. Данное научное издание предназначено для преподавателей общественных и гуманитарных наук, слушателей институтов повышения квалификации, аспирантов, студентов, а также всех тех, кто интересуется современной гуманитарной и социальной теорией.

ISBN 978-5-4312-0263-6

© И.А. Латыпов, О.П. Соколова, Е. Ю. Обидина,
А. Н. Гуляшинов., А. И. Карманчиков,
В. Л. Колясев, 2014

© ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Динамика социальных изменений многомерна и противоречива. Её анализ предполагает рассмотрение многих аспектов. Почему же проблема трансформации социальных коммуникаций имеет такое большое значение?

Одна из причин этого заключается в том, что множество людей сталкиваются со сложностью оценки перспектив изменения социальных процессов и, как следствие, с рискованностью однозначного выбора направлений развития. Вторая причина связана с тем, что ускорение научно-технического прогресса и информационный взрыв усложняют возможности долгосрочных прогнозов динамики социальных изменений. Третья причина заключается в том, что предсказательный потенциал социальной теории зачастую переоценивался и опровергался последующим общественным развитием. Кроме того, многие социально-теоретические исследования трансформации социальных коммуникаций отстают от современной практической общественной деятельности. Список причин возрастания значения трансформации коммуникационных процессов в современных условиях можно продолжать и далее.

При подготовке данной монографии преследовались следующие цели. Сквозной темой данного коллективного проекта является исследование проблемы трансформации социальных коммуникаций в современной цивилизации.

В исследовании этой темы ставятся более конкретные цели: обновление терминологического аппарата теории социальных коммуникаций и конструирование социально-теоретического дискурса трансформации социальных коммуникаций. Методы сравнительного анализа используются для выявления различных аспектов анализа проблем взаимопонимания и взаимодействия субъектов различной

степени общности, как индивидуальных, так и социальных (различных социальных групп и сообществ).

Исследовательская методология предполагает обобщение, систематизацию и сравнительный анализ имеющейся информации.

Вышесказанное определило структуру текста. В данной коллективной монографии представлены работы шести ижевских авторов, посвященные различным аспектам многообразия факторов трансформации социальных коммуникаций.

В первых трех главах проводится анализ различных аспектов управленческих коммуникаций.

Прежде всего, необходим ретроспективный анализ различных моделей властного управления медиа-пространством России и выявление некоторых трендов как один из примеров трансформации социальных коммуникаций. Этому посвящена соответствующая глава, написанная Обидиной Е.Ю.

Далее, следуя логике перехода от конкретного к абстрактному, исследование специфики политической сферы общества и обобщенных характеристик политической коммуникативной деятельности проводится Колясевым В.Л.

Место и роль эвристических методов и интуиции в познавательной деятельности при принятии управленческих решений исследует Гуляшинов А. Н.

Рассмотрение различных аспектов формирования коммуникативной культуры и коммуникативной компетентности в социальных взаимодействиях проводит Соколова О.П.

Роль педагогического прогнозирования в учебном процессе и структуру системного прогнозирования эффективной деятельности как один из примеров выявления некоторых тенденций трансформации социальных коммуникаций анализирует Карманчиков А.И.

Обобщение и переосмысление философских аспектов основной проблемы данной монографии, исследование различных характеристик многообразия факторов трансформации социальных коммуникаций, в том числе, и по поводу отношений

невещественной собственности, с учетом международного и российского опыта, осуществляет Латыпов И. А.

Материалы данной коллективной монографии освещают лишь некоторые аспекты актуальной проблемы трансформации социальных коммуникаций в современной цивилизации.

Авторы надеются, что данная коллективная монография поможет актуализировать представления о трансформации социальных коммуникаций не только как о реальном факте современных процессов общественного развития, но и как об одной из наиболее острых проблем ускорения социальной динамики.

1. МОДЕЛИ ВЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕДИА-ПРОСТРАНСТВОМ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВА И ТРЕНДЫ

(Обидина Е.Ю., доцент кафедры социологии коммуникаций
УдГУ, Заслуженный журналист Удмуртской республики)

1.1. Специфика создания и развития медиа-пространства России, трансформации властного медиа-воздействия

Двадцатый век с его экономическими и политическими катаклизмами, масштабными социальными трансформациями, мировыми и локальными войнами, культом науки и техники, появлением цифровых технологий и созданием единого информационного пространства специалисты называют веком коммуникативных технологий. Это афористично, но не совсем корректно по отношению к прошлым векам. Да, в XX столетии наиболее очевидно, мощно и даже угрожающе были представлены результаты длительного применения основных коммуникативных технологий. Но сами по себе те же реклама, пропаганда, public relations или media relations выросли на почве социокультурной практики предыдущих эпох. Коммуникативные технологии не являются исключительно сегодняшним изобретением; ведь, например, и проповедь, и книга, и шаманское пение – всё это является коммуникативной технологией разной степени интенсивности. В конечном счете, все они направлены на те или иные изменения сознания. И делают это с вполне предсказуемыми последствиями [26, с.330]. Поэтому глубокий анализ природы современных коммуникативных технологий невозможен без исследования их исторических корней.

Вторая половина XX века стала периодом интенсивной мировой научной рефлексии, констатирующей появление «нового» постиндустриального общества. В начале XXI века пришла пора активного переосмысления и некой переоценки теорий Т.Адорно, Р.Барта, Ж.Бодрийара, Дж.Гербнера, Ж.Делеза, П.Лазарсфельда, М.Маклюэна, Г.Маркузе, О.Тоффлера, Ж.-

П.Сартра, У.Эко, М.Фуко, М.Хайдеггера, Ю.Хабермаса и других. Одни ученые делят эту когорту на «европейцев» и «американцев», другие говорят о постулированных «медиацентрированном» и «человекоцентрированном» направлениях, третьи предлагают говорить в данном случае о двух парадигмах – «функциональной» и «социокультурной». При этом практически все авторы активно включают в контекст проблемы вопрос о судьбе и статусе современной России в новом глобальном сообществе, на её примере пытаясь подтвердить или подкорректировать различные теории гуру постиндустриализма. Россия же явно не вписывается в эти теории полностью, не помещается в «прокрустово ложе» постиндустриализма. Понятно, что властная элита хотела бы побыстрее провести процедуру «встраивания» страны в существующую мировую систему, так сказать насильственную постиндустриализацию «сверху». В связи с этим конструирование виртуальной «национальной идеи», создание электронного правительства, принятие долгосрочных программ информационного развития страны, ликвидация медиа-оппозиции и контроль над массовыми коммуникациями – вполне объяснимы. Но не совсем понятны явные «пробуксовывания» в этом процессе, связанные с особым современным состоянием российских СМИ и теми необратимыми трансформациями, которые наблюдаются в отечественной практике таких профессий как реклама, журналистика и public relations.

Существует другая точка зрения, по которой постиндустриализация может быть реализована в России только «снизу», с опорой на «экономику загадочной русской души». Петербургский исследователь Д.В.Иванов пишет, что для России «постиндустриализация» может быть менее болезненной, чем «индустриализация», которая в целом так и осталась «незавершенным проектом». Важно создать на стыке советских и постсоветских, экономических и даже антиэкономических форм новое сильное виртуальное управление. Виртуальная империя – требование наступающей эпохи консолидации виртуального капитализма, подобно тому, как империи XVI-XVII и XIX-XX веков были востребованы в периоды консолидации, соответственно, торго-

вого и индустриального капитализма [13, с.84]. При любом взгляде на проблему постиндустриализация России теснейшим образом связана со спецификой появления и историей развития отечественных СМИ, с процессами формирования, расширения и корректировки национального медиа-пространства, с феноменом медиа-воздействия.

Загадка информационного пространства в том, что оно является *системой*; но такой системой, которая не осознается разумом человека до конца. Оно воспринимается больше как *состояние*, и мы воспринимаем его через некие индикаторы: количество изданий, круг авторов и тем, резонанс от публикаций, рост аудитории СМИ. Совокупность источников информации, поле потребителей массовой информации и отношение последних к источникам – вот основные показатели информационного пространства. Современный исследователь медиа-пространства Г.Г.Почепцов (оговаривая, что прилагательное «демократическое» достаточно условно) сравнивает три исторических типа медиа-пространства следующим образом:

Античное Государство	Демократическое государство	Тоталитарное государство
Множество Источников	Ограниченное число источников	Один гигантский источник
Равноправие Участников	Неравноценность участников	Отсутствие других участников
Потребитель ак- тивен	Потребитель активен/пассивен	Потребитель пассивен

При этом потребитель информации активен в античности, поскольку он в ответ мог выступить со своей точкой зрения, и полностью пассивен в тоталитарной ситуации, поскольку порождение нового является прерогативой властей. В ситуации демократического общества активность потребителя задается возможностью поиска источников информации, но по потреблению информации он также остается пассивным [25, с.413]. Ко-

нечно, надо учитывать, что античность, по существу, лишь точка отсчета; количество и качество масс-медиа в этот период несоизмеримо с такими же показателями в XIX и тем более в XX веке, когда мы наблюдаем существование и тоталитарных, и демократических государств. Само медиа-пространство в любом типе государства делится еще раз: на официальное и неофициальное (слухи, сплетни, ожидания и страхи массы). По-существу, умение управлять информационным пространством сводится к умению попеременно активизировать официальную и неофициальную его проекцию в своих интересах. Более гибкой, динамичной и интеллектуальной схемой управления информационным пространством следует признать ту, что условно называется «демократической»:

«тоталитарная» схема	«демократическая» схема
контроль всех ситуаций	контроль отдельных ситуаций
негативная ориентация на запрет «неудобных» событий	позитивная ориентация на вытеснение «неудобных» событий другими

При этом «демократическая» схема управления информационным пространством на самом деле не является подлинно демократичной (вообще, специалисты часто метафорично уподобляют демократию линии горизонта, к которой человечество никогда не приблизится вплотную по объективным причинам). П.Экман пишет: «Демократия нежизнеспособна, если одна политическая партия может контролировать информацию. При демократической системе невозможно обмануть другую нацию, не обманув собственный народ. Поэтому при длительном применении политики контроля за информацией или обмана она становится очень опасной» [39, с.218]. Д.Блэк и Ф.Уитни в своей книге «Средства коммуникации – введение в проблему» сформулировали два на первый взгляд парадоксальных положения:

- чем более однородно общество, тем большую свободу слова оно допускает,

- чем более развито общество, тем более тонкий контроль над свободой слова оно осуществляет.

Положения эти легко проиллюстрировать примерами из истории отечественной журналистики: медиа-тексты времен Екатерины II, безусловно, более вольные по сравнению с эпохой Петра I; а журналистика правления Александра I более зависима от воли государя, чем журналистика эпохи Николая I. Хотя все четыре упомянутых монарха отдавали предпочтение абсолютистскому правлению, а общество российское со времен Петра I и до смерти Николая I прошло необратимый путь развития и качественных трансформаций. Перефразируя выводы Блэка и Уитни, можно сказать, что чем более развито общество и более демократичной признана власть, тем больше она *играет в демократию*; тем более глубокий и изощренный контроль за информацией она должна будет осуществлять.

Подтверждением этого вывода может служить американская модель многоступенчатого контроля за информацией, отработанная еще во времена войны в Персидском заливе (и скопированная российскими властями только в ситуации второй Чеченской войны):

<i>тип контроля</i>	<i>Реализация контроля</i>
Контроль допуска журналистов на объект	Доступ на театр военных действий только участников специальных журналистских пулов
Контроль самой информации	Запрещение журналистам самостоятельного сбора информации при отлаженной системе регулярных официальных сообщений от военных властей
Контроль передачи информации	Не контролируются тексты, но жестко регламентируются фотографии и видеоряд

Контроль получения информации	Подлинные фотографии и видеосъемки заменяются компьютерной графикой, что снижает эмоциональное воздействие на аудиторию
-------------------------------	---

Конечно, такой многоступенчатый вариант медиа-воздействия базируется на реалиях современного информационного пространства, в котором телевидение и сеть Интернет, развитие цифровых технологий и персональных средств коммуникации осложняют «лобовой» контроль государства над информационным пространством. Но при этом отдельные элементы этой контрольной системы мы можем обнаружить уже у Наполеона I или Александра I. Если учесть специфическую отечественную склонность власти к раздутию бюрократического аппарата и созданию дублирующих друг друга контролирующих структур, то мы найдем нечто похожее на данную модель и в монархическом, и в советском, и в постсоветском периоде.

Надо так же уточнить, что термин «медиа-воздействие» подразумевает два смысла: 1) влияние через каналы масс-медиа на общество не только власти, но любых социальных институтов, социальных групп или лидеров мнения; 2) влияние тех же участников процесса собственно на сами СМИ и их представителей. Таким образом, из одной точки мы можем наблюдать сразу два вектора медиа-воздействия. В какой-то момент два этих вектора полностью совпадают, в какой-то – расходятся. Двойственность и многовекторность процесса медиа-воздействия необходимо учитывать при его исторической оценке.

Медиа-пространство – это динамично формирующийся информационный ресурс, важнейшей характеристикой которого является отграниченность от другого информационного пространства [27, с.23]. Основными параметрами его являются динамика трансформации, возможный доступ в него и граница с другими медиа-пространствами. Современное информационное пространство России, конечно, предельно доступно для проник-

новения и интегрировано в мировое медиа-пространство, но при этом сохраняет некую автономность, отличается меньшей скоростью трансформации, несет на себе неистребимые родовые черты. Понять последние можно только в том случае, если обладать неким *обратным зрением*. То есть ретроспективным видением трендов и проблем современного российского информационного пространства через призму медиа-практики прошлых веков.

Мы намерены остановиться на определенном периоде первоначального развития российского информационного пространства, ограниченном двумя знаковыми годами – 1702-м и 1855-м, сосредоточиться на периодах правления четырех российских монархов (Петр I, Екатерина II, Александр I, Николай I). В ограниченном историческом поле можно обнаружить параллели с периодом постсоветской перезагрузки отечественного медиа-пространства и дальнейшего его развития вплоть до настоящего времени. Нам важно было специфицировать властное медиа-воздействие указанного периода на фоне расширения медиа-пространства, появления медиа-персон, становления журналистики как профессии и зарождения российского медиа-рынка. В этом историческом материале наглядно представлен целый спектр социально-коммуникативных технологий медиа-воздействия и есть некий исторический урок, который современная российская власть, кажется, не выучила или вовсе пропустила.

Отечественное медиа-пространство моложе европейского почти на сто лет: первое печатное издание «Релацион» стало выходить в Страсбурге в 1609 году, а первый номер российской газеты «Ведомости...» вышел в конце 1702 года. За бурный XVII век в крупных европейских странах журналистика сформировалась как отдельная сфера деятельности. Голландия, как самая либеральная страна Европы того периода, стала своеобразным центром печати: она издавала газеты на нескольких европейских языках, часть из них была органами оппозиции в эмиграции, часть – просто коммерчески успешными изданиями. В раздробленной на княжества Германии выходило около 200 га-

зет, среди них были еженедельные и ежедневные, политические и развлекательные, их тираж доходил до 1500 экземпляров. Во Франции, не смотря на действие цензуры и период Фронды, существовали рукописные листки новостей и общедоступные газеты, серьезные научные журналы и аристократические литературные издания. К началу XVIII столетия в Англии уже оформился институт партийных изданий, прошла начатая Д.Мильтоном дискуссия о цензуре, английский парламент принял закрепивший свободу слова для парламентариев «Билль о правах», а в 1695 году цензура в стране была отменена навсегда [35, с.46].

Таким образом, к моменту рождения российского аналога, совокупное европейское медиа-пространство имело собственную историю, границы, динамику качественных изменений, социальный статус и многообещающие перспективы дальнейшего развития. При всех национальных различиях общим для европейских СМИ было то, что они возникали везде именно как частная коммерческая инициатива (пусть и не всегда успешная). Несмотря на обсуждаемую европейской элитой авторитарную теорию печати, журналистика как практика только спустя десятилетия была привлечена властью для решения своих проблем (например, кардиналом Ришелье в 1631 году или Кромвелем – в 1653-м). На протяжении не только XVII, но и последующих веков европейская журналистика, конечно, была тесно связана с именами известных литераторов и ученых, но она не замыкалась в поле литературных дискуссий и научных споров, а функционировала как ответ на политические и экономические события в обществе.

Информационное пространство России создавалось и развивалось принципиально иначе. В ситуации русского XVIII века «поле власти» почти полностью контролировало «поле литературы» [28, с.8]. Подписывая указ о печатании «Ведомостей», Петр I отнюдь не повторяет свою любимую Голландию, не переносит европейский опыт создания прессы на русскую почву. В стране, где действует цензура, экономика и торговля подчинены госзаказу и еще не существует *общественной жизни*, он создает

некий авторский *издательский проект*. Петр сам себе учредитель, издатель, редактор, ответственный секретарь, репортер, корректор, печатник и, конечно, – главный читатель своего детища. Газета, во-первых, служит имиджевым целям: она описывает прибытие послов и полученные от них подарки, фиксирует успехи страны во внешнем круге, создает её цивилизованный образ (при этом из переводных материалов исключается любая критика России). Во-вторых, «Ведомости» становятся инструментом управления: они артикулируют назначения и награждения, победы флота и армии, выполнение военных заказов, строительство новых кораблей, проведение ассамблей и парадов. Все коллегии обязаны были регулярно поставлять в газету информацию, все состоящие на государственной службе люди обязаны были регулярно её читать. Первая русская газета выполняла несомненные пропагандистские функции – была, по сути, рупором реформ Петра I и при этом ориентировалась на более широкую аудиторию [38, с.10].

Показательна ситуация с номером, посвященным победе под Полтавой. Согласно специальному царскому указу этот выпуск печатают неоправданно большим тиражом в 4 тысячи (!) экземпляров. Даже если учитывать, что часть тиража была отправлена в Европу – все равно это запредельные цифры (нет столько читателей газеты в Москве и Петербурге на тот момент, тираж 4 тысячи будет считаться большой удачей для российского периодического издания даже в середине следующего XIX века). Кроме того, по указу Петра полтавский номер до того момента продаваемых «Ведомостей» раздают безденежно, на улицах, под барабанный бой, устраивая публичные читки для неграмотных. И еще один важный момент: Петр понимает, что анонимные тексты или тексты-маски воздействуют на широкую массу эффективнее, чем официальные сообщения. Именно поэтому материал о Полтавском сражении в «Санкт-Петербургские ведомости» царь пишет сам, но не от своего имени, а, наоборот, к себе, от имени простого солдата-очевидца сражения. Так запускается механизм психологического и стилового присоединения к получателю сообщения. Важно отметить, что «Ведомости»

действительно создавали (пусть и очень медленно) тонкий слой читающей публики. Газета неуклонно расширяла круг тем, популяризировала науку и действия власти. С 1710 года она печатается гражданским шрифтом, во всех материалах иностранные слова сопровождаются переводом. «Ведомости» не зря воспринимаются сегодня как «аппарат, агитирующий за курс, проводимый Петром во внутренней и внешней политике и стремящийся систематически влиять на сознание читателей в желательном Петру направлении» [37, с.109].

Говоря современным научным языком, в правление Петра I (1682-1725) мы имеем «тоталитарную» схему управления медиа-пространством (контроль сверху процесса производства всех медиа-текстов, негативная ориентация на запрет всего, что не согласуется с информационным заказом). Одновременно, поскольку сфера медиа-воздействия еще слишком ограничена объективными причинами, Петр много и эффективно применяет традиционные для власти механизмы влияния на массы в устной коммуникационной и визуальной, зрелищной сфере. Это ассамблеи, публичные лекции и анатомирование трупа, торжественные церемонии спуска кораблей на воду, парады, маскарады, фейерверки, гуляния в Летнем саду, «срубленные» знаковым людям в присутствии публики бороды. В этом случае можно говорить о типичной работе коммуникатора с расчетом на определенное развитие ситуации в последующем и долгий резонанс в массовом сознании [24, с.24].

После смерти своего основателя первая национальная газета пережила затяжной кризис, а только что запущенное медиа-пространство страны – нечто похоже на «клиническую смерть». Невозможно даже сравнивать состояние западного и российского информационных пространств, например, в отдельно взятом 1727 году: в Англии на тот момент выходит больше 50 газет и журналов, во Франции почти 30, в разных частях Германии почти 80, даже в Новом свете – 3 издания, а в России по-прежнему одна газета. Издание «Ведомостей» приняла на себя в тот год Академия наук, редактором их был назначен студент Академии и преподаватель академической гимназии Г.Миллер. За год он

смог выпустить только один (!) номер, да и тот – на немецком (?) языке. Остается радоваться, что издание не прекратилось вовсе и дожило до лучших времен. Десять лет (1741-1751) отдал первой газете М.В.Ломоносов, начав работать в ней в качестве переводчика и закончив ведущим автором и редактором. При нем увеличился тираж и вырос авторитет «Санкт-Петербургских ведомостей».

Вторая в истории нашей страны газета, «Московские ведомости», появилась только в 1756 году при типографии недавно открытого Московского университета. Первоначально она представляла собой локальное издание, в котором печатались сведения о новых курсах, лекциях и защищенных диссертациях, публиковались списки награжденных за отличную учебу студентов, краткие анонсы изданных книг и учебников. Затем на её страницах появилась придворная хроника и объявления. «Московские ведомости» тоже были официальной и убыточной газетой. Рожденная властью (буквально «из головы Зевса») отечественная журналистика развивалась медленно, слабо и неритмично. За первые 50 лет – всего 5 изданий: две официальные газеты (выжившие) и три академических издания (выходившие нерегулярно, на латинском или немецком языках и быстро закрывшиеся). Более полувека (до 1759 года) правительство непосредственно и через Академию наук держало монополию на печатное слово. Не изменило плачевной ситуации в отечественном медиа-пространстве и появление первых частных журналов («Трудолюбивая пчела» А.П.Сумарокова, «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Невинное упражнение» и «Доброе намерение» М.М.Хераскова, «Праздное время, в пользу употребленное» преподавателей Сухопутного кадетского корпуса). Все эти издания специалисты характеризуют как *моножурналы*. Чаще всего один человек был одновременно издателем, редактором и автором такого журнала. Его родственники, друзья, сослуживцы, участники общего светского кружка – скромной читательской аудиторией (в наше время изменился масштаб, но суть явления осталась – *моножурналы* поразительно напоминают *живые журналы* в сети Интернет). Каждое такое издание

представляло собой скорее зародыш будущей отечественной публицистики, а их малое количество и короткий срок публичной жизни не меняли состояния отечественного информационного пространства в целом.

Качественный скачок в развитии медийного ресурса приходится на правление Екатерины II (1762-1796). Вместе с русским тронем она получает уже принципиально новое, отличающееся от петровского медиа-пространство. Изданий и книг больше, пишут и сочиняют многие люди из образованного круга, ареал грамотной публики шире. При этом нелегитимность её власти заставляет Екатерину прибегнуть к более тонкому, осторожному и корректному воздействию на уже готовое медиа-пространство. Подчеркивая, что она является «прямой наследницей» Петра I, новая правительница, тем не менее, действует в современном ей информационном пространстве страны иначе. Меньше указами и ограничениями, больше – личным примером и поощрением. Новый формат самодержавного медиа-воздействия тоньше и деликатнее, оно часто проводится чужими руками. Достаточно вспомнить, что журнал «Всякая всячина» официально редактировал личный секретарь императрицы Г.Козицкий, журнал «Собеседник любителей российского слова» официально издавала Академия наук, его редактором была Президент Академии, подруга императрицы Е.Дашкова.

Государыня часто анонимно печатала свои статьи, художественные и драматические произведения как в официальных, так и в частных изданиях. Сохранились созданные ею тексты для разных журналов в разной языковой манере якобы от разных людей – то образованного дворянина, то простых погорельцев. Императрица не только в жизни, но и в литературе любила переодевания, у неё было несколько «авторских» масок, которые она оживляла перепиской и комментариями. Перенимая европейский опыт, Екатерина II стремилась организовать литературную продукцию, язык новой культуры и литературную жизнь вокруг собственного двора [28, с.208]. Как писал впоследствии В.Г.Белинский, «в царствование Екатерины литература суще-

ствовала только при дворе; ею занимались потому, что государыня занималась ею» [4, с.79].

В первом же номере «Всякой всячины» в редакционном обращении Екатерина II призвала всех просвещенных людей заняться морализующей публицистикой (в ответ появилось сразу 7 новых сатирических журналов). По существу, она предложила свою программу для всей журналистики: «хвалить сына отечества и изображать миролюбивого гражданина», указывать на пороки, а не на их конкретных носителей, писать о достоинствах русского правительства и воспитывать общество на положительных примерах. Примечательно, что и спустя пятнадцать лет, императрица будет по тому же лекалу кроить свою публицистику. В 1783-1784 годах в журнале Е.Дашковой «Собеседник любителей российского слова» она напечатает «Записки касательно российской истории», которые (по мнению Н.А.Добролюбова) станут политической инструкцией о том, как нужно толковать события русской истории и рассказывать о них. В последние годы жизни, опасаясь распространения идей Французской революции в России, императрица взяла под особый контроль ввоз в страну иностранной печатной продукции, а также театральный репертуар и публикации драматических произведений. «Театр есть школа народная, – подчеркивала Екатерина, – она должна быть непременно под моим надзором, я старый учитель этой школы и за нравственность народа мой ответ Богу» [11, с.30]. Неоднократно и в различных формулировках звучит у Екатерины II одна и та же мифологическая конструкция: власть по своей природе обязана поощрять публичное вербальное пространство и одновременно регламентировать его через совершенствование цензуры, при этом подотчетна власть в данных действиях только Богу.

Много сделав для развития отечественной журналистики, Екатерина одновременно с этим официально учредила институт цензуры (соединив духовную и светскую), при ней профессия цензора получила государственный статус. Стоит особо отметить два её знаковых указа. Первый – от 1 марта 1771 года – о вольных типографиях для печатания книг на иностранном

языке (А.М.Скабичевский пишет о нем, как о документе, определяющем начало переворота в судьбах прессы). Второй – указ от 15 января 1783 года – о вольных русских типографиях (Г.В.Жирков отмечает, что по нему производство книг впервые рассматривается как промышленная сфера). Начиная с В.Г.Белинского, все аналитики истории русской журналистики расценивают екатерининскую эпоху как первую попытку власти управлять информационным пространством и влиять на общественное мнение с помощью официальных или полуофициальных каналов, лично и через подставных лиц.

Подводя итоги медиа-правления Екатерины II, стоит вспомнить поучительную историю её взаимоотношений с Н.И.Новиковым – известным просветителем, книгоиздателем, автором и редактором «Московских ведомостей», целого ряда сатирических и философских журналов («Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек», «Утренний свет», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Московское издание»). От единомыслия и поощрения к нападкам и придирам, от мнимого равнодушия до гневного осуждения, от латентных угроз до жестокого наказания – вот синусоида отношения императрицы к лучшему представителю своего медиа-пространства на протяжении двадцати пяти лет. Но исторический «сухой остаток» этих отношений – знаковое журнальное противостояние между Екатериной II («Всякая всячина») и Новиковым («Трутень») в 1769-1770 годах, которое впоследствии историки отечественной журналистики называли спором об «улыбательной» и «обличительной» сатире. Лично знакомый с Екатериной, знающий, что именно она стоит за «Всякой всячиной», Новиков начинает игру в *публичный маскарад*, где якобы никто никого не узнает в маске и потому говорит начистоту, без дворцовых любезностей. Любопытно, что в полемике приняли участие и другие журналы, причем почти все приняли сторону Новикова. Внешне дискуссия о пороках и нравственных вопросах как будто бы просто сошла на нет, каждая сторона осталась при своем мнении. Личное отношение императрицы к просветителю даже на какое-то время улучшилось, хотя, в конце концов, всё кончилось царским гне-

вом, конфискацией книг, закрытием типографий, арестом и заточением в Шлиссельбургскую крепость. Безусловно, многочисленные советские историки и даже постсоветские характеризовали взаимоотношения просветителя с императрицей и частный случай их полемики однозначно: как противостояние власти и оппозиции. А вот дореволюционными исследователями эта полемика оценивалась более взвешенно. Например, автор очерка о Николае Ивановиче в знаменитой павленковской биографической серии С.Е.Усова считала, что именно после публичного журнального спора сатира Новикова стала менее резкой, а императрица наоборот стала обнаруживать более глубокий взгляд на природу сатиры, что сказалось в написанных ею позднее обличительных пьесах. При любой точке зрения сам факт возникновения этой полемики – свидетельство огромных сдвигов, происшедших в русском обществе и медиа-пространстве. Даже для Петра I какая-либо дискуссия (а тем более, публичная, с кем-либо из его подданных) была немыслима. Вступление Екатерины в такую дискуссию свидетельствовало, по мнению современного исследователя, что в России начинают возникать элементы общественного мнения. Более того, это общественное мнение становится фактором, с которым самодержавие, пусть временно, пусть на короткий срок, вынуждено считаться [37, с.192].

Продолжим сравнение исторического опыта с современными методиками управления медиа-пространством. Мы можем констатировать, что в правление Екатерины II «тоталитарная» схема управления медиа-пространством в чистом виде (запущенная Петром I) заменяется схемой, близкой к «демократической». Официально декларируется патронат власти над литературой и журналистикой (по античной традиции патрон сам увлеченно занимается тем, что патронирует). Налицо более интеллектуальный, аккуратный и динамичный процесс создания собственных и корректировки чужих медиа-текстов, контроль сверху отдельных ситуаций распространения и восприятия информации, вытеснение одних тем или событий другими, акцентирование через прессу нужного направления общественного интереса, ставка на подчиненных и единомышленников. Можно

отметить грамотные спин-операции императрицы в информационном пространстве по усилению резонанса от важных и приятных сообщений и торможению «неудобных» новостей. Г.Г.Почепцов отмечает, что при восшествии на престол Екатерина II использовала еще и целый спектр «малых» коммуникативных технологий. Кампания по завоеванию народного доверия и сочувствия новой власти велась выходами, поездками, частными разговорами, учащенным присутствием на заседаниях Сената, а более всего указами и манифестами [24, с.9]. Важно отметить также, что в первое столетие своего существования российское медиа-пространство абсолютно несамостоятельно и более того, мыслит себя только в поле самодержавной власти и неких отношений с нею (стоит снова вспомнить пример Н.И.Новикова). И хотя граница между европейским и российским медиа-пространствами в XVIII веке была достаточно «открыта» (исключение – недолгое правление Павла I), но влияние европейской журналистики на отечественную было минимальным, ибо последняя полностью зависела от монаршей воли.

Император Александр I в начале своего правления (1801-1825) буквально «смотрит на Европу» и особенно пристально следит за действиями своего политического визави – Наполеона Бонапарта. Наполеоновская модель правительственного контроля над печатью имеет обширнейшую мировую историографию. Мы напомним лишь основной её принцип, сформулированный крупнейшим российским исследователем этой темы Е.В.Тарле: «Газеты обязаны не только молчать, о чем прикажут молчать, но и говорить, о чем прикажут, и главное, как прикажут говорить». Наполеон создал пресловутую «вертикаль власти» – систему управления масс-медиа империи от столицы до дальних провинций, от специальных армейских газет до прессы завоеванных стран. Впервые в истории мировой журналистики он открыто провозгласил пропагандистские функции прессы и много крови попортил Александру I накануне войны с Россией газетными «утками» в европейской прессе и фальшивым «Завещанием Петра Великого». Бонапарт не только жестко контролировал тематику публикаций и покупал известных журналистов, но и

просто очаровывал пишущую братию своими многочисленными афористичными высказываниями о мощи прессы и силе печатного слова. *Сто дней* представили Наполеона в новом свете, император явил себя сторонником свободы прессы и принял провозглашающий её знаменитый Дополнительный акт Конституции Франции от 22 апреля 1815 года. Жаль, что Александр I не знал того вывода, к которому Бонапарт пришел уже в ссылке: «Свобода печати принадлежит к таким учреждениям, о которых не спорят, хороши ли они. Вопрос только в том, долго ли можно отказывать в них духу времени и общественному мнению?» [29, с.26] Но очевидно, что длительное политическое, общественное и военное противостояние с Наполеоном заставило российского императора отрефлексировать *французскую модель* медиавоздействия и извлечь из данной практики определенные уроки.

Государь много консультируется, выслушивает разные мнения и поощряет положительные изменения в доставшемся ему по наследству медиа-пространстве. Он осознает роль прессы, прилагает усилия для формирования более цивилизованного её функционирования. Первый цензурный устав России 1804 года, который историк Н.Булич назвал «лучшей нотой царствования Александра», был документом либеральным и разумным. Его принятию предшествовало гласное обсуждение, при его утверждении отклики в текущей прессе и обществе были только позитивные. Один из авторов документа, член Негласного комитета граф Н.Н.Новосильцев предлагал ориентироваться на Манифест 1799 года датского короля Христиана VII, в котором предусматривалась не предварительная, а карательная цензура (хотя в итоге решили вернуться к более привычной для России форме). Мысль о возможности медиа-влияния на общество а la Napoleon высказывал Александру и прусский министр Штейн в 1812 году, предлагая использовать литературу в целях политической пропаганды [30, с.282]. Молодой государь внемлет совету, но (невзирая на «бабкино воспитание») сознательно дистанцируется от прессы. Например, принимая решение о создании под своим покровительством частного патриотического журнала («Сын Отечества») для формирования необходимого *обще-*

ственного духа, он не встречается с редактором будущего издания лично. Лишь передает ему через третьи руки 1000 рублей на начинание, а потом софинансирует издание и изредка выражает через доверенных лиц моральную поддержку журналу.

«Дней Александровых прекрасное начало» знаменуют количественные изменения в российском медиа-пространстве. Только в первое десятилетие XIX века в стране появилось 77 новых изданий. Среди них – ведомственные («Северная почта»), специальные («Артиллерийский журнал», «Статистический журнал», «Медико-физический журнал»), провинциальные («Казанские известия», «Восточные известия», «Украинский вестник»), коммерческие («Санкт-Петербургские коммерческие ведомости», «Экономический журнал») и благотворительные («Русский инвалид»). Одновременно наблюдаются улучшения качественного порядка. В ряду локальных по влиянию на читающую публику литературных альманахов, изданий различных обществ и кружков («Свиток муз», «Журнал российской словесности», «Цветник», «Соревнователь благотворения и просвещения», «Русская старина») появляются издания с широкой эстетической и просветительской программой, узнаваемым стилем, именем у публики. Это «Невский зритель» И.Сниткина, «Мнемозина» В.Одоевского и В.Кюхельбекера, «Полярная звезда» А.Бестужева и К.Рылеева, «Журнал изящных искусств» И.Буле. Кроме литературно-художественных появляются журналы, охватывающие обширный круг тем и рассчитанные на широкую дворянскую аудиторию. Это «Вестник Европы» Н.М.Карамзина (1802), «Русский вестник» С.Н.Глинки (1808) и «Сын Отечества» Н.И.Греча (1812). В этом списке, безусловно, самым европеизированным является журнал с программным именем, который был рекомендован редактором как «орган патриотизма». В первом номере Карамзин поместил «Письмо к издателю», которое начал поздравлением себя с новым званием *политика*. Он действительно стал первым политическим обозревателем для отечественного читателя. Давал яркие оперативные комментарии к европейским событиям, проводя параллели с Россией. Анализировал внешнюю политику Александра I и Наполеона.

Сравнивал государственные устои, экономику, повседневную культуру и воспитание в России и Европе. Подводил итоги последнего, военно-революционного десятилетия XVIII века: «Мы увидели, что гражданский порядок священен даже в самых местных или случайных недостатках своих; ...что самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений; что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы нравственному и политическому миру, должны остаться в книгах;...что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ; ...и что должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя» [16, с.85]. Обширная цитата доказывает, что при всей публицистической честности и самодостаточности Николай Михайлович в этот период невольно становился, говоря современным языком, *суррогатным спикером власти*. Идентифицировав умелое воздействие на читающую публику и безупречную публичную репутацию, власть тут же приблизила к себе обладателя этих завидных характеристик – в конце 1803 года Карамзин оставил пост редактора журнала ради работы по заказу императора над «Историей государства российского». Едва родившись, российская политическая журналистика, казалось, умерла под опекой цензуры. Характерны указания министра просвещения графа А.К.Разумовского: «Комитет гг. министров положил, чтобы в настоящих обстоятельствах издатели всех периодических сочинений в государстве, в коих помещаются политические статьи, *почерпали из иностранных газет такие только известия, которые до России вовсе не касаются*, а имеющие некоторую связь с нынешним политическим положением заимствовали бы из «Санкт-Петербургских ведомостей», издаваемых под *ближайшим надзором*» [11, с.45].

Послевоенный период, когда официальные правительственные издания и частные журналы в унисон твердили о свободе печати и конституции, когда «попечители учебных округов на торжественных заседаниях управляемых ими заведений проносили речи о политической свободе как о последнем и пре-

краснейшем даре Божьем», – В.О.Ключевский называет временем роста национального самосознания и зарождения «раннелиберальной идеологии». По мнению С.С.Секиринского именно с первых десятилетий XIX столетия начинается свой отсчет специфический российский либерализм (тесно связанный с публицистической активностью А.И.Тургенева и П.А.Вяземского, «Обществом Любимудрия», продекабристскими изданиями и «Московским вестником»). В это время в российской прессе много пишут про «общее мнение» (так было переведено понятие «общественное мнение») и «дух времени». Последняя метафора столь распространена, что мы можем встретить её не только в статьях К.Ф.Рылеева и А.А.Бестужева, проектах документов М.М.Сперанского и Н.И.Тургенева, но и в официальных бумагах С.С.Уварова, М.Я.фон Фока и даже А.С.Шишкова. Правда последний отказывается признавать влияние «духа времени» на какие-либо решения правительства, а видит под этими словами «стремление к своеволию и неповиновению» [1, с.79]. Налицо конфликт смыслов и содержаний, заключенных в одной и той же форме. Точно так же на самом деле в эти годы медиа-пространство России лишь *демонстрирует* «цивилизованность».

После создания Священного союза деятельность цензуры (ближайшего надзора) только усиливается. Уже с 1814 года граф А.А.Аракчеев облечен полным доверием государя, а с 1816 года пост министра просвещения занимает князь А.Н.Голицын. Обе эти исторические фигуры достаточно одиозны, их давление на медиа-пространство увеличивается слишком быстро. Так, в 1815 году циркуляром управляющего министерством полиции всем изданиям запрещаются любые оценочные умозаключения в адрес служителей Двора и Мельпомены: *«Суждения об Императорском театре и актерам, находящихся на службе Его Величества, я почитаю неуместными во всяких журналах»*. В 1823 году Комитет министров большинством голосов подтверждает неприкосновенность императорского театра для критики. В 1817 году в предписании князя Голицына цензурным комитетам говорится, что они не должны пропускать *«ничего, относящегося*

до правительства, не спросив прежде согласия от министра, о предмете которого рассуждается». В 1818 году подобный циркуляр еще более категоричен: *«правительству лучше известно, что и когда сообщать публике»* [11, с.50]. То есть, власть собирается контролировать не только этапы получения журналистами информации, её передачи в прессе и восприятия публикой, но и ход вещей в обратном направлении – нулевой этап создания сообщения (правительству лучше знать, что можно считать информацией, а что нет)!

Поворот Александра I от либерализма к мистицизму спровоцировал еще более резкий крен его окружения от масштабного контроля к настоящему крестовому походу против «бесовского вольнодумства» литературы и журналистики. Это очевидно по всплеску эмоционально заостренной метафоричной лексики в публичных высказываниях. Попечитель Московского учебного округа П.И.Голенищев-Кутузов говорит о том, что сочинения Н.М.Карамзина полны *«безбожия и якобинского яда»*; один из основных деятелей Главного правления училищ М.Л.Магницкий заявляет: *«Слово человеческое есть проводник адской силы философии XVIII века, а книгопечатание – орудие её»*. В этот период закрывается издание Г.М.Яценкова «Дух журналов», усиливается контроль над учебной литературой, гонениям подвергается профессура только что открывшегося Петербургского университета. Академическая и литературная среда в ходе публичных дискуссий все больше использует в качестве главного аргумента доноительство.

По-существу, именно в 1815-1820 годах (а не после 1825 года, то есть восстания декабристов и вступления на престол нового императора) начинается смена формата властного медиа-воздействия: частично демократичная схема «дрейфует» в сторону тоталитарной. Само отношение Александра I к прессе меняется в этот момент необратимо. И все последующие события его правления – активность министерства полиции, создание Комитета «общей безопасности», смена членов Главного управления училищ и министров просвещения, контроль над университетами – еще раз доказывают, что развитие медиа-

пространства мыслилось императором не как движение по накатаным европейским рельсам, а как свой «особый» путь. В частной переписке Александр I как-то упомянул о том, что он мечтал бы сделать «свою родину счастливой, но не в вульгарном смысле» [12, с.30]. Вероятно, свобода слова и наличие общественного мнения воспринимались им именно как слабость, «распущенность» европейских правителей.

Для отечественного медиа-пространства николаевская эпоха (1825-1855) знаменуется укреплением государства и расширением бюрократического аппарата, артикуляцией национальной идеи в виде пресловутой уваровской триады *православие-самодержавие-народность* и принятием двух подряд цензурных уставов (1826, 1828). Примечательны два момента, доказывающие серьезную трансформацию позиции имперской власти по отношению к информационному пространству. Во-первых, сразу после декабрьского восстания для западных газет готовились специальные разъясняющие ситуацию тексты, а после казни декабристов была изготовлена брошюра на немецком языке, излагавшая историю восстания с официальной точки зрения. И с начала 1830-х годов в Германию, Австрию и Францию направлялись специальные чиновники «с целью опровергать посредством дельных и умных статей грубые нелепости, печатаемые за границею о России и её монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, овладевшему журналистикой» [34, с.48]. Во-вторых, именно в Устав 1826 года впервые вошли статьи, регламентировавшие процесс создания и репрезентации образа Верховной власти частными источниками информации: «Всё, что, в каком бы то ни было отношении, обнаруживало в сочинителе, переводчике или художнике нарушителя обязанностей верноподданного к священной Особе Государя императора и достоуважного уважения к Августейшему Его Дому, подлежит немедленному преследованию; а сочинитель, переводчик или художник, задержанию и поступлению с ним по законам» [9, с.44]. Если до того в течение многих столетий Верховная российская власть репрезентовала себя сама с помощью безотказной по эмоциональному воздействию технологии пер-

форманса (государственных церемоний), то теперь, с расширением и укрепление информационного пространства она теряла эту монополию. Издатели газет и журналов, владельцы типографий и книготорговцы по собственной инициативе и из коммерческих соображений начинали публиковать придворные новости и тиражировать изображения августейших особ. Высочайшим повелением Николая I от 29 марта 1831 года была основана еще одна, специальная придворная цензура. Целый корпус её указов, постановлений и регламентов контролировал отражение в прессе любых движений Верховной власти: начиная с фактов прибытия-отбытия Государя Императора и Особ Высочайшего Дома куда-либо и заканчивая публикацией посвященных им стихов или даже просто скопированных их подписей. Цензуре так же подвергались все возможные изображения членов Высочайшего Дома, календари, плакаты и сувенирная продукция. Таким образом, как орел из российского герба, новая власть была четко ориентирована на одновременное и по возможности синхронизированное внутреннее и внешнее медиа-воздействие.

Николай I – тоже внук знаменитой бабки. Но если Екатерина II действовала дипломатично: тонко поощряла и четко контролировала один свой образ в глазах просвещенной Европы, другой в глазах отечественного образованного дворянства и третий – для неграмотного народа, то у него те же действия были менее дифференцированными и получались по-военному безапелляционными и грубоватыми. Современный исследователь Г.В.Жирков справедливо называет Николая I «самодержавным цензором», желавшим лично принимать участие в процессе контроля и наведения порядка на армейский манер во всех сферах публичной и личной жизни своих подданных. Император много и охотно занимался цензурой всех и вся (от творчества Пушкина до коллекций Эрмитажа, от учебников духовных семинарий до репертуаров провинциальных театров). В интерпретации историка XIX века Н.Ф.Дубровина Николай I «часто говорил окружающим, что *долг воспрещает ему относиться слегка даже к маловажному вопросу*; что, возлагая на себя корону, он дал обет посвятить все минуты своей жизни пользам государства и благу

подданных» [14, с.660]. В своем желании контролировать всё информационное пространство страны лично и дотошно Николай I напоминал «самодержавного редактора» Петра I (но, к сожалению, Николай Павлович в отличие от Петра Алексеевича не обладал даже минимальными навыками автора, редактора или издателя).

Возможно, именно сильнейшее желание императора быть отцом-командиром для отечественной прессы и направлять информационное пространство, как свою армию, а изданиями командовать, как полками, и не позволило ему по достоинству оценить идеи Ф.В.Булгарина о полезности *«некоторой гласности»* и руководстве со стороны верховной власти общественным мнением, изложенные последним в конфиденциальных записках на высочайшее имя. Оставляя за скобками все оценки личности Булгарина, нам важно подчеркнуть, что в его предложениях отчетливо видна наполеоновская схема управления масс-медиа, близкая к «демократической». По мнению Фаддея Венедиктовича журналист – это *модератор*, посредник между властью и обществом. Он доносит до общества мнения и намерения власти и информирует власть об общественном мнении по поводу её действий. Власть при этом получает возможность узнать «способных людей» и рекрутировать из них кадры ответственных чиновников. Одобренная свыше гласность нужна для того, чтобы публика, читая критические отзывы журналистов (о театре или о мерах правительства), *доверяла* журналисту и принимала на веру все его суждения, в том числе и «в пользу правительства». Назовем такой тип отношений в связке «власть–общество–журналист» *схемой гласности*. Параллели с перестроечными реалиями слишком очевидны. Феномен гласности возникал в русском обществе всякий раз, когда в обществе появлялась надежда на социальные и политические реформы; а власти оказывалась необходима сознательная общественная поддержка. До сих пор журналисты самых разных направлений и политических ориентаций, трактуя отношения СМИ, общества и власти, исходят из булгаринских представлений [1, с.8]. В своих записках 1826-1830 годов Булгарин по существу предлагает государю-

императору использовать верных журналистов и грамотных людей во всех слоях (лидеров мнений) в качестве суррогатных спикеров и *воспитателей общества*. Через них можно снабжать общество подкорректированной, унифицированной информацией, так как авторитет печатного слова будет способствовать некритичному её усвоению. Булгаринские рекомендации уже очень напоминают констатации ученых XX века о природе манипуляции массовым сознанием через систему масс-медиа. Г.Шиллера, говорящего о «большинстве, которое не имеет своего мнения и попадает в информационную ловушку», или А.Моля, который пишет о том, что нужное искажение реальности достигается чаще через процесс «кумуляции мелких отклонений, происходящих всегда в одном и том же направлении, чем решительных, бросающихся в глаза действий, и цитирует знаменитое изречение «Honesty is the best policy». Но высочайшему читателю булгаринские тексты, видимо, не понравились откровенным желанием их автора «стать идеологом» или, по крайней мере, получить некие привилегии для своей литературной и журналистской практики. По мнению М.К.Лемке «не любивший грубой лести Николай I, прекрасно понимал мотивы постоянного булгаринского пресмыкательства» [17, с.395]. Внимательно читая адресованные ему записки Н.М.Карамзина, П.А.Вяземского и А.С.Пушкина, император передавал бумаги Булгарина вниз по служебной лестнице: министру народного просвещения или начальнику III отделения.

Создание Собственной Канцелярии и особенно её III Отделения означало появление *подсистемы*, которая быстро развернулась в *систему* постоянного масштабного государственного контроля и борьбы с инакомыслием. Это была политика *тотального сканирования* сферы книгоиздательства и печати, системы образования и культуры. Любые движения в медиапространстве контролировались цензурно-полицейским монстром: закрытие и появление изданий, смена редакторов, появление новых авторов и деятельность уже известных, темы публикаций, вплоть до содержания рекламных объявлений и библиографических заметок. Частные издания держались на корот-

ком «поводке» (разветвленная цензура, государственный контроль за типографиями, монополия на рекламные объявления, запрет на политические материалы, заказ обязательных патриотических материалов, негласное наблюдение за литераторами и издателями).

По Уставу 1828 года цензура, формально оставаясь в ведении министерства просвещения, фактически была поставлена под контроль III Отделения. Между министром и шефом жандармов завязалась «подковерная» борьба: глава III Отделения А.Х.Бенкендорф с удовольствием регистрировал промахи и ошибки цензуры и докладывал о них государю. Государь, в свою очередь, стал именно через шефа тайной полиции передавать свои указания министру, цензорам, литераторам и журналистам. В отечественном пушкиноведении подробно изучен треугольник взаимоотношений «Николай I – Бенкендорф – Пушкин», описан роковой разнос А.А.Дельвигу как издателю «Литературной газеты», устроенный Бенкендорфом, и его роль в социальной изоляции П.Я.Чаадаева после публикации «Философического письма». Нередко государь и шеф тайной полиции сознательно разыгрывали перед конкретным литератором и высшим светом мизансцену «плохой и хороший следователи». Историки отечественной литературы и цензуры при этом отмечают, что в «правлении» А.Х.Бенкендорфа было создано некое *сбалансированное* взаимопроникновение жандармов в литературную среду и литераторов в III Отделение. Важно, что это осознавали не только сами литераторы, но и так сказать «сторонние наблюдатели». Сенатор Н.Г.Дивов, например, подводя в своем дневнике итоги истекшему 1832 году, записал: «Министерство народного просвещения не обладает достаточной энергией, чтобы обуздать периодические издания, содержания самого антимонархического и противного самодержавию. Тайная полиция с её явными и тайными цензорами, со своей стороны, действовала в сем важном случае *весьма вяло*. Сам граф Бенкендорф как будто находился под обаянием этих писак; можно опасаться последствий этой небрежности» [34, с.45]. Глядя из сегодняшнего времени на действия А.Х.Бенкендорфа, можно констатировать, что Алек-

сандр Христофорович, будучи безусловным *эхом государя*, обладал, тем не менее, *своим голосом*. И был более *приводным ремнем*, чем *рычагом* властного медиа-воздействия. Тенденция эта сохранилась и у его преемника – Л.В.Дубельта, который создал целый учтиво-заботливый ритуал допросов, что нашло отражение в воспоминаниях польского революционера Сераковского или петрашевца Достоевского. Получается, что екатерининское *заигрывание с пишущей братией* оказалось эффективным и весьма востребованным средством её укрощения. Только в следующем столетии оно спустилось на жандармскую ступеньку с монархического пьедестала (где не нашлось равных по масштабу и умению персон).

Важно отметить, что Николай I официально не отверг дела Петра I, не заявил, что будет управлять вверенной ему державой «от противного» (этим как раз ранее злоупотребил его отец, переиначивая екатерининские установления), – напротив, царь часто подчеркивал, что считает себя продолжателем реформ. Однако, продолжая революцию *по-своему*, он совершал контрреволюцию: тормозил работу одних механизмов, заглушал другие, меняя их на отечественные. По мнению современного пристрастного исследователя, Николай I «уверенно и неотступно подводил под величественное здание Империи иные, родные опоры, водружая их на место иноземных, вбитых реформатором» [14, с.15]. То есть петровская тоталитарная схема управления медиа-пространством у него становилась еще более специфически российской. Одновременно Николай пристально и скрупулезно отслеживал построение медийного и публичного имиджа своих венценосных прародителей и брата: Петра I, Екатерины II, Александра I. Были закрыты для публикации письма к Вольтеру, часть сочинений императрицы, не вышли в свет исторические повести и научные труды о периодах правления этих государей, была запрещена даже для публикации (не для постановки) трагедия М.П.Погодина «Петр I». На докладе цензуры о ней Николай написал: «Лицо императора Петра Великого должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви,

выводить оное на сцену было бы почти нарушением святыни и по сему совершенно неприлично» [11, с.70].

Образцом бессмысленной придирчивости и сверхподозрительности Николая I по отношению к медиа-пространству может служить достаточно известная история со статьей «Деятнадцатый век» И.В.Киреевского в только что начатом им журнале «Европеец». В письме Бенкендорфа на имя министра просвещения сообщалось, что в пропущенном цензурой тексте Николай I усмотрел *двойной смысл*: под «просвещением» подразумевается «свобода», под фразой «деятельность ума» – «революция», а «искусно отысканная середина» не что иное, как «конституция». Журнал был закрыт, Киреевский отдан под полицейский надзор, ему была запрещена издательская деятельность, все цензоры наказаны. После этой истории государь велел (вопреки действующему цензурному Уставу) предоставлять жандармские справки на каждого редактора или издателя и своей волей остановил рост изданий: новые частные журналы не могли появиться без его разрешения и подробного изложения для него всего того, что будет входить в предполагаемое издание. То есть Николай опять пытается регулировать процесс в обратном направлении и контролировать появление нового игрока на медиа-поле еще «в зародыше».

При этом он наращивает арсенал официальной прессы. В 1834 году начинает издаваться основанный министром С.С.Уваровым «Журнал министерства народного просвещения», ставший рупором «теории официальной народности». К 1838 году в 42 губерниях выходят «Ведомости», которые подчиняются губернаторам и редактируются чиновниками по особым поручениям. Постепенно «малая пресса» появляется во всех губерниях, уездах и полицейских управлениях. Николаевские министры добиваются права быть цензорами всего, касающегося деятельности их ведомств (с 1830 года – министерство финансов, с 1833 – военное министерство, затем министерство внутренних дел и министерство народного просвещения). Император последовательно увеличивает число структур с цензурными функциями. А.В.Никитенко насчитал их двенадцать [21, с.533]. Удиви-

тельно, но к концу царствования Николая I право предварительной ведомственной цензуры было даровано даже Комитету главного попечительства детских приютов, Человеколюбивому обществу, Комиссии о построении Исаакиевского собора, Кавказскому комитету, Археологической комиссии и Главному управлению государственного коннозаводства.

Закрытие издания по высочайшему повелению превращалось каждый раз в публичный скандальный процесс. Два самых известных дела николаевского правления: прекращение журнала Н.А.Полевого «Московский телеграф» (1834) и журнала Н.И.Надеждина «Телескоп» (1836). И если в последнем случае поводом для гнева государя стала публикация знаменитого своей негативной оценкой роли России в мировой истории философского трактата, то в первом случае официальным поводом долго считали сдержанную рецензию на понравившуюся государю патриотическую пьесу. В действительности, тон критических статей Н.Полевого и направление его журнала были настолько *беспокойными и неприличными*, что министр народного просвещения С.С.Уваров говаривал: «Если Полевой напишет даже «Отче наш», то и это будет возмутительно». Сразу после закрытия «Телеграфа» А.В.Никитенко записал в своем дневнике слова Уварова о его издателе: «Надо было *отнять у него право говорить с публикою* – это правительство всегда властно сделать, и притом на основаниях вполне юридических, ибо *в правах русского гражданина нет права обращаться письменно к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять когда хочет*» [21, с.326]. Замечательное по своему цинизму заявление не оставляет никаких шансов нынешним промонархическим историкам говорить, что «Россия в этот период поднималась все выше...»

Пресловутый «польский вопрос» влиял не только на внешнюю, но и на внутреннюю коммуникативную политику. В прессе любой публичный намек на Польшу или двусмысленный текст, который можно было пристегнуть к ней, карался быстро и жестоко. И все литераторы с польскими корнями считались априори неблагонадежными. Характерна запись в дневнике Ни-

китенки (цензора журнала «Библиотека для чтения») в январе 1834 года: «Наши почтенные литераторы взбеленились, что Смирдин платит Сенковскому 15 тысяч рублей в год. Каждому из них хочется свернуть шею Сенковскому, и вот я уже слышу восклицания: «Как это можно? Поляку позволили направлять общественный дух! Да он революционер! Чуть ли не он с Лелевелем и произвели польский бунт» [21, с.317]. После выхода первых же номеров «Библиотеки» министр просвещения резко осудил «полонизм» и «площадные остроты», посоветовав новоиспеченному редактору «идти в писари». Фактически оставаясь редактором, О.И.Сенковский вынужден был в собственном издании и в «Северной пчеле» Ф.В.Булгарина опубликовать заявление о том, что он лишь автор. И только в августе 1836-го Осип Иванович сможет заявить, что «с самого начала существования этого журнала *никто* в свете, кроме г.Сенковского, не имел ни малейшего влияния на состав и содержание «Библиотеки для чтения» [10, с.262]. Еще грандиознее вышел скандал с публикацией в декабре 1846 года в той же газете Булгарина баллады графини Ростопчиной «Насильный брак». Спустя почти месяц после публикации Николай I разъяснил шефу жандармов А.Ф.Орлову аллегория «брачного союза российского монарха с Польшей» и потребовал наказать издателя. И в ответ на сомнения шефа жандармов в злом умысле проверенного человека сказал знаменитую фразу, которую одинаково передают несколько мемуаристов: «Если Булгарин не виноват, как поляк, то виноват, как дурак»!

Европейские революционные события 1848 года стали причиной создания печально известного особого временного Комитета. По желанию Николая I Комитет должен был не только жестко контролировать все информационное пространство, но и «наблюдать за наблюдающими» (контролировать и перепроверять цензуру). Министр народного просвещения и главный цензор граф Уваров стал фактически подчиненным председателя Комитета генерал-адъютанта А.С.Меньшикова. По мнению императора, вся существующая российская печать должна «содействовать правительству в охранении публики от заражения иде-

ями, вредными нравственности и общественному порядку». Характерно высочайше повеление от 25 марта 1848 года: «Объявить редакторам, что за дурное направление их журналов, даже в *косвенных намеках*, они подвергнутся личной ответственности. Независимо от ответственности цензуры» (то есть даже за те тексты, что были пропущены цензурой к печати). 2 апреля того же года был утвержден новый состав особого Комитета, его возглавил член Государственного Совета Д.П.Бутурлин. По сравнению с «меньшиковским» «бутурлинский» Комитет еще более сузил диапазон тем в частной прессе и спектр доступной журналистам и публике официальной информации. Вопреки действующему Уставу «Комитет 2 апреля» совмещает духовную и светскую цензуру, он склонен видеть в каждом тексте *междустрочный* «тайный» смысл (Уваров в докладе царю справедливо назвал это манией). Постоянно тлеющий конфликт между особым Комитетом и министром народного просвещения закончился быстрой отставкой некогда всесильного главного правительственного идеолога и министра. Досталось от Комитета даже агенту III отделения и самому престололюбяльному журналисту Булгарину: он получил выговор за публикацию отрывка из его «Воспоминаний», посвященного памяти М.М.Сперанского. Что уж говорить об участии других отечественных изданий и журналистов? Комитет 2 апреля цензурировал все периодические издания и все издаваемые книги, брошюры и учебники, научные сборники и диссертации, лубочные картинки и игрушки, даже ноты и клички лошадей, участвующих в скачках. Историк русской журналистики и цензуры М.К.Лемке назвал период с 1848 по 1855 годы «эпохой цензурного террора». Он писал: «Страх и ужас, наводившиеся Комитетом 2 апреля, не встречали сочувствия даже в людях во всем согласных с политическим курсом того времени. Вот что писал М.Погодину в частном письме М.Дмитриев, достаточно известный своей «доносительной» поэзией: «Никогда запрещение мысли не доходило до этой степени! Нас надувают знаниями, как пузырь; а после его и завяжут, чтобы они не выскочили наружу» [17, с.216]. Осторожный в публичных высказываниях профессор университета и цензор А.В.Никитенко в

своем «Дневнике» был еще более эмоционален в оценке ситуации: «Полтора ста лет прикидывались мы стремящимися к образованию. Оказывается, что это было притворство и фальш: мы улепетываем назад быстрее, чем когда-либо шли вперед... Произвол, обличенный властью, в апогее... Всякое попознание мыслить, всякий благородный порыв, как бы он ни был скромн, клеймятся и обрекаются гонению и гибели. Еще немного – и все, в течение полутора ста лет содеянное Петром и Екатериной, будет вконец низвергнуто, затоптано...» [21, с.509] Чувства Александра Васильевича вполне понятны: порядочному человеку, находящемуся тогда *внутри системы*, можно было прийти в отчаяние.

Достаточно долго николаевский период в массовом порядке оценивался учеными как погружение российского вольного слова «в глубокие сумерки» [18, с.313]. Но при ретроспективном зрении тектонические процессы вызревания отечественной общественной жизни и активизации журналистики более очевидны. Не стоит забывать и о ключевом для развития российского общества споре западников со славянофилами, артикулированном в публичной сфере именно в николаевское правление.

И в философской, и в исторической литературе противостояние двух этих течений описано довольно подробно. Мы же должны зафиксировать именно медийную проекцию этой дискуссии. Традиционно выделяют сторонников «официальной народности» (М.П.Погодин, С.П.Шевырев), славянофилов (С.Т.Аксаков, К.С.Аксаков, И.С.Аксаков, И.В.Киреевский, П.В.Киреевский, А.С.Хомяков, Ю.Ф.Самарин) и западников (П.Я.Чаадаев, Н.В.Станкевич, В.Г.Белинский, А.И.Герцен, Н.П.Огарев, Н.А.Некрасов, И.И.Панаев, Т.Н.Грановский, В.П.Боткин). Причем в каждой группе существуют имена «второго порядка», иногда менее известные, иногда просто дистанцирующиеся от идеологического направления (например, Ф.И.Тютчев, А.А.Григорьев, Н.Х.Кетчер, П.В.Анненков). Направление официальной народности и славянофильства представляли последовательно следующие издания: «Московский вестник» (1827), «Московский наблюдатель» (1835), «Маяк»

(1840), «Москвитянин» (1841), «Московский литературный и ученый сборник» (1846, 1848), «Московский сборник» (1852), «Русская беседа» (1857), «Молва» (1857), «Парус» (1859), «День» (1861), «Москва» (1867), «Русь» (1880). К последовательно действовавшим в информационном пространстве изданиям западников специалисты склонны отнести частично или полностью такие журналы и сборники как «Телескоп» (1831), «Московский наблюдатель» (1838-1839), «Отечественные записки» (1840-1846), «Физиология Петербурга» (1844, 1845), «Петербургский сборник» (1846), «Современник» (1847-1866), «Русское слово» (1859-1866), «Отечественные записки» (1868-1884). Особняком стоят в этом ряду появившиеся в России нелегально заграничные издания Герцена – «Полярная звезда» (1855-1868) и «Колокол» (1857-1867). Простой арифметический подсчет фиксирует суммарное численное превосходство изданий славянофилов. Но исторический контекст и информационное пространство не признают только количественных аргументов. Четко выраженное направление изданий, ритмичность и сила печатного воздействия, яркость публицистических выступлений и резонанс от них в обществе – по этим критериям западники были, безусловно, лучшими игроками на медийном поле.

Давление на западников и славянофилов со стороны николаевского режима было в целом одинаковым, хотя в определенные моменты доставалось больше то тем, то другим. Надо особо подчеркнуть, что оба направления ратовали за свободу слова и в публичных текстах не раз призывали к ней. В том и в другом лагере были фигуры, слывшие у правительства подозрительными, неблагонадежными. При этом славянофилы в отличие от западников пользовались иногда протекцией властей (так об издании журнала «Москвитянин» впервые речь зашла в ноябре 1837 года, на обеде у московского градоначальника князя Д.Голицына, который сам взялся хлопотать о разрешении). Издания славянофилов и западников одинаково закрывались по распоряжению властей, но вот по финансовым или кадровым причинам – только у славянофилов. Тот же «Москвитянин» терял подписчиков из-за внутренних конфликтов, плохо постав-

ленной организационной и журналистской работы. Затем Погодин передал «бразды правления» Киреевскому, но тот не очень преуспел в редакторской деятельности и умер в 1856 году. Славянофилы сами осознавали свое неумение «наладить прессу». Сергей Аксаков в письме к Н.В.Гоголю указал главную причину неудачи «Москвитянина»: «Киреевский не создан от Бога, чтоб быть издателем журнала». Алексей Хомяков писал, что в журнале «не были высказаны мысли, которые славянофилы хотели и должны были выразить». А Николай Языков грустно добавил: «...Всё кончилось пшиком» [32, с.54].

Будучи (как и западники) серьезными учеными, оригинальными мыслителями, прекрасными ораторами, зайдлыми спорщиками и незаурядными личностями, практически все славянофилы не готовы были к регулярной, постоянной и ритмичной профессиональной журналистской работе. Скорее они были любителями в лучшем, английском смысле этого слова. Были необязательные авторы и в лагере западников – во многих воспоминаниях сохранились свидетельства о подобной позиции Панаева, Тургенева, Боткина и даже Герцена в период его после-ссылного сотрудничества с «Отечественными записками». А.Я.Панаева вспоминает частые выговоры Белинского Панаеву и Тургеневу: «Полно вам шлаться без дела, пишите. Не забудьте, весь материал мне нужен к началу сентября, надо, чтобы не было задержки в типографии. Боюсь, чтобы в Москве не было задержки, здесь-то я вас всех, как школьников, засажу работать, а там начнут откладывать, завтра да завтра, и выйдет задержка... Ах, если б вас всех судьба посадила в мою шкуру! Испробуйте-ка хоть на короткое время – я поеду за вас в деревню, а вы останетесь в Петербурге да работайте за меня, а я буду наслаждаться и пописывать, как дилетант» [22, с.152]. Безусловно, фигура Белинского ключевая в медийном клане западников. Его узнаваемый авторский стиль, умение работать в разных жанрах и популяризировать самые сложные теории, находить общий язык с разными редакторами-издателями и обходить препоны цензуры, профессионализм и потрясающая работоспособность в качестве ведущего автора и фактического редактора – всё это

вместе обеспечивало бесспорную победу западников на медиа-поле до 1848 года!

Еще раз подчеркнем в принципе равные интенсивность и масштаб карательных мер властей по отношению к изданиям западников и славянофилов. В этот период арестовывается и ссылается целый ряд писателей (Салтыков, Самарин, Тургенев), придирчивость цензуры доходит до апогея. При этом широкая российская общественность *кормится* событиями, слухами и публикациями и все больше вовлекается в противостояние, обозначенное двумя течениями. Вот мнение современника и активного участника событий П.В.Анненкова: «В печати, на скромном поприще тогдашней публицистики, все внутренние, кружковые баталии между ними являлись, разумеется, в смягченном виде. К 1843 году обе литературные партии стояли как два лагеря, друг против друга, каждый со своими шпагами. *Партии должны были бороться так, как они боролись, на глазах публики*, для того, чтобы выяснить всю важность содержания, заключающегося в идеях, ими представляемых. Только после их усилий, трудов и борьбы можно было распознать, сколько жизненной правды заключается в идее» [2, с.209]. Е.Л.Рудницкая подчеркивает, что столкновение в публичной и медийной сфере западников и славянофилов в 30-40 годы является показателем обретения либеральным самосознанием национальной и исторической осанки, предтечей грядущих реформ 60-х годов XIX века [31, с.570].

Начиная с декабристов и заканчивая легальными марксистами, все желающие изменить российскую действительность имели только одну кафедру, с которой могли официально высказывать свои идеи, – разрешенные печатные издания. Еще в лице декабристов мы наблюдаем достаточно разрозненное и несистематичное медиа-воздействие *тайного общества* легальными публикациями на узкий круг *великосветской* публики и прокламациями на такую же локальную солдатскую грамотную среду нескольких полков. Но уже через каких-нибудь пятнадцать лет *партия* западников демонстрирует целенаправленное и развернутое медиа-воздействие на *широкий круг* (столицы и провин-

ция) демократичной читающей публики через прессу, литературу, публичные лекции и акции. При Александре II к этому внутреннему воздействию впервые в истории отечественной журналистики добавится поток ввозимой в страну бесцензурной нелегальной прессы, листовок, брошюр и книг, издаваемых в Лондоне. И тогда власть даст разрешение М.Н.Каткову (бывшему другу А.И.Герцена и редактору частного журнала «Русский вестник») бороться с этим информационным потоком от своего имени, со всей страстью и энергией *верноподданного журналиста с собственным мнением*.

Повторим: начав *остывать* уже во вторую половину александровского правления, в период царствования Николая I российское медиа-пространство, конечно, все более закрывается, «замораживается», переходит в автономный режим. Но, как говаривал государственный руководитель следующего XX века, «процесс пошел». Запущенное по воле Петра Великого информационное пространство России развивается дальше по своим, уже не регулируемым отдельной монаршей волей законам.

Медиа-пространство обладает неизменными характеристиками, названными специалистами аксиомами.

Главные из них: *аксиома объема* (расширение и наполнение новым содержанием), *аксиома взаимозависимости* (внутренняя и внешняя структурность) и *аксиома порождения* (резонансные явления). Одновременное действие этих аксиом отчетливо иллюстрирует известная история с переходом бывшего пушкинского журнала «Современник» из рук П.А.Плетнева под контроль Н.А.Некрасова и И.И.Панаева.

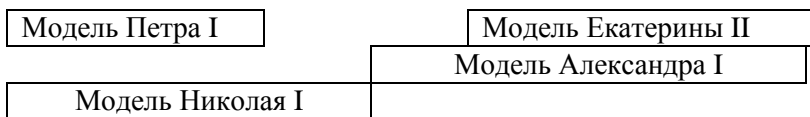
Бывший издатель еще переживает по поводу сделки [23, с.338]. А новые издатели уже пробивают официальное разрешение у министра и печатают большим тиражом во всех изданиях и отдельными рекламными афишами заявления о том, что с 1847 года журнал подвергнется «*совершенному преобразованию*» [8, с.22]. Читающее общество еще удивляется такой перемене. А официальный редактор А.В.Никитенко уже со второго номера подумывает отказаться от должности из-за серьезных разногласий с издателями. Унявший ради дела личную обиду

В.Г.Белинский еще надеется создать вожаемое «направление журнала» [3, с.343]. Он передает в него все собранные (для планируемого им альманаха «Левиафан») материалы и сам пишет статьи. По свидетельству А.Я.Панаевой, «когда вышел первый номер «Современника», то Белинский смотрел на книжку с таким умилением, с каким смотрит отец на своего первенца, только что появившегося на свет» [22, с.171]. Но через полтора года «Современник» отречется от Белинского и опубликует на кончину своего идейного вдохновителя десять позорных строк, больше похожих на заключение врача. В дальнейшем только часть публики будет воспринимать некрасовский «Современник» как оплот передовых идей (даже А.И.Герцен из-за границы будет его критиковать). Другая часть будет считать его одиозным и презирать. Так будет воспринимать журнал не только консервативная верхушка, но даже демократичная студенческая и литературная среда (что отразилось в «Литературных воспоминаниях» А.М.Скабичевского).

Что же происходит? Предполагалось, что обновленный журнал не только станет зеркалом современного литературного процесса, но будет прогнозировать развитие и национальной литературы, и читающей публики, и всего общества в целом. Коммерческая успешность журнала и раскрученность имени должны были, по мысли Некрасова, стать основой для постоянного медиа-воздействия на публику в нужном направлении. Именно этой благой целью он оправдывал свои компромиссные контакты с цензорами и официальной властью (обеда, охоты, специальные проигрыши в карты, личные стихотворные подношения). Заявленная концептуальность «Современника» на деле не выдерживается; она практически сразу же искажается в реальном медиа-пространстве, создает многочисленные неверные понимания в разных аудиториях. Знаковые лица, опытные люди занимаются журналом, прилагают серьезные усилия, а издание в итоге живет какой-то своей жизнью! Это дают о себе знать аксиомы медиа-пространства. Чем более политизируется медиа-пространство России, тем более невозможна однозначная (политическая, экономическая, социальная и журналистская) оценка

того или иного издания, автора, редактора. Это лучше всего иллюстрирует длящаяся уже более ста лет полемика вокруг другого знакового издания, газеты «Новое время», и её издателя А.С.Суворина.

Подводя итоги первых ста пятидесяти лет развития отечественного медиа-пространства, мы должны признать, что только к середине XIX века оно (продолжая официально контролироваться царем, правительством, цензурой и полицией) обрело черты информационной матрицы и стало сопоставимо с европейским аналогом. Расширение ареала влияния прессы, рост читающей публики, формирование общественного мнения, появление профессиональных работников, активизация самостоятельных медиа-персон, наконец, отчетливые рыночные тенденции – всё это «уводило» выросшее информационное пространство из под опеки монархии, как уводит подростка из родного дома пресловутая «улица». С каждым десятилетием власти все труднее было искать противоядие западным веяниям, всё меньше эффекта давали доморощенные рецепты управления информационным пространством. Стремясь найти баланс между «тоталитарной» (заложенной Петром I) и «демократичной» (к чему близка была Екатерина II) моделями медиа-воздействия, власть все больше дрейфовала в сторону первой. Схематично это выглядит так:

Но именно действие николаевского *медиа-пресса* породило необратимое противодействие повзрослевшего информационного пространства. Система постоянного наблюдения и тотального контроля сломалась окончательно. *Наступление власти на прессу* фактически закончилось. Период правления Александра II открывает новый этап в истории отечественной журналистики – *отступления власти от прессы*. Медленно, еще с пе-

ременными локальными победами и ожесточенным сопротивлением, но уже неизбежно – от Александра II к Александру III и от Александра III к Николаю II – власть доходит до ситуации *полной потери контроля над информационным пространством* (чем и воспользуются новые политические силы). Не найдя компромисса, не создав единой медиа-оппозиции влиянию большевиков, Временное правительство сначала проиграло сражение на информационном поле – и только потом было удалено с поля политического.

Не вдаваясь в подробности исторического периода с 1917 по 1991 год, мы должны отметить только один принципиально важный для нас момент: советское информационное пространство создается заново, буквально с нуля, после того, как *до основания разрушен* старый мир российской прессы. Причем создается опять сверху: новая власть остро нуждается в информационной поддержке. Уже 9 ноября 1917 года Совет народных комиссаров принимает Декрет о печати, артикулирующий борьбу с контрреволюционной прессой (по нему будет закрыто более 470 изданий). За исключением небольшого числа столичных и провинциальных партийных изданий, весь остальной массив отечественных газет и журналов умирает на рубеже 1917-1918 годов. Когорта известных отечественных журналистов по разным объективным и субъективным причинам удаляется с медиаполя (а чаще всего и из страны). В период взаимного красного террора Советы в центре и на местах переходят к открытым репрессиям против изданий и журналистов. Уже 20 января 1918 года появляется первая советская цензурная структура (так называемый Военный контроль). В 1919 году будет образован Госиздат с беспрецедентными правами контроля и цензуры над всем издательским процессом, а в 1922-м – печально знаменитый Главлит. В публичных и печатных дискуссиях о свободе слова будет поставлена точка. Теория свободной печати будет объявлена буржуазной, победит теория партийности прессы, литературы, да и всех остальных искусств. Бумагоделательная промышленность, издательства, книжная торговля, рекламная сфера, почта, информационные агентства, деятельность любых

общественных организаций журналистов и литераторов – всё контролируется советским государством. Даже в короткий период НЭПа свобода частной издательской/журналистской деятельности иллюзорна.

В советских моделях властного медиа-воздействия можно найти переключки то с медиа-правлением в духе Петра I (В.И.Ленин, И.В.Сталин), то с медиа-воздействием в духе Екатерины II (Н.С.Хрущев, М.С.Горбачев), то повторение «дрейфа» Александра I (Л.И.Брежнев). Начало правления Б.Н.Ельцина почти буквально повторяет историческую ситуацию 1855 года, с него начинается новый виток *отступления власти от прессы*, который согласно знаменитому афоризму воспринимается нами второй раз уже не как трагедия, а как фарс. При этом и Горбачев, и Ельцин были еще людьми *партийной системы*. Сохранилось множество их медиа-текстов, документов и воспоминаний, свидетельствующих о том, что оба лидера склонны были держать СМИ в подчиненном положении. И Михаил Сергеевич, и Борис Николаевич не любили заигрывать с журналистами (своими и зарубежными), хотя и вынуждены были общаться с ними *по их* правилам.

Второе президентство В.В.Путина еще больше доказывает, что нынешняя российская власть не дифференцирует среди *своего круга* журналистов, кинорежиссеров, генералов или чиновников – для неё они все равны. Она использует их тягу к медиа-дискурсу. Как правило, люди именно этих профессий и особенного душевного склада обладают целым арсеналом способов писать и говорить в авторитетной манере. При этом они претендуют на роль знатоков: именно они знают, *что* именно чувствуют другие люди, *что* происходит на самом деле. Такое поведение и позиционирование себя как знатоков сходит им с рук (в отличие от других людей) [19, с.14]. Демонстрируя для Запада существование в России «свободы слова» как родового признака «демократического» государства, власть все время проговаривается и разоблачается в конкретных действиях (ситуация вокруг гибели подлодки «Курск», ситуация вокруг канала НТВ, история с протестным движением). Президент В.В.Путин не свободен от

амбиций, заблуждений и иллюзий российской-советской-постсоветской власти относительно *территориально своего* информационного пространства. Он все еще жестко руководит и постоянно контролирует. Многочасовые пресс-конференции, помпезные встречи с главными редакторами в Кремле, премии и награды верноподданым СМИ, панибратство с проверенными журналистами, искусственно поддерживаемое персональное сетевое присутствие, вульгарно-жаргонные словечки в заранее придуманных «импровизациях» на публику – всё это выдает в нем дальнего «родственника» Петра I и Николая I, скромного «наследника» В.И.Ленина, И.В.Сталина, Н.С.Хрущева и преемника Б.Н.Ельцина. Российский президент по-прежнему верит, что пятиминутная трансляция его Новогоднего обращения к народу по всем телеканалам одновременно доказывает, что он *управляет* медиа-пространством. На самом деле это лишь точка фиксации *полного искажения* воздействия.

Развитие информационных технологий и постоянное взаимодействие электронных СМИ структурируют современное информационное пространство на макро и микро уровне. Макро уровень: это ТВ+Интернет. Теленовости создают у зрителей эффект присутствия. Картинка, которую мы видим собственными глазами, убеждает нас в том, что это происходит на самом деле. Появление на сайте Интернет-новости, маркированной текущим мгновением, воспринимается как неопровержимое доказательство того, что это самое важное событие сейчас. То есть изначально нам предлагают не информацию о действительной реальности, а её проекцию. Телевидение и Интернет из трансляторов реальности становятся создателями. Микро уровень: это все печатные СМИ. Они уже имеют дело с подготовленным читателем: искусственная реальность существует в массовом сознании в виде экранной картинки, доминанты. Диктатура электронных масс-медиа *превращает четвертую власть в первую и основную*. Эта власть не вертикальна, а горизонтальна. Она распространяется на уровне тех, кем владеет здесь и сейчас [15, с.4]. Отдельные вмешательства из реального мира принципиально не влияют на информационное пространство. Медиа-монстр давно

уже существует в 4D-измерении (над, вне, внутри и вокруг линейного вектора власти). Само понятие властного медиа-воздействия устаревает почти с той же невероятной скоростью, с какой достижения высоких цифровых технологий сменяют друг друга в очередных моделях гаджетов.

1.2. Медиа-персоны и медиа-лица, трансформация профессии журналиста в России.

Понятия «медиа-персона» и «медиа-лицо» ни в коем случае нельзя воспринимать как синонимы. Согласно К.Г.Юнгу под *персоной* понимается социальная роль, которая реализуется субъектом в определенном социокультурном контексте и ожидается от него партнерами по коммуникации, а *лицо* – лишь маска, фальшивая обертка персоны. Тот и другой феномен имеют свои проекции в информационном пространстве: *медиа-персоны* и *медиа-лица*. Профессионалы в информационном пространстве – это, собственно, медиа-персоны. Часто журналисты не подписывают созданные ими тексты или не присутствуют в кадре своих телепрограмм, но при этом они неизменно остаются *субъектами*, активными участниками процесса массовой коммуникации. А вот медиа-лица – это *объекты* журналистского творчества, герои статей и видеоматериалов. Буквально newsmaker переводится как «делатель новостей», но относится термин не к создателю медиа-текстов, а к тому, кто часто упоминается в них. Это человек, про которого любое сообщение будет новостью. Такие люди занимают высокие должности во власти и бизнесе, обладают харизмой, представляют киноиндустрию и шоу-бизнес. Или не представляют из себя ничего (феномен «It girl»). СМИ и отдельные журналисты используют их в качестве приманки для массовой аудитории, но при этом сами становятся жестко зависимыми от них. Постепенно интересы медиа-лиц начинают определять редакционную политику. При многократном цитировании и регулярных упоминаниях медиа-лица становятся равными медиа-персонам, а иногда более значимыми, чем они. Дж.Фаулз, придумавший особое понятие advertising/popular cul-

ture mix, объясняет эти явления неизбежным «обменом образами» между массовой культурой и рекламой, эксплуатирующими синхронно масс-медиа. Таким образом, любое медиа-воздействие начинается как монолог, но, расширяясь и обретая силу, оно невольно создает свои искаженные копии и варианты, варианты вариантов и варианты ответов на себя самого. Линейное воздействие становится объемным, диалоговым и полифоничным.

Ключевые российские медиа-персоны и одновременно медиа-лица – это, безусловно, Петр I и Екатерина II. В тени царствующих медийный субъектов остаются подлинные первопродцы отечественного информационного поля. Официальные редакторы и штатные сотрудники первых изданий: директор Печатного двора в Москве Ф.Поликарпов, директор Петербургской типографии М.Абрамов, переводчики Посольского приказа Б.Волков и Я.Синявич, личный секретарь императрицы Г.Козицкий, Президент Академии наук Е.Дашкова, академики Г.Миллер, А. Крамер, И. Тауберт, Я. Штелин и М.Ломоносов. Все они активно способствовали становлению первых изданий, но, так сказать, «по совместительству», продолжая службу на разных государственных должностях. Их статьи практически всегда анонимны, публика знает их имена в ином контексте. Сами они редко акцентируют свою работу в изданиях и не считают себя журналистами. Потому некорректно именовать этих людей медиа-персонами в полном смысле слова, скорее это первые *медиа-фигуранты*.

Но вот в 1759 году появляется первое частное издание, и на медийную сцену выходят литераторы-любители: А.П.Сумароков, М.М.Херасков, Д.И.Фонвизин, М.Д.Чулков, В.Г.Рубан, Ф.А.Эмин, И.А.Крылов. Все они – лишь свита вокруг главной медиа-персоны/медиа-маски (Екатерины II). Все ищут в первую очередь покровительства императрицы или внимания вельмож-меценатов, творят в формате литературного дилетантизма. По существу, они *медиа-маски/медиа-фигуранты*, ибо для каждого журнал – лишь новый литературный жанр, хобби. Среди этого поколения особняком стоит фигура уже упоминав-

шегося известного русского просветителя Н.И.Новикова. Его с полным правом можно назвать третьей (после двух самодержцев) *медиа-персоной/медиа-маской*. Он лидер русской журналистики XVIII века и прообраз будущих медиа-магнатов.

С опередившего свое время Новикова начинается отсчет настоящих медиа-персон: Н.М.Карамзин, А.А.Бестужев (Марлинский), Н.И.Греч, М.Т.Каченовский, Н.А.Полевой, Н.И.Надеждин, А.С.Пушкин, В.Ф.Одоевский, О.И.Сенковский, А.А.Краевский, М.П.Погодин, К.С.Аксаков, И.В.Киреевский. Это профессиональные литераторы, ученые, преподаватели университета. У них разные взгляды, они принадлежат к противоположным литературным и общественным группам, кто-то гениален и известен в веках, кто-то просто одарен и «застрял» в своем времени. Но все они сознательно занимались журналистикой в первую очередь ради публичной артикуляции своих воззрений и принципов, то есть *частного медиа-воздействия*. При этом они делали много черновой журнальной работы. Иначе говоря, являлись главными фигурантами и одновременно обслуживающим персоналом информационного поля. Они распахивали и удобряли его, регулярно собирая урожай известности, публичного внимания и поддержки. Одновременно Карамзин, Бестужев (Марлинский), Пушкин, Сенковский, Полевой и даже Греч упоминались в прессе и как литературные медиа-лица.

Бурное размежевание литераторов в 20-30 годах XIX века на «аристократов» и «торговцев» достаточно условно. Из нашего времени проблема профессиональной идентификации видится шире и глубже, она упирается не только в возможность и допустимость «продажи рукописи». Этот спор фиксирует момент появления в российском информационном пространстве профессиональных литераторов (первым по праву можно считать А.С.Пушкина) и профессиональных журналистов (в известном смысле к ним можно отнести Ф.В. Булгарина, О.И. Сенковского и А.А.Краевского). Все трое демонстрируют свой узнаваемый стиль, зарабатывая себе имя и авторитет у читающей публики, их статьи хорошо оплачиваются, они становятся успешными редакторами и издателями. Хотя Фаддей Венедиктович

параллельно зарабатывал на жизнь написанием бульварных романов, негласным осведомительством и имел возможность жить доходами с имения. Осип Иванович оставил удачную карьеру университетского профессора и декана, был не только автором и редактором «Библиотеки для чтения», но и популярным, высокооплачиваемым литератором. Андрей Александрович получил кандидатскую степень, но мало преподавал, начал со скромной должности в пушкинском «Современнике», развернулся как редактор-издатель, но в конце жизни ушел служить в департамент народного просвещения.

Никто из этой тройки не зарабатывал на жизнь только журналистикой, у каждого был «запасной» вариант. И все трое явно не грешили романтическим восприятием новой профессии. Поэтому первым по-настоящему профессиональным российским журналистом можно считать только В.Г.Белинского, который жил журналами в прямом и переносном смысле. Он не только быстро овладел «ремеслом» публициста и редактора, но искренне верил в высокое предназначение журналистики как «воспитателя читающей публики и ревнителя общества». Уже к 1838-му Белинский станет выразителем и создателем общественного мнения, «властителем дум» (данный термин отражает специфическую духовную миссию ведущего публициста в России XIX века и очень приблизительно соответствует современному понятию «медиа-персона»). При этом в отличие от Сенковского и Краевского Белинский никогда не будет стремиться к известности и не успеет узнать славы. Его главной целью будет *чистое персональное медиа-воздействие* на читающую публику, а не медиа-присутствие в массовом сознании в качестве «известной фигуры». И лишь спустя десятилетие после смерти Белинского при издании первого собрания его сочинений в прессе развернется бурная дискуссия о критике. Практически все отметят, что «Белинский имел еще другое значение, кроме литературного, – значение *человека общественного*» [6, с.131], и имя его станет культурным резонатором в поле медиа на многие десятилетия вперед.

Эпизод с переходом «Современника» в руки Некрасова-Панаева и под идейное воздействие Белинского важен в истории

отечественной журналистики еще и как *точка невозврата* в трансформации профессии. Коммерциализация – это главное условие выделения любой профессии из некой синкретичной сферы человеческой деятельности. Переход от непостоянной, но глубоко заинтересованной, успешной практики (любительство) к постоянным усилиям по совершенствованию навыков и умений в ней (ремесло) не всегда заканчивается сознательным выбором постоянной деятельности (профессия). Но здесь мы наблюдаем некий коллапс, похожий на детский вопрос «Что вперед: яйцо или курица?». Мы не можем однозначно решить, что появляется первым: среда, в которой востребованы определенные услуги и за них платят, или люди, желающие делать нечто и предлагающие это за деньги. В историческом ретроспективном видении то и другое появляется примерно одновременно. Наличие прецедента оплаты, существование устоявшейся цены, варианты расценок для разных исполнителей, наконец, наличие спроса – вот благодатная среда для расширения числа занятых в любой сфере. Оплата, которая является не дополнением, а единственным источником дохода для исполнителя – вот самый главный критерий размежевания с любителями в период становления любой профессии.

При жесточайшей предварительной цензуре, системе контроля властей за общественной жизнью, государственном регулировании экономики и сохраняющемся крепостном праве не мог сформироваться полноценный *медиа-рынок*. Но, по мнению В.В.Ученовой, уже с 30-х годов XIX века в России начинается медленный, но неотвратно подготавливающий появление медиа-рынка процесс *коммерциализации прессы* [36, с.374]. Конечно, в условиях предварительной цензуры издатели вынуждены были постоянно нарушать сроки выхода номеров, не могли гарантировать заказчикам оговоренные даты публикации рекламных объявлений. Зато получила развитие скрытая реклама, ангажированные публикации и заказные тексты негативного характера. Сам процесс развития литературы и её распространения уперся в тупик прайс-листа: у столичного журналистского тандема Греч-Булгарин была не особо скрываема такса на все виды публичной похвалы или ругани в адрес каждой литературной

новинки, изданной книги, заявившего о себе автора. Но предпринимательская свобода Ф.Булгарина и Н.Греча была еще иллюзорной. Их издания были зависимы от правительственного софинансирования и системы неофициальных разрешений, а больше всего – от постоянного доказательства их благонадежности и верности политике царя. Попытка Н.А.Полевого создать не просто журнал, а выгодный издательский проект, была пресечена властями по идеологическим мотивам. Финансы О.И.Сенковского напрямую зависели не только от подписки на «Библиотеку для чтения», но и от мнения властей о журнале. Появившиеся в николаевское правление еженедельники «Купец», «Журнал для акционеров», «Посредник промышленности и торговли» просуществовали недолго. Они подвергались той же цензуре, что и литературно-общественные издания, а, кроме того, не могли выдержать прямой конкуренции с «Коммерческой газетой» – официальным органом Департамента внешней торговли. Частный капитал в силу ряда причин: недостаточно большого накопления, политической трусости его владельца, постоянного страха перед правительственным надзором, который лишал всякой гарантии денежные вложения в прессу, в силу долгого непонимания выгоды таких затрат, культурной отчужденности изданий – неохотно шел на расходы по субсидированию прессы.

Одновременно с вниманием широкой публики и западни- ки, и славянофилы жаждали финансовой устойчивости своих изданий. Славянофилы первыми попробовали создать журнал «на паях», но у них ничего не получилось. Перекупив «Современник», Некрасов и Панаев создали беспощадный прецедент в истории отечественной журналистики: два владельца-учредителя издания получали проценты с прибыли одновременно с высокой зарплатой и дополнительным гонораром. При этом Некрасов предложил третьему реальному учредителю – Белинскому – неравный контракт, опасаясь, что после, как он выразился, *надвигающейся смерти* последнего «его наследники разорят журнал». Белинский остро нуждался в работе и не видел других вариантов создать «журнал с направлением». Он предпочел остаться на положении наемного сотрудника. Более того, он

еще пытался спасти репутацию «Современника» и в письмах к общим друзьям оправдывал Некрасова. То есть, будучи безусловным профессионалом в журналистике, Белинский согласился на оплату своего труда, как любитель, но остался верен своим человеческим и журналистским принципам. До сего момента в отечественной медиа-среде дружили и расходились только по причине идеологического принятия/непринятия или только по денежным делам. Некрасов первым в российской журналистике продемонстрировал сущность *циничного профессионала*, который легко смешивает то и другое. Такой типаж будет широко представлен и востребован российским информационным рынком на рубеже XX-XXI веков, но для середины XIX столетия это был шок. Неудивительно, что обсуждение непорочной позиции Некрасова захватило всё медийное сообщество. Часть предварительно согласившихся на сотрудничество авторов отказалась от работы в некрасовском «предприятии». Другие продолжали одновременно сотрудничать и с «Современником», и с «Отечественными записками» А.А.Краевского, оправдываясь тем, что не видят разницы между двумя «капиталистами» [33, с.136]. Впоследствии Некрасов и Салтыков-Щедрин как редакторы шли на особые условия со знаменитыми писателями, всеми способами «накручивали» подписку, откровенно перекупали журналистов из других журналов, удачно занимались книжной торговлей и побочным бизнесом.

«Время Белинского» выдвигало литературные дискуссии на первый план в силу запрета на обсуждение политических тем и делало фигуру литературного критика ключевой для любого издания. Период коренных реформ на рубеже 60-70-х годов XIX века резко расширил ареал журналистской деятельности и создал условия для профилизации. Появились репортеры и военные корреспонденты, экономические обозреватели и очеркисты, театральные и ресторанные критики, фельетонисты и карикатуристы. В начале 90-х годов сенсацией стало появление в газете «Киевское слово» первой женщины-репортера Варвары Меньшиковой. В 1898 году в работе V Международного конгресса журналистов приняла участие и русская делегация. Революция 1905 года создала условия для появления легальной партийной

печати. В связи с выборами в Первую Думу появились первые праламентские корреспонденты. С 1914 года стал издаваться первый профессиональный журнал – «Журналист».

Качественный скачок в развитии отечественного медиа-рынка связан с принятием в 1865 году «Временных правил о печати» (по-существу, первого российского Закона о СМИ) и заменой предварительной цензуры на карательную. Увеличился поток инвестиций в печатные издания. Оформился сегмент печатной рекламы. Была создана система официальной продажи периодических изданий в публичных местах, на вокзалах, рынках, на улицах. Высокие гонорары редакторов и авторов крупных изданий уже не шокировали публику. Появились первые российские медиа-империи Н.И.Пастухова, А.С.Суворина и И.Д.Сытина. При этом и провинциальная, и столичная малотиражная печать – все остро нуждались в кадрах и предлагали сотрудничество адвокатам и учителям, студентам и семинаристам, чиновникам и общественным деятелям.

Во второй половине XIX-начале XX века количество занятых в отечественной прессе людей резко возросло, но репутация журналиста так же резко упала. Общественный стереотип негативного восприятия человека с удостоверением какого-либо издания нашел отражение в серьезной литературе и водевилях, картинах и карикатурах. Особенно выпукло представлены типы бесхребетного издателя и «репортеришки» в хлестких фельетонах Антона Чехова, Максима Горького, Аркадия Аверченко, Константина Еремеева, Александра Измайлова и Власа Дорошевича. Последний написал язвительную и циничную статью «Двадцатый век», в которой за исключением пары исторических деталей всё остальное – подробное и правдоподобное представление существования современного (возможно электронного) издания XXI века. Готовность выдумать что угодно на потеху публике, умение спровоцировать любые негативные события, вплоть до объявленной смерти, смакование пикантных подробностей и дикая конкуренция – всё, к сожалению, очень узнаваемо.

История отечественной журналистики сохранила имена как самых обеспеченных и достаточно одиозных «работников

пера» (М.Н.Катков, А.С.Суворин, В.П.Буренин, Н.А.Лейкин), так и имена уважаемых публицистов, что называется «совести нации» (Г.Е.Благосветлов, Н.К.Михайловский, В.А.Зайцев, А.В.Амфитеатров, А.И.Богданович, В.Г.Короленко, В.А.Гиляровский). Но, напомним: пратически все действующие российские журналисты – и мастера, и ремесленники – ушли из профессии в связи с «обнулением» медиа-пространства страны после 1917 года.

«Усовершенствовав» рецепт Наполеона, соединив его с петровской схемой медиа-воздействия и николаевским тотальным медиа-контролем, В.И.Ленин создает одновременно с новым государством не только новое информационное пространство, но и новую профессию. Журналистика становится предельно функциональной (*коллективный пропагандист, агитатор и организатор*), она перестает существовать и, что ещё важнее, восприниматься как универсальная коммуникативная деятельность и полноправный социальный институт. Аббревиатура СМИ превращается в СМИП (средства массовой информации и пропаганды). Традиции петровского и екатерининского *личного медиа-воздействия* нашли прямое продолжение в ленинских и сталинских статьях 20-30-х годов прошлого века. Как и среди отцов-основателей французской и американской революций, среди партийной элиты российских большевиков было много талантливых публицистов. Узкий круг этих журналистов дополняется волонтерами от сохи и от станка (так называемые рабселькоры – рабочие и крестьянские корреспонденты). Наравне с рядовыми коммунистами и партийными функционерами новые журналисты становятся идеологическими работниками, теми самыми булгаринскими *воспитателями общества*. В отличие от императора Николая I все советские руководители, начиная с председателя Совнаркома В.И.Ленина и заканчивая Президентом СССР М.С.Горбачевым, понимали необходимость создания разветвленной подсистемы *пишущих авторитетов* для опосредованного властного медиа-воздействия по всей стране и на самую широкую аудиторию.

Принципиально важно, что профессиональное журналистское образование появляется только в советской России (до 1917 года была одна попытка – просуществовавшие десять месяцев в революционном 1905 году научные и практические курсы по журналистике). В 1919-1920 годах спешно открывают школу журнализма при Российском телеграфном агентстве, а в 1921-м создается Институт красных журналистов, впоследствии Государственный институт журналистики (ГИЖ). Годичное обучение в нем постепенно доведут до трех лет; но поскольку 40% его студентов имели за плечами образование семь классов и ниже, трудно назвать его вузом. Создание в 30-е годы широкой сети районных, заводских и совхозных многотиражек потребовало быстрой подготовки кадров. По стране открылись десятки техникумов работников печати и соответствующих курсов при обкомах партии. Именно в тот момент, когда власть нуждается в быстрой и масштабной идеологической обработке войск и населения (июль 1941 года!), она выделяет средства на создание первых полноценных факультетов журналистики в тыловых университетах (Свердловск и Алма-Ата). Сразу после освобождения территории от фашистов, в 1944 году, создается факультет журналистики в Белорусском госуниверситете в Минске. Сразу после войны, в 1946-1948 годах, начинают подготовку журналистов Ленинградский и Московский университеты. К концу советского периода 34 вуза страны готовили журналистов для прессы, радио и телевидения. В системе СМПП могли работать еще и выпускники исторических или филологических факультетов, Высшей партийной школы или института профсоюзов. Но практически не могли состояться в профессии люди без высшего образования, членства в ВЛКСМ или КПСС. Конечно, в условиях существования так называемого «железного занавеса» между медиа-пространствами капиталистического и коммунистического полюса особые фильтры искусственно сдерживали контингент журналистов-международников.

Но удивительным образом хорошо отлаженный партийно-государственный конвейер *по штамповке* журналистов на самом деле *не работал*. Советское информационное простран-

ство, точно также как в свое время имперское, только формально развивалось по воле правящей элиты. Чем больше в нем появлялось настоящих талантливых профессионалов, подлинных *медиа-персон*, тем большие отклонения от заданного стандарта оно могло себе позволить. История советской журналистики изобилует именами уникальных личностей, ярких и талантливых авторов, знаменитых на всю страну журналистов со своими темами и стилем, своей аудиторией и даже школой. Мифы нового государства и череда исторически значимых событий, в которых журналисты были по давнему определению Н.Полевого «колонновожатыми», создавали профессии романтический ореол. Социальные и политические трансформации в стране и вокруг неё придавали журналистике подлинный гражданский пафос и не симулируемый патриотизм. Включение в советское медиапространство таких новых каналов как радио и телевидение делало журналистские послания не просто привлекательными, разнообразными, убедительными, но всё более *личностными*. Интонации Аркадия Ривенко или Виктора Татарского, манера говорить и внешность Валентины Леонтьевой или Галины Шерговой были так же узнаваемы и любимы слушателями и зрителями как стиль Анатолия Аграновского или Василия Пескова – читателями. На рубеже 60-70-х годов XX столетия снова, как и в середине XIX века, страна внимала «властителям дум» и общественное мнение формировалось ими часто вопреки цензуре и официальной идеологии (Даниил Гранин назвал этот феномен «пространством сопротивления»). Так государственное содержание всего разветвленного информационного пространства и *отсутствие медиа-рынка* создали уникальную ситуацию в журналистской профессии: превалирования духовного начала над материальным.

Принятие Законов о СМИ СССР (1990) и РФ (1991) означало на деле резкий сбой в отечественном информационном пространстве, *прыжок в рынок*. Параллельно шли процессы скоростной и необратимой коммерциализации СМИ, быстрого разрушения границ и внутреннего разложения отечественного информационного пространства. Еще двадцать лет назад нам

казалось, что резкое и качественное изменение советского медиа-пространства было достигнуто только благодаря политическим, общественным и экономическим изменениям в стране, усилиями конкретных политиков и журналистов. Еще десять лет назад мы подозревали властную верхушку в организации целенаправленной, точно спланированной и хорошо оплаченной *медиа-увертюры* перестройки и смены кремлевской команды. Теперь из второго десятилетия XXI века, очевидно, что этот процесс был более глобален, не подчинялся инструментам политического, экономического или социального порядка. К 1985 году в стране был небольшой компьютерный парк, но и скромных масштабов Рунета было вполне достаточно, что бы началась «интоксикация» всего идеологически выверенного информационного организма. К началу 90-х начался «блицкриг» цифровых технологий и средств персональной коммуникации, что привело к мутации СМИ в СМО (средства массового общения). Слияние с западным пространством на деле означало поглощение мировым информационным пространством, или точнее *инфоноосферой*. Последний термин объясняет, почему до сих пор в условных границах медиа-пространства России есть очаги полной компьютерной девственности, свободы от гаджетов и сильного влияния традиционной прессы, но параллельно наблюдаются зоны журналистского раскола, концентрированной активности новых электронных медиа и социальных сетей. Традиционный зазор между реальностью и медийным пространством, который наблюдается по всему миру, в России выглядит как зияющий разлом тектонического характера. Как афористично заметил лучший суррогатный спикер нынешней власти Н.С.Михалков, «пока мы тут, в московской *песошнице*, выясняем, кто талантливее, вся страна выехала на свои сотки и садит картошку».

При сломе советской системы деятели перестройки не просто ориентировались на западную медиа-практику, но сделали её пиратскую копию. На рубеже 80-90-х годов при определенном запросе на рекламные и PR-услуги в России еще не было (и не могло быть) адекватного предложения. При этом СМИ уже ушли на самообеспечение и должны были выживать. Тогда жур-

налисты предложили власти и бизнесу себя в качестве доморощенных рекламистов и PR-специалистов (и до сих пор не отдают рынок сформировавшемуся сообществу профессионалов маркетинговых коммуникаций). Медиа-тексты становились все более деструктивными и постмодернистскими, издания и эфир заполняли откровенно рекламные и лобовые пиаровские тексты. Классический типаж продажного журналиста («Чего изволите?») сменился еще более неприятным типом с расхожим вопросом «А сколько вы нам за это заплатите?» (именно такой вопрос задали сотрудники ГТРК «Удмуртия» проректору по связям с общественностью УдГУ, сообщив, что будут снимать памятник Пушкину у II корпуса накануне дня рождения поэта).

Наступление модных цифровых технологий и Интернета на поле традиционной журналистики создает «дьявольское искушение» для занятых в ней людей (особенно молодых, уже не получивших профильного образования). Это раньше журналиста «ноги кормили», теперь он зависим от факса, выхода в Интернет и мобильных рассылок. Теперь можно писать безграмотно и постмодернистки, корявым сетевым языком для электронной версии журнала/газеты. Можно не выговаривать половину букв русского алфавита и не уметь связать двух слов, но все-таки вести прямые радиоэфир. Можно использовать при монтаже теленовости любительские съемки с телефонов свидетелей события, назвав это модным термином «народная журналистика». Снижение значимости прессы в жизни страны, уход радиостанций в развлекательный FM-формат, вымывание из телеэфира федеральных каналов качественных новостных и аналитических программ – всё это необоснованно приветствуется как тренды информационного общества.

Мутации медиа-текста и саморазрушение профессии нельзя рассматривать отдельно от той насильственной реструктуризации, которую в 90-е годы переживало отечественное информационное пространство: стали создаваться промышленные медиа-группы и частные медиа-империи, в противовес им снова стал разрастаться государственный медиа-сектор. Капитал вместе с властью стали участниками и организаторами нового «ла-

тентного» цензурного режима. Они же заказали первые, так называемые *малые информационные войны*, которые с 1996 года превратились в одну нескончаемую Большую информационную войну. Медиа-империи стали рушиться или их перекупали другие медиа-магнаты. А потом оставшиеся на плаву медиа-магнаты стали договариваться с Кремлем. Таким образом, Россия наглядно проиллюстрировала знаменитую мысль У.Эко о том, что вместо одного «Большого брата» появятся миллионы «кузенов», и диктатура информации перестанет быть пирамидальной. Политик, госчиновник или бизнесмен теперь только имитирует свое «влияние» на медиа-пространство, сосредотачивая усилия на издании/радиостанции/телеканале или отдельном журналисте. Конечно, Президент РФ лично не оплачивает работу журналистов так называемого «кремлевского пула», равно как и российский министр не содержит за свой счет штат «отраслевых» журналистов. Просто правящая элита хорошо продумывает аттракцион сдержек и противовесов, а гибкая и циничная порода постсоветских журналистов быстро в нем ориентируется. Здесь важен даже не взгляд ученого со стороны, а именно саморефлексия лучших представителей журналистского общества.

Как пишет М.Ганапольский, «власть вообще чрезвычайно изобретательна в игре с журналистами. Используя систему подачек, прямых и тайных, власть делает из лояльных журналистов наркоманов, сажая их на иглу поощрений. Телерадиоведущих и репортеров покупают пачками, оптом. Современный метод ликвидации неугодного СМИ не в том, чтобы его закрыть, а в том, чтобы развалить, создав множество привлекательных временных альтернатив. Но есть персоны, входящие в журналистскую элиту. Для их нейтрализации выделяют специальный бюджет и лучших специалистов. Такому журналисту предлагают возглавить новое авторитетное издание, якобы финансируемое крупным бизнесом в рамках социальной ответственности. Говорят, что можно писать о чем угодно: «мы понимаем необходимость обмена мнениями, важность диалога гражданского общества с властями». Следует заметить, что сам журналист

чувствует подвох, но уверен, что сможет перехитрить власть. Вносится первый взнос за загородный дом, покупается фантастическая машина. И одновременно отворачивается профессиональная среда, появляется весьма специфическое окружение. Заметьте, такому журналисту никто не сует деньги в руки, не пишет список нужных авторов и тем. Отныне его не нужно контролировать. Включается механизм самоцензуры и самооправдания» [7, с.152].

Пытаясь объяснить себе и другим товарищам по цеху природу взаимоотношений нынешней власти и её медийных слуг, Дмитрий Быков пристально всматривается в фигуру генерального директора Первого канала и продюсера всего патриотического (от «Старых песен о главном» до Олимпиады в Сочи) Константина Эрнста: «Неужели все дело только в деньгах? Но у Эрнста нет даже акций Первого канала; он постоянно подчеркивает свою скромную роль наемного менеджера. Власть? Но Эрнст сам признается, что не столько гоняет подчиненных, сколько эксплуатирует себя, ибо ему проще сделать самому, чем объяснить свои требования другому. Близость к Кремлю? Но Кремль отчетливо дал понять, что к представителям медиа всегда будет относиться лишь как к идеологической службе, и вся вилка – между уничтожением и снисходительным разрешением чирикать далее. Что же движет человеком, который по сто часов в неделю работает на деградацию отечественного социума, де-профессионализацию новостников и компрометацию собственной профессии? Перебрав варианты, я могу предложить в качестве универсального объяснения лишь естественнонаучный интерес. Формируя принципиально нового потребителя, который уже не понимает, что такое пошлость, потому что не видит ничего другого, биолог Эрнст выводит гомункулуса, востребованного отвердевающей российской государственностью» [5, с.65].

Менее остроумный коллега Гананпольского и Быкова Александр Минкин, рассуждая о причинах распада отечественного медиа-пространства, в одном из своих знаменитых «Писем президенту» писал: «Владимир Владимирович, я понял, почему вы не любите хороших людей. Потому что не умеете ими управ-

лять. Вы обучены вербовать – то есть использовать червоточину: жадность, страх. Вот с кем вы умеете и любите иметь дело. Агентами становятся люди, которых вербовщик поймал на чем-то плохом. Там, в чужой стране, приходится иметь дело со всякой сволочью, потому что хороший человек против своей Родины действовать не станет. Но теперь все происходит здесь, дома, и результат ясен: завербованные становятся врагами собственному народу. У них нет идеи служения» [20, с.83].

Ретроспективный взгляд на развитие отечественной журналистики убеждает: за период с 1702 по 1855 год в ней найдется не более десятка крупных профессионалов, сознательно продавших свое перо власти и артикулировавших свою верноподданность (среди них упоминавшиеся Ф.Булгарин, Н.Греч и М.Катков). В последние двадцать пять лет число подобных фигур перевалило за сотню. Особенно страшно, когда раковые метастазы медиа-мутации поражают крупных профессионалов, ярых либералов и харизматичных журналистов. Отвратителен был последний эфир на канале «Дождь» (задолго до его закрытия) передачи с В.Познером, который *скорбно и честно* поведал массовой аудитории, как руководство Первого канала поставило его перед выбором «работать либо у нас, либо в другом месте», и как он *вынужден* был сделать этот выбор. Теперь бывший ведущий телемостов «СССР-США» и поборник демократии выполняет роль статиста в паре с И.Ургантом, развлекая зрителей телевизионными прогулками по загранице и пивными шуточками. Вслед за цитируемыми уважаемыми профессионалами приходится констатировать: современная российская журналистика не просто «уходящая натура», она умирает как духовная и культурная практика человека.

Первые полторы сотни лет существования отечественного медиа-пространства ушли на преодоление внушительной дистанции от первых, буквально *правлящих* медиа-персон/медиа-лиц до профессиональных журналистов – медиа-персон и подлинных *правителей общественного мнения*.

Вторые полторы сотни лет развития профессии закончились её публичной смертью, отказом от накопленных ценностей

и высокой планки мастерства, выбором в пользу смежной, выше оплачиваемой деятельности, «спроса» информационного рынка и «заказа» власти.

Таким образом, и подробный ретроспективный анализ, и быстрый взгляд на современное состояние отечественных журналистов, информационного пространства, моделей медийной политики власти, приводят нас из разных точек к одним и тем же неутешительным выводам. Российское медиа-пространство изначально было создано под обслуживание власти. И только спустя полтора столетия стало развиваться самостоятельно, согласно своим законам. Через двести с лишним лет с момента своего создания информационное пространство страны было разрушено до основания и вновь создано под заказ новой власти. И снова стало развиваться больше вопреки, чем по инструкции. При этом пульс властного медиа-воздействия на протяжении всей истории страны регулярно колебался от тоталитарной схемы управления до демократической и обратно. В монархическом и советском формате властного медиа-воздействия было много общего. Оба не противоречили в корне российской ментальности и держали условную границу между своим и чужими информационными пространствами. Перенимание западного медийного опыта было каждый раз однобоким и специфическим, парадоксальным образом оно переиначивало и выворачивало суть в голую *форму*. Профессия журналиста очень долго существовала у нас в неоформленном варианте, в сугубо русском любительском синкретичном формате литературы-публицистики-просветительства. Главной причиной позднего выделения журналистики в отдельную профессию стало сознательно сдерживаемое империей появление медиа-рынка. Но парадоксальным образом именно это же стало в советское время причиной духовного взлета профессии. Движение мирового информационного пространства, политические и экономические катаклизмы, невероятные темпы развития цифровых технологий – все это трансформирует так называемую четвертую власть в первую и далее – в виртуальную «надвласть». Опасные тренды рубежа XX-XXI веков четко указывают на духовную энтропию и саморазруши-

тельные перспективы как в профессии журналиста, так и в информационном пространстве России.

Список литературы

1. Алтунян А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина (Идейно-стилистический анализ записок Ф.В. Булгарина к Николаю I). – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 208 с.
2. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1989. – 688 с.
3. Белинский В.Г. Вся жизнь моя в письмах. Из переписки В.Г.Белинского. Сост. И.Р.Монахова. – М.: Грифон, 2011. – 392 с.
4. Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 1. – М.: Худож. литература, 1976. – 376 с.
5. Быков Д. Календарь. Споры о бесспорном. – М.: Астрель, 2012. – 446 с.
6. В.Г. Белинский: pro et contra. – СПб.: РХГА, 2011. – 1168 с.
7. Ганапольский М. Кисло-сладкая журналистика. – М.: АСТ, Зебра Е, 2008. – 413 с.
8. Горячим словом убеждения. «Современник» Некрасова-Чернышевского. – М.: Современник, 1989. – 543 с.
9. Григорьев С.И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831-1917). – СПб.: Алетейя, 2007. – 480 с.
10. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. Книжная лавка А.Ф.Смирдина. – М.: Аграф, 2001. – 304 с.
11. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 368 с.
12. Зорин А. Кормя двуглавого орла...Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII-первой трети XIX века. – М.:НЛЮ, 2004. – 416 с.
13. Иванов Д.В. Постиндустриализм и виртуализация экономики// Журнал социологии и социальной антропологии, № 1, 1989. – с. 84.
14. Император Николай первый. Сост. М.Д.Филин. – М.: Русский мир, 2002. – 752 с.
15. Кабаков А. Горизонталь власти// Коммерсантъ, № 66, 2006. – с.4.
16. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. – М.: Современник, 1982. – 351 с.
17. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – М.:КД Либроком, 2011. – 440 с.

18. Макушин Л.М. Власть–цензура–пресса: от «Курантов» до Интернета.//Известия Уральского госуниверситета, 2008, № 56. – с. 313.
19. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Исследования медиа и культуры. – Харьков: Гуманитарный центр, 2013. – 264с.
20. Минкин А. Письма президенту. – М.: АСТ, 2008. – 473 с.
21. Никитенко А.В. Записки и дневник: в 3 т. Т. 1.– М.: Захаров, 2005. – 640 с.
22. Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. – М.: Правда, 1986. – 512 с.
23. Плетнев П.А. Статьи. Стихотворения. Письма. – М.: Сов. Россия, 1988. – 384 с.
24. Почепцов Г.Г. Спиндоктор, который умеет «лечить» события. – М.: РИП-холдинг, 1999. – 98 с.
25. Почепцов Г.Г. Информационные войны. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 576 с.
26. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 352 с.
27. Почепцов Г.Г. Информация & дезинформация. – К.: Ника-Центр, 2001. – 256 с.
28. Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.:НЛЮ, 2006. – 328 с.
29. Прутков Г.В. История зарубежной журналистики. 1800-1929. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 416 с.
30. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. – СПб., 1908.
31. Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. – М.:Канон+, 2007. – 624 с.
32. Симанчук И. Зеркало отечество нашего. – М.:ИКАР, 2003. – 208 с.
33. Тихонова Е.Ю. Человек без маски. В.Г.Белинский. Грани творчества. – М.: Совпадение, 2006. – 279 с.
34. Троцкий И. М. III отделение при Николае I. – Л.: Лениздат, 1990. – 318 с.
35. Трыков В. История зарубежной журналистики от истоков до Второй мировой войны. – М.: Инфомедиа Паблишер, 2007. – 440 с.
36. Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 495 с.

37. Чернышева Н.И. Монархи, дипломаты, государственные деятели, литераторы – первые русские журналисты. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 369 с.
38. Шерих Д.Ю. Голос родного города. Очерк истории газеты «Санкт-Петербургские ведомости». – СПб.: Лениздат, 2001. – 254 с.
39. Экман П. Психология лжи. – СПб.: Питер, 2000. – 272 с.

2. АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(Колясев В.Л., ассистент кафедры социологии коммуникаций УдГУ)

2.1. Политическая сфера общества: информационный и социальный аспекты

Политическая сфера общества является областью, в которой между индивидами, группами и институтами, принимающими участие в борьбе за власть, всегда присутствуют определенные зависимости и взаимоотношения. Данное политическое взаимодействие может быть представлено как симметричными отношениями (консенсус, соглашение, союз, блок, сотрудничество), так и несимметричными (гегемония, борьба, господство, управление, конфликт, конфронтация, нейтрализация).

Целью политического взаимодействия является достижение оптимального соотношения между интересами различных политических сил, адекватное выражение потребностей всего общества, сохранение и повышение социальной стабильности. Однако, наиболее глубокий характер имеют связи, возникающие вследствие информационных обменов между людьми, итогом которых являются различные формы взаимного общения или коммуникации. Именно коммуникативная деятельность является той основой, которая позволяет информации циркулировать в обществе и передаваться из поколения в поколение, обеспечивая стабильность и эффективное взаимодействие разнородных политических единиц [1, с.395] и [2, с.7].

Согласно исследованиям Н.Винера, а также других ученых, коммуникативная деятельность (информационный обмен) является базовым основанием для любых областей жизни на Земле, а информация, как вещество или энергия, является неотъемлемым свойством всего сущего; «всякий организм скрепляется наличием средств приобретения, использования, хранения и передачи информации» [3, с.243]. По мнению В.Г.Афанасьева и

А.Д.Урсул информационный обмен в социуме представляет собой аспект и результат отражения обществом как самой социальной формы движения материи, так и всех других её форм в той мере, в какой они используются обществом, вовлеченные в орбиту общественной жизни [14, с.5].

Если взять за основу концепцию социального информационного обмена, социальную реальность необходимо рассматривать как часть естественной природной реальности. Современные теории информационного общества базируются на фундаментальной важности информации и информационных процессов для общества. В качестве примера можно привести концепцию информационного общества М.Кастельса, в которой он рассмотрел Интернет и глобальные телекоммуникационные системы как самостоятельную реальность, существующую параллельно с социумом, но во многом – независимо от него. Ученый В.З.Коган предлагает схожую концепцию, названную «Информационный фонд общества», которая представлена как система научных бытовых знаний, информационных ресурсов и накопленного опыта поколений [4, с.106-116].

Коммуникативная деятельность, являясь процессом передачи информации от одного человека другому или между группами людей по различным каналам и при помощи различных коммуникативных средств, может приобретать различные формы в зависимости от числа участников, целей участвующих сторон, используемых каналов, средств и стратегий [16, с.126].

Функционально политическая коммуникативная деятельность направлена на распространение идейно-политических ценностей, знаний о политике, политическое информирование, регулирование политических отношений, формирование общественного мнения, распространение политической культуры, а также подготовку общественности к участию в политике [15].

Следует заметить, что параметры коммуникативной деятельности определяются различными уровнями (свойствами) их зависимости от внешних и внутренних факторов, отражающих все многообразие политических коммуникаций, а также частные

характеристики контактов коммуникатора и реципиента. Они включают:

1. политическую коммуникативную деятельность как разновидность контактных связей, общих для всего мироздания, включающих в себя некоторые определенные универсальные параметры обращения информации и взаимодействия источника и получателя сообщений;
2. социальные закономерности информационных обменов, вводящие особые коммуникационные единицы общения (тексты), обращающиеся между коммуникатором, коммуникантом и реципиентом;
3. сферу, где осуществляются контакты, формирующую только ей присущую социальную среду, в которой и осуществляется коммуникативная деятельность;
4. свойства, обусловленные характером построения политических отношений, которые складываются на международном уровне;
5. континентально-региональные свойства, обусловленные действием специфических, характерных для данного политического пространства институтов;
6. рационально-политические системы, обладающие теми или иными особенностями организации власти в отдельно взятой стране;
7. локальные политические контакты, которые могут создавать совершенно особую среду формирования коммуникативной деятельности, противоречащую условиям и принципам политического общения людей;
8. зависимость политической коммуникативной деятельности от стандартов межличностных отношений [2, с.20-24].

Информационно-коммуникационный обмен имеет сложную многомерную структуру. Для выявления наиболее существенных и качественно отличающихся компонентов информационно-коммуникативных процессов канадским ученым Дж. Томсоном было предложено различать семантический, технический и инфлуентальный уровни. Семантический уровень отражает зависимость процессов передачи информации и возникно-

вения коммуникации между субъектами от употребления знаково-языковых форм. Технический уровень предполагает наличие у политических субъектов определенных технических средств, включающих, прежде всего, технические каналы, по которым распространяется информация, а также структуры, позволяющие передавать, контролировать и сохранять информацию. Инфлюентальный уровень показывает степень влияния информации на человеческое сознание. Именно на этом структурном уровне определяются источники, предпосылки и факторы духовной эффективности идей, мифов, идеологий и других форм политических представлений [2, с.25-28].

К наиболее показательным типам политической коммуникативной деятельности относятся:

1. вербальные (словесные и изустные языковые системы) и невербальные (иные способы общения);
2. вертикальные (отношения между правящим классом и не элитарными группами населения) и горизонтальные (установление контактов между институтами, группами, звеньями, принадлежащими к одному уровню организации власти);
3. личностные (общение человека с самим собой), межличностные (политические контакты между персональными акторами), групповые (раскрывающие специфику установления контактов между групповыми акторами – партиями, организациями), локальные (общение не выходит за рамки группового объединения), массовые (коммуникация в публичной сфере, предполагающая использование соответствующих институтов, каналов и форм передачи и распространения информации);
4. формальные (основанные на использовании официальной информации) и неформальные (индивидуальные, корпоративные и неофициальные контакты).

Однако следует отметить, что не вся информация, циркулирующая в политике, равноценна как для общества, так и для отдельно взятого индивидуума. По мнению американского ученого К.Шеннона, «посылаемое сообщение является сообщением, выбранным из некоторого множества сообщений, то есть вос-

приниматься и осмысливаться может только та информация, которая приводит к определенному решению, принимаемому человеком в сложной ситуации выбора различных альтернатив своего поведения» [5, с.243].

Политической информацией также признаются только те сообщения, которые выбираются людьми из различных информационных потоков для подготовки и принятия необходимых им решений в сфере государственной власти, а также для исполнения там своих функций. В данном случае информация выступает и как предпосылка действий любого политического субъекта, и как важнейшее условие, позволяющее людям эффективно взаимодействовать в политической сфере ради достижения своих целей.

Информация является основой общественных отношений. Политику же можно представить как особую форму информационно-коммуникационных процессов, которые формируются при распределении общественных ресурсов и статусов с помощью государственной власти. Эти процессы проявляются как взаимодействие разнообразных идеологий, чувств, ценностей, официальных норм и оппозиционных мнений участников политических отношений. Политические субъекты устанавливают связь с контрагентами. Именно эта связь и позволяет им играть различные политические роли. Также целенаправленные контакты между людьми являются связующим звеном между разными уровнями политической системы и помогают институтам власти выполнять свои особые функции по управлению государством и обществом [2, с.7].

Информация является особым политическим ресурсом, представленным в виде данных, сообщений, знаний, средств их переработки и хранения, передачи, которые могут быть использованы субъектом власти в достижении политических целей. Также основой информационного ресурса является смысл, заключенный в предполагаемой информации, являющейся неотъемлемым элементом властных и управленческих процессов, мощным инструментом формирования политического сознания общества. Участники политических отношений, владеющие ин-

формацией, получают определенные преимущества при завоевании и перераспределении власти [6, с. 10].

Возможность субъекта получить власть или потерять её зависит от наличия или отсутствия необходимой информации. Получение необходимой информации становится специфической целью любых акторов, действующих в политике. Неразвитость информационно-коммуникативных обменов в конкретной политической системе неизбежно ослабляет власть государства, снижает адаптацию его институтов к социальным изменениям и в итоге способствует дестабилизации власти и общества [2, с.8].

Впервые представление о политической системе как совокупности информационных потоков и специфической сети коммуникаций, влияющих на принятие и реализацию государственных решений, выдвинул американский ученый К.Дойч в работе «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля». С его точки зрения, все институты и механизмы власти, контролируемые демократией (информационной элитой), являются относительно самостоятельными структурами, которые обладают в информационном пространстве собственными возможностями по переработке потоков сведений и обеспечению потребления и обмена информацией людьми. К.Дойч видел в политике социальное целое (с точки зрения информационно-коммуникативных связей и отношений), структуры и институты которого предназначены для производства, получения и переработки информации. В свою очередь, потоки информации позволяют политическим субъектам выполнять разнообразные роли и функции по распределению ресурсов и полномочий государственной власти. Эффективность деятельности властных институтов, по мнению К.Дойча, зависит от их способности распределять и упорядочивать информацию и налаживать осмысленные контакты между субъектами политических отношений [7, с.31].

В качестве исходной единицы информационно-коммуникативных обменов могут выступать самые различные образования, но большинство ученых считают, что основными являются две позиции: сообщение и текст. Сообщения и содер-

жащиеся в них сведения в зависимости от интересов и возможностей акторов могут либо трансформироваться в информацию, либо остаться абсолютно нейтральными знаниями, не способными побудить политического актора к поддержанию взаимных контактов со своим контрагентом. Следовательно, сообщение не всегда способно преобразовать обмен сведениями в устойчивую форму общения акторов, для одних участников передавая побудительный, оповещательный или практический характер, для других обладая совершенно нейтральным по отношению к целям их деятельности значением. В подтверждение этому можно привести высказывание, что «политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику» [10].

Решения в политической сфере всегда принимаются в результате строгого отбора информации. Обычно используется около 5-7% из полученной информации, остальная часть сохраняется в базах данных. Так как определить ценность сообщения сразу не удастся, в дальнейшем происходит переоценка сведений и возникает феномен «отложенной информации». Также при оценке политических фактов приходится сталкиваться с перенасыщенностью картины мира политики разнообразными сведениями. Человеческое сознание не в состоянии усвоить большой объем информации, что снижает качество отбора сообщений. Теряется возможность отличить более значимое от вторичного, что ведет к упущению необходимой информации и потере способности ориентироваться в политике в целом.

Сообщение является формальной оболочкой содержания, запускаемого по каналам информационных обменов. Текст же является главной коммуникационной единицей, которая оформляет информационные сообщения и вызывает осмысленную реакцию реципиента. Способами обработки текстов являются различные процессы кодирования, передачи и хранения информации, её восприятия и усвоения. Следовательно, политическая коммуникация представляет собой деятельность, выраженную в

обмене действиями, порождающими и интерпретирующими тексты.

Текст в коммуникативном аспекте – это относительно замкнутая, внутренне организованная знаковая система, объединенная общим смыслом и содержащая в себе некую интенцию, побуждение к обратной связи. Передаваемые тексты формируются на основе вербальных и невербальных элементов, а также их комбинаций. «В широкой трактовке текстом является не только печатное слово или устное высказывание, но и положение тела (язык тела), жест, мимика, интонация, длительность речи говорящего, пауза в разговоре и даже молчание» [11, с.74].

Понятие «письма» используется некоторыми учеными для отображения как сложности строения текста, так и его «совместности» с действительностью. Это понятие трактуется как опредметившаяся в языке «идеологическая сетка», помещаемая между человеком /группой и действительностью [12, с.306-349].

Внутренне организованная знаковая система предполагает наличие внутренней структуры текста, побуждающей возникновение обменных процессов и общения между людьми. В структуре текста можно выделить несколько компонентов, играющих различные роли в процессе построения политических коммуникаций. В частности, выделяют затекст – информацию, транслирующую влияния духовной атмосферы, в которой создавался текст, на коммуникативный акт; подтекст – информацию, связанную с намерением коммуникатора, но непосредственно не выраженную в его сообщении; контекст – информацию, придающую единый смысл коммуникативному акту; протекст – проективную составляющую текста, означающую наличие некоего предварительного замысла в сообщении коммуникатора [13, с. 171] и [2, с.13].

Влияние на коммуникативную деятельность сторон оказывает улавливание реципиентом тех или иных компонентов текста в процессе взаимодействия. Например, прочтение реципиентом подтекста свидетельствует о более глубоком восприятии текста и выявлении дополнительных смыслов послания, что способствует превращению «читателя» в соавтора текста.

Необходимо отметить, что понятия «информационные процессы» и «коммуникативные процессы» в политической сфере не одинаковы по значению. Информационные процессы, по мнению М.Г.Анохина и М.Ю.Павлютенковой, не должны отождествляться с политической коммуникативной деятельностью. Информация и связанные с нею процессы являются основным условием функционирования политико-административной системы, что подтверждается их проникновением во все социальные институты, а также в органы государственной власти [8].

Термин «информационные процессы» относится к технико-организационной стороне обменных процессов, и в данном случае может рассматриваться как технологическая основа политической коммуникативной деятельности. Параметры, от которых зависит качество коммуникативного действия, – это содержание сообщений, средства передачи информации, степень плотности потоков сообщений.

Понятие «коммуникативная деятельность» охватывает все аспекты субъективированного восприятия, истолкования и усвоения людьми информации, все грани процесса установления смысловых контактов между отправителями и реципиентами политической информации и её применения в соответствии с намерениями субъектов.

Однако, понятия «информационная деятельность» и «политическая коммуникативная деятельность» взаимно дополняют друг друга, раскрывают информационно-коммуникативные отношения как связующий политический процесс, в рамках которого происходит самоорганизация сферы политики, что обуславливает внутреннюю сплоченность и антиэнтропийный характер; следовательно, формируются предпосылки для искусственного управления политической системой [2, с.9-10]. Следует отметить, что названные аспекты информационно-коммуникативных процессов символизируют технико-организационные и социальные источники их эволюции и обладают специфическим значением для функционирования и развития политической сферы в целом. Некоторые исследователи

считают, что необходимо выдвигать на первый план технократические элементы информационно-политических процессов. Еще в шестидесятых годах двадцатого века немецкий социолог Г.Шельски выдвинул идею «технистского государства». Такое государство, по его мнению, занято обеспечением власти аппаратуры, а не реализацией социальных интересов общества. «Технистское государство» обладает своей логикой развития и способностью к урегулированию всех общественных конфликтов, и, следовательно, доминированию и повышению эффективности использования техники, что превращает государство и политику в инструменты рационального и безошибочного регулирования всех социальных отношений. Данная концепция получила развитие в возникновении гиперрационалистической трактовки политической коммуникации. В частности, Д.Мичн и Р.Джонсон отводили компьютерной технике решающую роль в победе над всеми социальными болезнями [2, с.10].

Можно выделить некоторые тенденции развития современного общества и государства, которые подтверждают возрастание роли технико-информационных средств в организации политической сферы. В качестве примера можно рассмотреть политическую жизнь индустриально развитых государств: возникла техническая возможность для проведения электронного голосования, усилилось влияние информационной бюрократии, повысилась роль и значение в политическом процессе электронных СМИ, разрушаются иерархические связи в государственном управлении, однолинейная связь заменяется многофункциональной. Результатом является сокращение возможности централизованного контроля. Следует признать, что в совокупности эти факторы, и происходящие под их воздействием изменения, имеют большое значение [9, с.174-175].

В противоположность этому Ю.Хабермас, а также другие ученые, исследующие информационно-коммуникативные процессы, делают акцент на коммуникационных действиях, а также соответствующих элементах политики, таких как ценности, нормы, обучающие действия, которые, по их мнению, являются основой политического порядка, в виду того, что в поли-

тике более значимыми являются изменения в социальном материале политических коммуникаций. Так как многие решения принимаются не в соответствии, а вопреки полученной информации, многие конфликты возникают в результате личных амбиций лидеров, религиозной фанатичности, национальной непримиримости и других рационально необъяснимых побуждений человеческого поведения. Собственно человеческий потенциал коммуникативного действия оказывается куда более значимым, нежели его технические компоненты [2, с.10].

2.2. Основные теории и подходы к исследованию политической коммуникативной деятельности

Теоретические подходы к исследованию коммуникационных процессов достаточно разнообразны, поэтому однозначной определенности в толковании этого понятия нет. По мнению некоторых ученых, это обусловлено традиционным взглядом на коммуникативную деятельность в сфере власти и управления государством как одну из составляющих универсального процесса социального общения. Еще в Древней Греции их понимание определялось отношением к риторике и характеру аргументации при общении граждан. Аристотель писал: «всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим». Центрами политической коммуникативной деятельности в Древней Греции были агора – «рыночная площадь», святилища, храмы, театры, бани и гимнасии, которые были обычным местом для политического взаимодействия. Именно в гимнасиях начинал свой философский путь Сократ [17, с.444] и [18, с.34].

В Новое время Дж.Милль, вошедший в историю английской политической мысли как один из основателей классического либерализма, защищал парламентаризм, невмешательство государства в частную жизнь, делал акцент на состязательном характере общественных контактов и, основываясь на разработанном им индуктивном методе, описывал то, как формируется рынок идей, стремился продемонстрировать опытное происхождение политических принципов и норм [19, с.221].

Проблемы политической коммуникативной деятельности разрабатывались представителями различных философско-социологических наук, в частности, таких как:

- понимающая социология, рассматривающая социальность в качестве результата конструирования коммуникативных актов;
- персонализм, описывающий коммуникативную деятельность через способность одного актора открывать в себе чувства другого;
- феноменологическое направление, оценивающее коммуникативную деятельность через понятие intersубъективности;
- семиологические учения, ставящие во главу угла свойства знаков как носителей значений.

Однако определяющее значение для развития теории политической коммуникации и политической коммуникативной деятельности имеют труды К.Дойча, который представил политическую систему как особую форму информационно-коммуникационных обменов между управляющими и управляемыми; работы Д.Истона и Г.Алмонда, описывавших функционирование системы власти через механизмы распространения ценностей и других форм общения; Ю.Хабермаса и Х.Арендт, связывавших изучение коммуникационных процессов с понятием публичной сферы. Дальнейшее развитие взглядов на природу и сущность политической коммуникативной деятельности привело к возникновению разнообразных научных течений. С точки зрения Р.Дентона и Г.Вудворта, политические коммуникации –

это публичные дискуссии в сфере распределения дефицитных ресурсов, власти, возможности власти применять различного рода санкции. Более широко трактуют эту область Б.Макнайр, Д.Грабер и Р.Шварценберг, обозначая её как форму общения, использующую вербальные и неязыковые средства контактов совместно с различными политическими актами. Также в исследованиях этих авторов предлагается идея о целевом характере политической коммуникативной деятельности. Все это говорит о том, что современная западная наука в теоретическом русле исследований под политической коммуникативной деятельностью понимает разнообразные социальные контакты, как в социуме, так и в связи с влиянием акторов на политические события [2, с.14-15].

Однако чаще всего политическая коммуникативная деятельность рассматривается в более прикладном плане. Ряд западных авторов выделяет три основных научных направления, в которых политическая коммуникативная деятельность рассматривается как форма осуществления массовой коммуникации. К первому направлению относятся довоенные теории. Основатель этого направления У.Липпман утверждал, что СМИ обладают способностью к практически ничем не ограниченному влиянию и манипулированию общественным мнением. Второе направление – это послевоенные теории партийной поддержки и убежденности. По мнению П.Лазарсфельда, Б.Берельсона, Х.Годе и ряда других ученых эффективность массовой информации и пропаганды зависит от состава аудитории и её партийной идентичности. К третьему направлению принадлежат сравнительно недавно сформировавшиеся теории, авторами которых являются Д.Батлер, Д.Тоукс и Д.Каванах. По мнению этих ученых упор необходимо делать на методы информационного воздействия во время избирательных кампаний, информационные ресурсы и технологии, изменяющие приоритеты общественного мнения, стратегии СМИ и партий, динамику информационной среды [20]. В результате взаимодействия различных теоретических предположений и моделей политических коммуникаций появилось два наиболее общих подхода к их исследованию. Первый,

информационный подход предполагает один и тот же способ обмена информацией между источником и приемником, как в обществе, так и в природе. Этот подход применяется в системно-кибернетической макроуровневой теории политической коммуникации.

Если представить процесс информационного взаимодействия в виде схемы, то политическая коммуникация будет характеризовать собой процесс преобразования сигналов, которые поступают с выходных каналов системы А на входные каналы системы В (см. схему 1).

Схема 1. Процесс информационного взаимодействия.

Приведенный выше вывод базируется на том, что в основе любых коммуникационных процессов лежит линейная структура коммуникации. Такая структура в рамках кибернетического подхода обозначается аббревиатурой SMCR (Sender—Отправитель, Message – Сообщение, Channel – Канал, Receiver – Получатель) [2, с.16].

Понятие «политическая кибернетика» обозначает область теоретических и прикладных политологических исследований, связанную с изучением, моделированием и прогнозированием политических процессов и явлений путем использования коммуникационно-кибернетических моделей. Развитие прикладных аспектов кибернетической теории, в целом изучающей наиболее общие закономерности процессов информационного обмена и управления в технических, биологических, человеко-машинных, экономических и социальных системах [21, с.92]. Термин «кибернетика» до Н. Винера уже использовался в науке. Платон обозначал этим термином «искусство управления кораблем», а в переносном смысле «искусство управления людьми», А.-М.Ампер в XIX веке предложил называть «кибернетикой» науку об управлении государством. Н.Винер предложил термин

«кибернетика» в качестве неологизма, чтобы обозначить область знания, возникшую на стыке технических, биологических и социальных дисциплин. Н.Винер предложил гипотезу об универсальном механизме обратной связи, а также ввел понятие «кибернетического гомеостазиса». Это устойчивое, саморегулирующееся функционирование сложных открытых систем в изменяющейся окружающей среде путем активного взаимодействия с последней [21, с.94].

В 1953 году канадский политолог Д.Истон предложил системную модель политической коммуникации, сочетающую макроуровневый методологический каркас и бихевиористский способ изучения политического поведения и сбора о нем эмпирических данных (см. рис. 1).

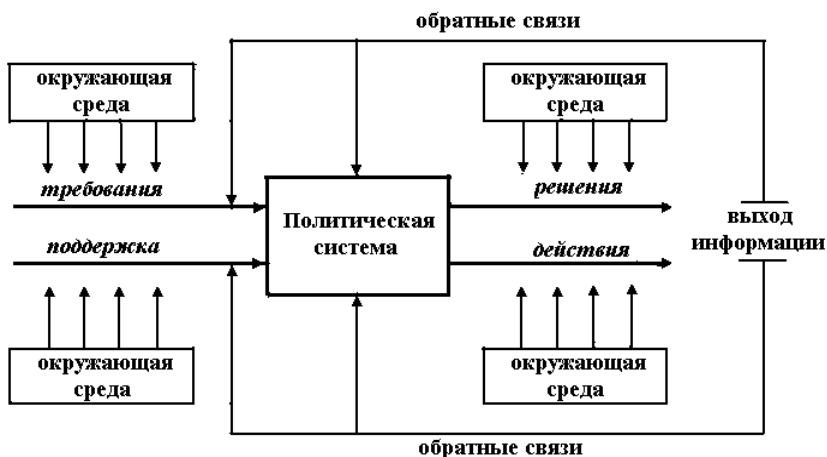

Рис. 1. Коммуникационная системная модель Д.Истона.

Д.Истон в своей модели представлял политическую систему как «черный ящик», находящийся в изменяющейся социальной среде и взаимодействующий с ней посредством «входов» и «выходов». Функционирование политической системы, по мнению Д.Истона, включает четыре фазы:

- «вход» — воздействие внешней среды на политическую систему;

- «конверсия» – то есть преобразование социальных требований;
- «выход» – принятие решений;
- «обратная связь» – результат деятельности.

Политическая система, согласно данной модели, является открытой системой, и её основной целью является выживание и сохранение устойчивости посредством адаптации и приспособления к среде, в чем и состоит основной принцип «гомеостатического равновесия» [22, с.82]. Г.Алмонд и Дж.Коулман дополнили кибернетическую модель Д.Истона, установив зависимость между отдельными категориями системно-кибернетического анализа и политическими научными терминами (рис. 2). Данными авторами были предложены функции на «входе» (политическая социализация и рекрутирование, артикуляция и агрегация интересов, политическая коммуникация) и функции на «выходе» (принятие правил и законов, их применение и контроль)[21, с.96] и [22, с.83].

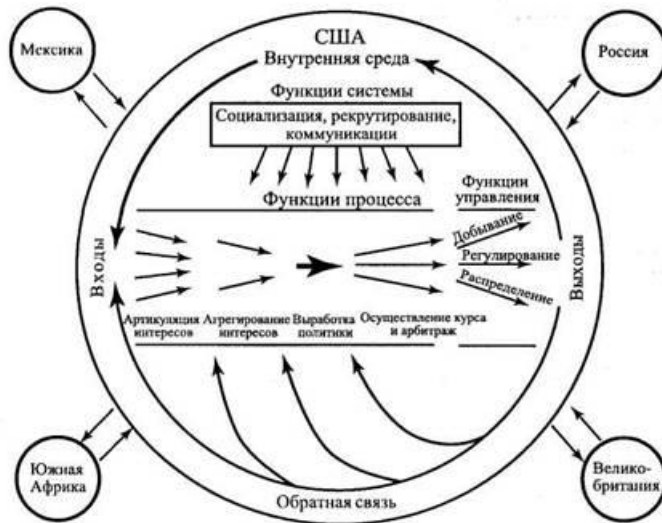

Рис. 2. Функциональная модель Г.Алмонда и Дж.Коулмана.

К.Дойч в своем труде «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» (1963) интерпретирует политическую жизнь при помощи кибернетического анализа и коммуникационных механизмов, а также вводит понятие кибернетического саморегулирования, что является развитием принципа «гомеостатического равновесия» Д.Истона. К.Дойч считал, что кибернетическое саморегулирование реализуется при помощи регулирования информационных потоков и коммуникативных взаимодействий между системой и средой, а также отдельными блоками внутри самой системы (рис. 3).

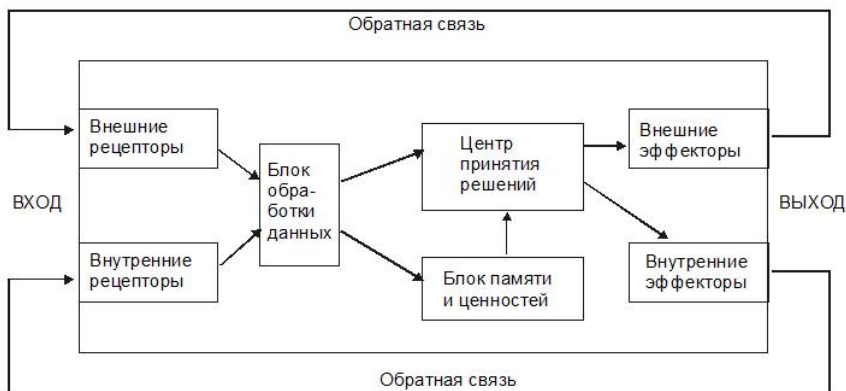

Рис. 3. Информационно-кибернетическая модель К.Дойча.

К.Дойч в данной модели выделял четыре блока:

- получение и отбор информации,
- обработка и оценка информации,
- принятие решений,
- осуществление решений с обратной связью.

К.Дойч так же выделял три основных типа коммуникаций в политической системе:

1) личные, неформальные коммуникации (face-to-face), то есть персональный контакт кандидата в депутаты с избирателями в непринужденной обстановке;

2) коммуникации через организации, то есть контакт с правительством осуществляется посредством партий, групп давления;

3) коммуникации через СМИ, печатные или электронные, роль которых в постиндустриальном обществе постоянно возрастает [22, с.85].

Модель Шеннона-Уивера была разработана в 1949 году (рис. 4). Основной проблемой исследования было снижение «шума» и повышение качества обмена информацией в технических системах связи. Даная модель описывает пять функциональных и один дисфункциональный (шум) факторы коммуникативного процесса. Авторы данной модели описывают коммуникативную деятельность как процесс, который начинается тогда, когда информационный источник выбирает желаемое сообщение из набора возможных. Отправитель изменяет это сообщение на сигнал, который посылается через коммуникационный канал получателю. Получатель изменяет отправленный сигнал на сообщение и передает его на место назначения.

Вероятность появления неточности зависит от следующих ситуаций:

- в закодированных и декодированных сообщениях есть семантическая ошибка;
- факторы близлежащей среды мешают приёму;
- характеристики канала искажают сигнал.

Основным преимуществом этой модели является то, что она делает очевидным возможность различия между сообщением, которое исходит от источника информации и сообщением, которое доходит до получателя информации [23]. Однако участники политической коммуникации не всегда осознают, что посланное и полученное сообщения не совпадают.

Этот недостаток модели Шеннона-Уивера попытался исправить в своих исследованиях М. де Флер. Он отмечал, что в

коммуникативном процессе первоначальная идея («значение») трансформируется в «сообщение», которое отправитель затем переводит в «информацию», посылаемую по каналу получателю. Получатель декодирует «информацию» в «сообщение», которое в свою очередь трансформируется в месте назначения в идею («значение»). Если между первым и вторым «значениями» есть соответствие, т.е. идея, возникшая в сознании отправителя, соответствует идее, возникшей в сознании получателя, то коммуникация состоялась. Однако, согласно де Флеру, полное соответствие является весьма редким.

Рис. 4. Модель К.Шеннона-У.Уивера.

М.де Флер предложил свою модель коммуникации, в которой учтен основной недостаток линейной модели Шеннона-Уивера – отсутствие обратной связи (рис. 5). В своей модели М. де Флер замыкает цепочку следования информации от источника до получателя петлей обратной связи. Обратная связь дает коммуникатору возможность увеличить эффективность передачи информации и вероятность соответствия между отправленным и принятым значениями [24, с. 69-70].

Идея обратной связи М. де Флера поменяла подход к анализу и трактовке политической коммуникативной деятельности. Свое развитие эта идея получает в русле второго социального подхода, который базируется на следующем утверждении: люди по-разному воспринимают информацию, интерпретируя её содержание на основе определенных правил, привычек, способов восприятия и конкретного состояния, а также способности субъекта к заинтересованному и осмысленному восприятию сообщения. На этом подходе основываются микроуровневые теории политической коммуникативной деятельности.

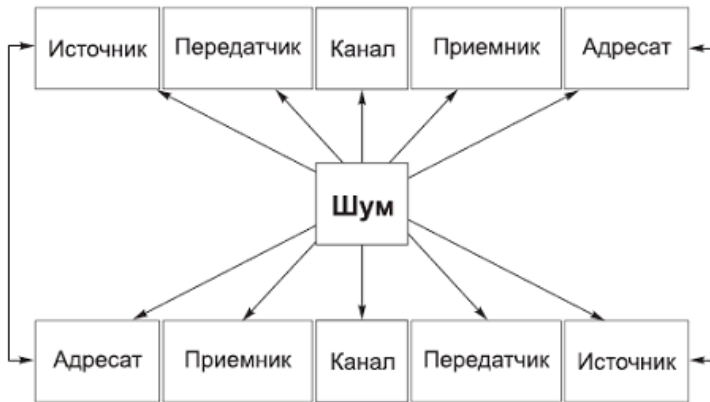

Рис. 5. Модель М. де Флера.

В 1948 году американским ученым Г.Д.Лассуэллом, считающимся основоположником социального эмпирического подхода, была опубликована однонаправленная модель коммуникации. Модель вызвала шквал критики за «линейность» и отсутствие цели коммуникации, однако в то время в научный оборот коммуникологии и коммуникативистики лишь входили кибернетическая модель коммуникативного процесса с обратной связью Н. Винера, модели "двух"- и "n-ступенчатого" "поточков информации". Поэтому "пятивопросная" модель Г. Лассуэлла была

теоретически и практически востребованной для описания процессов различных видов массовых коммуникаций (рис. 6).

Кто?	Что сообщает?	По какому каналу?	Кому?	С каким эффектом?
Коммуникатор - Анализ управления	Сообщение - Анализ содержания	Канал - Анализ средств и каналов	Получатель - Анализ аудитории	Эффект - Анализ результатов

Рис. 6. Модель коммуникации Г.Д.Лассуэлла.

В этой модели изучаются: 1) коммуникатор – инстанция, организующая и контролирующая процесс массовой коммуникации; 2) сообщения (контент-анализ); 3) технические средства; 4) аудитория, её количественно описываемые социальные и социально-психологические характеристики; 5) результаты – изменения в сознании аудитории.

Впоследствии в 1967 году Г.Д.Лассуэлл опубликовал дополнение к своей модели, которая стала выглядеть следующим образом: «кто, с какими намерениями, в какой ситуации, употребляя какую стратегию, достигает какой аудитории, с каким результатом» (рис. 7).

Кто?	Что сообщает?	По какому каналу?	Кому?	С каким эффектом?
	С каким намерением? В какой ситуации?	С какими ресурсами? Используя какую стратегию?	На какую аудиторию?	С каким результатом?
Коммуникатор и источник	Сообщение -	Канал -	Получатель -	Эффект -

Анализ управления	Анализ содержания Подбор средств, выбор целевой аудитории, выявление барьеров коммуникации	Анализ средств и каналов, ресурсов, стратегий	Анализ аудитории, социальные исследования	Анализ результатов Изменение в знаниях, установках, убеждениях или поведении реципиента
-------------------	---	---	---	--

Рис. 7. Усовершенствованная модель Г.Д.Лассуэлла

Схема Г.Лассуэлла [25, с.11-20] была несложной и обычно применялась для выяснения круга основных проблем, находящихся в поле зрения коммуникационных исследований. Некоторые исследователи предлагали дополнить модель новыми компонентами. Так Р.Брэддок включил в описание коммуникационного процесса два важных компонента: при каких обстоятельствах и с какой целью направляется данное сообщение[26, с.29]. Этот вариант расширения формулы Г.Лассуэлла приведен на рисунке 8.

Рис. 8. Модель коммуникации Р.Брэддока.

Модель Ф. Баля [28] также основана на модели Г.Лассуэлла. Ф.Баль указывал на то, что реципиенту необходимо прямое или косвенное выражение своего отношения к информации коммуникатора, следовательно, должна быть обратная связь (рис. 9).

Кто?	Что сообщает?	По какому каналу?	Кому?	С каким эффектом?
Коммуникатор - Анализ управления	Сообщение - Анализ содержания	Канал - Анализ средств и каналов	Получатель - Анализ аудитории	Эффект - Анализ результатов

←
Обратная связь.

Рис. 9. Модель коммуникации Ф. Баля

Большой вклад в развитие социального эмпирического подхода был внесен П.Лазарсфельдом и Б.Барельсом, которые, изучив общественное мнение, доказали неоднородность реакции социальной аудитории на массовую информацию и предложили двухступенчатую модель коммуникации (рис. 10). Согласно исследованиям данных ученых, охват населения после знакомства с сообщением через две недели оказывался выше, чем непосредственно после самой передачи. Возрастание охвата являлось результатом обсуждения этого сообщения с «лидерами мнения». Также увеличивалась степень влияния сообщения на аудиторию[27].

Исследования Т.Ньюкомба, предложившего свою модель коммуникации (названную интеракционистской) в 1953 году, также развивали взгляды Г.Лассуэлла и Ф.Баля. Аудитория рассматривалась им не как объект воздействия, а как равноправный субъект коммуникации. Т. Ньюкомб считал, что респондент и

коммуникатор связаны взаимными ожиданиями и установками, а также общим интересом к предмету общения. Результатом же коммуникации является идентичность или противоположность точек зрения [29].

Рис. 10. Двухступенчатая модель коммуникации П.Лазарсфельда и Б.Барельса

Однако, данная модель лишь теоретически определяла равноправие участников, практически же использование манипулятивных приемов, а также достижение договоренности по той или иной проблеме не всегда ведет к её разрешению. С другой стороны, коммуникация и политическая коммуникативная деятельность уже могли рассматриваться как частный случай передачи информации, и коммуникация в данном случае рассматривалась как контактный вид социальной связи, устанавливаемый на основе направленной передачи информации.

Общая теория коммуникации, разработанная Г.М.Маклюэном, оказала большое влияние на развитие политической коммуникативной деятельности. В своей теории Маклюэн утверждает, что качественные сдвиги в истории человечества связаны с появлением новых технических средств коммуникации («средство и есть сообщение»). Выделяя три этапа развития цивилизации (первобытная дописьменная культура, «Эра Гутенберга», развитие электронных средств коммуникации), Маклюэн

утверждает, что электричество превратило весь мир в одну «глобальную деревню». Это позволяет «держать под контролем эмоциональный климат целых культур». Маклюэн делает упор на техническую сторону коммуникативной деятельности, однако, по его мнению, каждое из средств коммуникации является продолжением человека: продолжение кожи – жилье и одежда, продолжение ног – транспорт, продолжение руки – ручка, продолжение глаз – телевидение, продолжение нервной системы – компьютер. Информационная составляющая смешивается в данном случае с социальной, однако не решает проблему взаимопонимания [30, с.41] и [31, с.35].

Л.Витгенштейн, К.-О.Апель и другие выдающиеся философы современности утверждали, что реальность можно познать только из «перспективы участия в коммуникации». Для того чтобы узнать внутренние правила и нормы коммуникации, необходимо участвовать в коммуникативной деятельности, находиться в пространстве жизненного мира. Таким образом, возникает философская концепция, которая исходит из перспективы взаимопонимания и коммуникативного участия.

Взаимопонимание в Новейшее время приобретает особую силу, возникает необходимость в том, чтобы сообщения были отправлены, восприняты и поняты. От того, в какой степени достигнуто взаимопонимание, зависит многообразие дифференцированных согласованных действий, применяемых в сложной современной социальной организации.

Оригинальный путь решения проблемы взаимосогласования, или «двойной контингентности» предложили социологи, применяющие системно-функциональный подход – Т.Парсонс и Н.Луман. Суть проблемы состоит в следующем: условием социальности является парадоксальный порядок, взаимосогласование действий Ego и AlterEgo. Эта двусторонняя зависимость существует одновременно. Одна сторона будет действовать только тогда, когда будет знать, как действует другая. Ego необходимо знать об AlterEgo то, чего оно не знает о себе самом. По мнению Т.Парсонса, для объяснения эффекта повышения невероятности обычного контингентного действия во много раз необходимо

постулирование ценностного порядка, признаваемого сообща всеми. Н.Луман критикует такой подход, считая, что социальный порядок в смысле двойной контингенции должен быть объяснен, а не постулирован. Для объяснения возможности социального порядка и двойной контингентности необходимо представить коммуникацию как единую систему. По мнению Н. Лумана «двойная контингентность возникает не как следствие взаимной зависимости, а появляется всегда, когда действия ориентируются друг на друга, – тогда, когда посредством этого зависимость только создается, и тогда, когда от зависимости как раз стремятся освободиться».

Последующие теоретические работы в сфере политической коммуникации и политической коммуникативной деятельности таких ученых, как М.Г.Анохин, Р.Ф.Матвеев, О.Ф.Шабров, соединили в себе системно кибернетический и структурно-функциональный анализ исследования функций политической системы в виде функциональной коммуникации её взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимодополняющих подсистем и элементов. Основанием для этого являются изменения, произошедшие в политической сфере, такие как:

- децентрализация управления;
- переход от административных к преимущественно экономическим методам управления;
- перераспределение оперативных функций;
- «управление через интерес управляемых»;
- функциональная перестройка.

Данные тенденции ведут к структурно-функциональным изменениям информационного поля политической сферы [8]. Если проследить развитие научных взглядов на политическую коммуникацию как науку, оценить различные научные подходы к её изучению, не так сложно прийти к выводу, что трансформация политических коммуникаций обусловлена их развитием на соприкосновении технических, биологических и социальных дисциплин. Следует отметить, что те или иные подходы к исследованию политической коммуникации не лишены смысла и имеют под собой реальную основу, а попытки объединения дан-

ных подходов могут привести к совершенно неожиданным результатам. Следовательно, прогнозировать дальнейшее развитие данной области науки достаточно сложно. На наш взгляд, подтверждение тех или иных доводов исследователей политической коммуникации необходимо проводить эмпирическим путем.

Список литературы

1. Новая философская энциклопедия: в 4-х томах / Ин-т Философии РАН; ред.: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семгин [и др.]. - Москва : Мысль. - 2010. - Т. 3 : Н - С : справочное издание / ред.: М. С. Ковалева, Е. И. Лакирева, Л. В. Литвинова [и др.]. - Москва: Мысль, 2010. - 692 с.
2. Политические коммуникации под ред. Соловьева. - М.: Аспект Пресс, 2004. - 332 с.
3. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. - 2-е издание. - М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. - 344 с.
4. Розанов Ф.И., Игнатьев Ф.И. Информационный обмен как фундаментальный механизм социального взаимодействия. Идеи и идеалы. - 2011, №2(8). - с. 106-116.
5. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. - 830 с.
6. Бурковский И. В. Информационные ресурсы политической власти: содержание и современные технологии применения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Бурковский Игорь Витальевич; (Место защиты: Воен. ун-т). - Москва, 2011. - 22 с.: ил. РГБ ОД, 9 11-4/305.
7. Дойч К. Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля. - М., 1993. - 124 с.
8. Вестник российского университета дружбы народов, Серия политология, - М., 1999, №1.
9. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. - М.: Логос, 1999. - 544 с.
10. Pye L. Political Communication// The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. - N.Y., 1987.
11. Рябинская Н.С. Текст и социальная структура// Социологический журнал. - 2000, №3-4.

12. Барт Р. Нулевая степень письма// Философские науки. – М.: Академический проект. – 2008. – 432 с.
13. Музыкант В.Л. Реклама в действии: история, аудитория, приемы. – М.: Эксмо, 2007. – 240 с.
14. Шульман Е.А. Социальное реагирование на информацию. – Ташкент: Узбекистан, 1993. – 70 с.
15. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политическая коммуникация. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=97495#1>
16. Основы теории коммуникации. Под ред. проф. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2007. – 615 с.
17. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1983. Т. 4. – с. 376-644.
18. Почекаев Р.Ю. История связей с общественностью. – СПб.: Питер, 2007. – 288 с.
19. Краткий философский словарь под ред. А.П.Алексеева. – М.: ТК Велби, Проспект, 2004. – 496 с.
20. On message. Communicating the campaign / P. Norris, J. Curtice, D. Sanders, M. Scammell, H. Semetco (Eds.). – London: SAGE Publication Ltd., 1999.
21. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
22. Дегтярев А.А. Основы политической теории: Учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во». – М.: Высш. шк., 1998. – 239 с.
23. Солнцев С.А., Генъ Т.А. Эволюция моделей маркетинговых коммуникаций. // Бизнесинформ – 2009, №4(3).
24. Основы теории коммуникации. Сост. Ж.В.Николаева. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2004 – 274 с.
25. Гнатюк О.Л. Из истории американской коммуникологии и коммуникативистики: Гарольд Лассуэлл. Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – с. 11-20.
26. Грачев М.Н. Политическая коммуникация//Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 1999, № 1. – с. 24-39.
27. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации.–М.:SmartBook,2009. – 652 с.

28. Балашова Т. СМИ как инструмент социально-политических коммуникаций. Режим доступа: <http://познавательный.рф/all/smi-kak-instrument-socialno-politicheskikh-komunikacii.html>
29. Newcomb T. An Approach to the Study of Communication Acts // Psychological Review. – 1953, № 60. P. 393-404
30. McLuhan G.M. Understanding Media. – New York, 1984. – p. 41.
31. Архангельская И.Б. Герберт Маршалл Маклюэн: от исследования литературы к теории медиа. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 2009. – 35 с.

3. МЕСТО И РОЛЬ ЭВРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ИНТУИЦИИ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

(А. Н. Гуляшинов, кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры философии ИжГТУ)

3.1. Эвристические методы в процессе выработки управленческих решений.

Принятие управленческих решений по природе своей представляет объективно сложившуюся в ходе эволюции двухконтурную структуру переработки информации. Этот процесс переработки информации есть не что иное, как двухэтапный процесс познания, выступающий первоосновой и стержнем разработки любого решения [1, с.36-37]. Поэтому исследование принятия решений предполагает прежде всего рассмотрение процесса познания в полном объеме его содержания.

Познавательная деятельность управляющего субъекта по уровню интеллектуальной и психоэмоциональной напряженности сродни деятельности ученого, изобретателя или полководца. Она предусматривает, во-первых, нестандартность, нетрафаретность мышления, способность находить неожиданные, оригинальные способы конструктивного решения возникающих проблем и поставленных задач; во-вторых, требует твердой опоры на всю систему методов и средств, обусловленных спецификой той или иной сферы управленческой деятельности.

Познавательной деятельности при принятии управленческих решений, пожалуй, как никакой другой, присущ творческий характер. «Человеку постоянно приходится принимать решения в условиях неопределенности, поскольку стохастический характер природных и общественных явлений не дает возможности однозначно предсказать развитие событий» [9, с.3]. Поэтому кроме широкого спектра дискурсивных регулярных методов познания и формально-логических

операций особое место в процессе выработки решений занимают методы и средства собственно творческого мышления и познания. К ним следует отнести, в первую очередь, эвристические методы и интуицию, а также воображение, вдохновение и эмоции. Они непосредственно включены в творческий процесс, что, конечно, не означает отрицания творческих функций регулярных методов.

Под эвристикой понимают «совокупность приемов и методов, облегчающих и упрощающих решение познавательных, конструктивных, практических задач. Эвристикой называют также специальную научную область, изучающую специфику творческой деятельности. Эвристические методы противопоставляются рутинному, формальному перебору вариантов по заданным правилам» [28, с.1002].

В принципе все эвристические методы позволяют отсекают явно непригодные варианты поиска и тем самым помогают оптимизировать процесс нахождения решения задач или проблем. Например, индукция как метод «основывается на перенесении истинности свойства, присущего некоторой части исследованных случаев, на неисследованные случаи или даже на весь класс таких случаев. Поэтому здесь всегда имеется риск ошибиться. Перебрать все случаи часто весьма трудно и даже невозможно. Эвристика помогает ускорить процесс поиска и повышает степень вероятности заключения. Таким образом, методы эвристики хотя и не гарантируют истинности решения проблемы, достоверности заключения, но являются наиболее эффективными в ходе поиска и действия в условиях неопределенности» [24, с.676].

В познавательной деятельности при выработке управленческих решений применение эвристических методов зависит от сложности и характера объекта познания, от специфики и уровня управления. В конце прошлого века сложилась довольно устойчивая классификация эвристических методов. Обычно выделяют две группы эвристических методов. Первую группу составляют методы, стимулирующие

творческую мысль как бы извне, растормаживая фантазию, создают условия для проявления интуиции. Методы второй группы включаются непосредственно в сам творческий процесс, направляя и регулируя его.

Эвристические методы-стимуляторы тоже можно разделить на две подгруппы: методы индивидуального и коллективного стимулирования. К первым относят такие приемы, как «мышление вслух», «мышление с карандашом», «спор с воображаемым оппонентом» и др. Все они направлены на активизацию творческого мышления индивида, ориентируют его на поиск решения возникшей проблемы или поставленной задачи, выполнение которых методами формально-логических операций не представляется возможным. Как говорит опыт, наиболее активно используется «мышление вслух», «мышление с карандашом», а в более полном смысле – поисковое «системотехническое моделирование». Этот метод сочетает анализ решаемой задачи с одновременным представлением её в виде блок-схем, пересекающихся кругов и других графических моделей.

К методам коллективного стимулирования творческого мышления относят такие наиболее известные и традиционные приемы, как «научная дискуссия», «мозговой штурм», метод Дельфи (*Delphi Method*, метод экспертных оценок) и др. Их конкретное содержание, характер и методика использования различны. Они зависят от степени охвата и сложности объекта, для познания которого они предназначены. Так, в процессе принятия оперативно-тактических решений на боевые действия «такую роль выполняет совместная работа командира, его заместителей по родам войск, офицеров штаба на общей карте, когда готовятся наброски будущего решения. В такой работе каждый стимулирует творчество всех, а все вместе создают необходимые условия для выработки замысла и принятия решения на бой (операцию) командиром, военачальниками. Происходит своего рода мозговой штурм, обеспечивающий оперативную выработку решения, дальнейшее планирование

боевых действий, эффективное управление войсками» [15, с.201].

Другое дело – принятие решений по управлению сложными объектами. К таким объектам можно отнести крупные отрасли экономики, социально-политические преобразования, затрагивающие интересы значительных слоев и групп людей. Для принятия таких решений эвристические методы коллективного стимулирования творческого мышления становятся обязательными. Большой масштаб преобразований, их сложность и ответственность не предполагает, а требует своевременного и как можно более точного и полного определения стоящих проблем. В этом отношении немалую помощь, а при определенных обстоятельствах решающую, могут оказать именно эвристические методы стимуляции. Конечно, они не всегда приводят к полноценному решению тех или иных проблем и задач, но главное свое назначение выполняют. Например, «научная дискуссия» помогает глубже раскрыть суть проблемы, а «мозговой штурм» способствует накоплению идей с последующей их обработкой.

Раскрывая гносеологические функции коллективных эвристических методов стимулирования, важно, по-видимому, подчеркнуть, что именно данные методы сами по себе явственно демонстрируют не только возрастающее значение науки в управленческой деятельности, но и показывают близость познавательной деятельности при выработке управленческих решений с научным познанием, с наукой вообще.

Методы второй группы, непосредственно включенные в творческий процесс, условно называют «регуляторами творчества». К самым простым и наименее эвристичным следует отнести методы случайного поиска. Самый известный из них – метод проб и ошибок. Перебор и сопоставление всех возможных вариантов решений и действий составляет его сущность. Поиск правильного варианта – это воля случая, а потому творчества тут нет никакого. Стремление сделать поиск менее беспорядочным реализуется через субординацию решаемых задач: выделяют вначале самые общие, а затем исследуют более узкие из них, а

из узких – еще более мелкие. Графически это выглядит вроде «дерева». Поэтому метод называют «построением дерева» или «лабиринтным поиском». Снижение случайности может достигаться не только путем выделения самых узких и мелких задач, но и поиском смысловых связей между элементами задачи, определением действительно главного и второстепенного, опираясь на заранее известные варианты действий в таких ситуациях. Таковыми «шаблонами» являются, например, отработанные в инструкциях действия летчика в особых случаях полета (то есть отработанный заранее порядок действий в аварийных ситуациях, когда требуется мгновенная реакция пилота).

Чаще всего творческое решение задач связано с использованием аналогий и антианалогий. Аналогии бывают прямые и косвенные. При принятии управленческих решений прямые аналогии (их называют также аналогиями «прямого инцидента») используются редко, активнее используются косвенные или неполные аналогии. В некоторых случаях эвристически полезной бывает антианалогия. Вариантом этого приема, как показал, например, опыт Великой Отечественной войны, является мышление за противника. Маршал Советского Союза Г.К.Жуков, как пишет советский писатель и журналист А.Б.Чаковский в романе «Блокада», «умел на время абстрагироваться от самого себя и перевоплотиться в противника, чтобы затем, снова став самим собою, оценить намерения врага».

Опираясь на опыт применения эвристических методов в военной сфере управления, следует отметить, что нет и быть не может какого-то единого шаблона их использования. В каждом отдельном случае рождается свой уникальный порядок применения приемов. В этом, собственно, и состоит их творческий характер. Вместе с тем тот же опыт показал, что сложились некоторые общие рекомендации по их применению, которые можно использовать при выработке любых управленческих решений [15, с.204-205]. Обычно процесс творческого мышления начинается с индивидуального

самостимулирования и далее дополняется коллективными методами. Эвристические методы применяются как на эмпирическом этапе при формировании информационной модели объекта управления, так и на теоретическом при раскрытии его сущности и выборе способа применения имеющихся сил и средств, направленных на устранение энтропии системы или изменения сложившейся проблемной ситуации. Не менее важную роль в познавательной деятельности при выработке управленческих решений играют творческое воображение, вдохновение и эмоции. Все они тесно взаимосвязаны и каждый из них выполняет свои эвристические функции, занимает свое определенное место в системе методов и приемов познания в зависимости от объекта, условий и характера управленческой деятельности.

Принятие управленческого решения – это всегда творческий процесс, в котором воображение является необходимой стороной познавательной деятельности. «Любое новое знание есть продукт творческого воображения, поскольку новое не есть механическая сумма старых знаний, а синтез эмпирических данных, переплавленный воображением мыслителя или художника» [8, с.148], – пишет профессор В.Д.Губин. Можно с полным основанием добавить: не только художника и мыслителя, но и управленца. Губин определяет воображение как «способность человеческого сознания создавать образы, не имеющие непосредственных аналогов в действительности» [8, с.148]. Аналогичное по гносеологическому духу дается определение воображению и в психологии. «Воображение в процессе деятельности выступает в единстве с мышлением» [23, с.64]. Ибо «воображать означает прежде всего мысленно преобразовывать» [26, с.118], – подчеркивает А.В.Славин. Воображение сопровождает весь процесс творческой мыслительной деятельности. Во всех их формах и на всех уровнях познания и мышления содержатся элементы фантазии. Академик-нейрофизиолог П.К.Анохин замечает, что «способность мозга быстро забегать вперед, в будущее... проявляется в самых разнообразных формах и, по

сути дела, определяет собой формирование непрерывного опережающего «прожектора», освещающего все возможные перспективы нашего сознательного поведения» [3, с.118]. Эта функция предвосхищения, проникновения в будущее является самой важной, помогающей решать различные задачи в теоретической и практической деятельности людей. Фантазия является обязательным компонентом понятий и знаний вообще.

Включение воображения в познавательный процесс при выработке управленческих решений, как и в любой другой, детерминировано трудностью получения в необходимом количестве полезной информации, что характерно для управления сложными динамично функционирующими системами. Здесь-то и действует механизм воображения, представляющий собой, как пишут психологи, «преобразование представлений, создание новых образов на основе имеющихся» [23, с.64]. В этом же состоит и «основная тенденция воображения – преобразование представлений памяти, обеспечивающее в конечном счете создание заведомо новой, ранее не возникавшей ситуации». Отсюда вытекает понимание ценности воображения, которая заключается в том, что воображение «позволяет (применительно к управленческим решениям лучше сказать «помогает») принять решение при отсутствии должной полноты знаний, необходимых для выполнения задачи; однако в данном случае пути решения проблемы недостаточно точны и в этом ограниченность воображения». В порядке итога можно отметить, что воображение в процессе выработки управленческих решений, во-первых, «приводит в действие накопленный опыт, делая его непосредственной предпосылкой решения творческой проблемы», и, во-вторых, «нередко благодаря воображению формируется ряд возможных моделей творческих решений» [25, с.96]. Давно замечено, что чем выше уровень знаний и значительней опыт человека, тем эффективнее и продуктивнее становится его воображение.

Необходимым и обязательным фактором и элементом творческого процесса являются эмоции. Слово «эмоции»

происходит от латинского *emoveo* – потрясаю, волную. Среди множества различных видов эмоций следует выделить, как определяет А.Н.Леонтьев, «собственно эмоции – состояния преимущественно идеаторные и ситуационные» [16, с.200]. Они представляют собой «особый класс психических процессов и состояний, отражающих в форме непосредственного переживания значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [22, с.411]. Гносеологическая ценность эмоций состоит в том, что они «выражают оценочное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в этих ситуациях. Они способны предвосхищать ситуации и события, которые реально еще не наступили, и возникают в связи с актуализацией представлений о пережитых или воображаемых ситуациях». Эмоции в творческой деятельности непосредственно связаны с интуицией. Спиркин, например, считает, что «интуиция – это эмоционально насыщенное понимание сути проблемы и ее решения, когда ученый вращается в проблему и сливается с ней до такой степени, что... она преследует его и властно требует ответа» [27, с.200]. Думается, что такая ситуация складывается и при решении проблем управления. Сейчас доказано, что в формировании и осознании эмоций участвуют высшие отделы мозга [18, с.161-175]. Но эмоции следует контролировать, так как они могут создавать и значительную эмоциональную напряженность, иногда мешающую эффективно мыслить. В таких условиях необходимо держать равновесие чувств и разума.

Эмоции тесно связаны с вдохновением. Эмоции – это основа вдохновения. «Вдохновение – состояние своеобразного напряжения и подъема духовных сил, творческого волнения человека, ведущее к возникновению или реализации замысла и идеи произведения науки, искусства, техники. Вдохновение характеризуется повышенной активностью человека, необычайной продуктивностью его деятельности, сознанием легкости творчества, переживанием «одержимости» и эмоционального погружения в творчество. Кажущаяся

неосознаваемость творческого процесса – следствие максимальной сознательности самого творчества, предельной ясности сознания, своеобразного наплыва и прояснения мыслей и образов, чрезвычайной обостренности памяти, внимания, страстной воли, направленной на реализацию идеи» [23, с.18]. Эмоциональный подъем, свойственный вдохновению, всегда повышает «функциональную активность всех органов чувств и мозга» [27, с.200], – утверждает Спиркин. Отмечено, притом самими людьми творческого труда, что вдохновение, как правило, является результатом предварительного напряженного труда. Так, например, «П.И.Чайковский считал, что вдохновение – это такая гостья, которая не любит посещать ленивых, она является к тем, кто призывает ее. И это в устах Чайковского не только слова. Он, как правило, садился с утра и писал музыку» [20, с.21]. Не случайно военные ученые отмечают, что «в целом современное управление войсками предстает перед нами как диалектическое единство науки и искусства. Закономерности вооруженной борьбы и принципы военного искусства проявляются не сами собой, а через творческую деятельность офицеров» [11, с.64].

3.2. Интуиция как метод и её роль в познавательной деятельности при принятии управленческих решений.

Особую роль в познавательной деятельности при выработке управленческих решений играет интуиция. Проблема интуиции давно привлекает внимание философов, психологов и представителей других наук. Логик А.А.Ивин, например, из многообразных трактовок интуиции эскизно выделяет следующие:

- интуиция Платона как созерцание стоящих за вещами идей, приходящее внезапно, но предполагающее длительную подготовку ума;

- интеллектуальная интуиция Р.Декарта как понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим;

- интуиция Б.Спинозы, являющаяся «третьим родом» познания (наряду с чувствами и разумом) и схватывающая сущность вещей;

- чувственная интуиция И.Канта и его более фундаментальная чистая интуиция пространства и времени, лежащая в основе математики;

- художественная интуиция А.Шопенгауэра, улавливающая сущность мира как мировую волю;

- интуиция философии жизни Ф. Ницше, несовместимая с разумом, логикой и жизненной практикой, но постигающая мир как форму проявления жизни;

- интуиция А.Бергсона как непосредственное слияние субъекта с объектом и преодоление противоположности между ними;

- моральная интуиция Дж. Мура как непосредственное видение добра, не являющегося «естественным» свойством вещей и не допускающего рассудочного определения;

- чистая интуиция времени Л.Э.Я.Брауэра, лежащая в основе деятельности мысленного конструирования математических объектов;

- интуиция З.Фрейда как скрытый, бессознательный первоисточник творчества;

- интуиция М. Полани как спонтанный процесс интеграции, непосредственного внезапного усмотрения целостности и взаимосвязи в ранее разрозненном множестве объектов.

Этот перечень может быть продолжен: едва ли не у каждого крупного философа и психолога имеется свое собственное понимание интуиции. В большинстве случаев эти понимания не исключают друг друга [12, с.329-330]. Заслуженный профессор МГУ П.В.Алексеев, например, высказывает свое мнение о сути интуиции, подчеркивая, на наш взгляд, важное положение о том, что «именно в процессах перехода от чувственных образов к понятиям и от понятий к чувственным образам следует искать разгадку таинственной природы интуитивного знания» [2, с.827]. Отечественный логик А.А.Ивин дает свое определение: «Интуиция (от позднелат. *intu-*

itio, от лат. *intueor* – пристальное, внимательное всматривание, созерцание) – способность к прямому усмотрению истины, постижению её без всякого рассуждения и доказательства. Для интуиции обычно считаются типичными неожиданность, невероятность, непосредственная очевидность и неосознанность пути, ведущего к её результату. С «непосредственным схватыванием», внезапным озарением и прозрением много неясного и спорного» [12, с.329]. Не случайно аргентинский философ и физик Марио Бунге говорит: «Интуиция – коллекция хлама, куда мы сваливаем все интеллектуальные механизмы, о которых не знаем, как их проанализировать или даже как их точно назвать, либо такие, анализ и наименование которых нас не интересует» [5, с.93–94]. Действительно, наука еще не раскрыла всех внутренних механизмов интуиции. Нет даже единого и четкого определения понятия интуиции, а сам термин «интуиция» употребляется в весьма разных значениях, на что и обратил внимание, например, Бунге. Не остается в стороне от данной проблемы эзотерическое направление развития знаний. Профессор Т.Г.Лешкевич, размышляя о науке будущего, отмечает, что «интуитивизм во всех его аспектах, будь то интенция (направленность) или озарение, сохранял примат глубинного созерцания, которое раскрывает человеку внутреннюю суть вещей. Так или иначе, но притязание интуиции быть полноправным компонентом научного поиска размыкает границы рациональности и приводит к формуле, когда открытие фиксируется, а путь к нему остается неизвестным. Однако всякое неизвестное, всякая тайна и есть плоскость пересечения эзотерики и науки. При столкновении с парадоксами человеческий разум начинает осознавать свою ограниченность» [17, с.232-233]. Затем приводится «гипотетическая модель интуиции (озарение, инсайт, откровение), в которой феномен интуиции определяется целой цепочкой событий: дискурсивный поиск подходящего кода – скачкообразный выход на аттрактор кода – считывание импульса новой информации – синтез нового текста путем осмысливания полученной информации (наложения на нее

фильтра)». Далее Лешкевич, опираясь на мнения известных логиков и философов Я.Хинтика и Л.Витгенштейна, пишет: «Итак, логики компетентно заключают, что смыслы объемнее слов, они содержат в себе истину, недоступную словам. Отсюда стремление исследовать в тексте то, что в нем вербально не выражено, грозит опасностью «вчитать» в него то, чего в нем нет и быть не могло. Суждения об истинности отдаются на откуп переживающему субъекту, способному к потаенному ходу подсознания выносить заключения о подлинности понимания и прояснения смыслов происходящего. И получается, что наука в её постнеоклассической стадии, дойдя до своего предела, делает все возможное для сближения с тем, что всегда считалось ненаукой. Общность целей и принципов современной науки и герметизма поражает даже противников этого сближения».

Сделаем и мы свой вывод, суть которого состоит в том, что эзотерика, как и наука, не открывает нам тайны интуиции, а лишь подтверждает её наличие. Вероятно, интуиция – это и есть одна из тех больших тайн, разгадав которую мы можем узнать, каким образом стала мыслящей материя. Интуиция не представляет собой какую-то новую форму познания, она не противостоит ни чувствам, ни живому созерцанию, ни разуму, ни абстрактному мышлению. Рассматривая интуицию как факт реальности, можно выделить такие неоднократно отмечавшиеся в литературе ее признаки, как непосредственность, внезапность и неосознанность. Эти признаки хоть и одинаково присущи всем видам интуиции, но проявляются в познавательной деятельности они по-разному. При принятии управленческих решений выделяются два основных вида интуиции: чувственная и интеллектуальная.

В чувственной интуиции отражается непосредственная достоверность действительности. Основными проявлениями её являются: прямое и мгновенное схватывание предметов и явлений, почти моментальное угадывание ненаблюдаемых явлений по их второстепенным, косвенным, иногда как бы неосознаваемым признакам, напоминающим «чутье», «предчувствие». Вероятно, можно предположить, что такое

«чутье» представляет собой не что иное, как инстинктивно-бессознательное познание, являющееся природной, близкой и общей с животными формой отражения реальности. Наиболее ярко проявляет себя чувственная интуиция в военной сфере управления в форме «глазомера», «остроты глаза», «чувства опасности» и «чувства безопасности», «чувства ошибочности действий» и «чувства уверенности в успехе». Фронтовикам Великой Отечественной войны знакома способность угадывать по звуку выстрела калибр орудия, тип самолета, направление его полета [15, с.47].

Чувственную интуицию можно разделить на типы: повседневно-практическую и чувственно-эмоциональную. Основой первой выступают обыденные знания и повседневный опыт, которые накапливаются человеком произвольно, постепенно и без особого напряжения. К чувственно-эмоциональной интуиции следует отнести интуицию художественно-творческую. В этом случае интуиция опирается на своеобразный теоретический базис, на развитую фантазию и духовность людей искусства. Духовность непосредственно связана с так называемым «измененным состоянием сознания», которое, кстати сказать, характерно для всякой творческой личности в любой сфере деятельности. «Измененное состояние сознания» характеризуется как бы слиянием субъекта и объекта, растворением субъекта в объекте, что с трудом поддается его описанию вербальными средствами. «Результатом слияния субъекта и объекта является рождение новых духовных миров, таких как мир религиозный, искусства (музыки, живописи, архитектуры), теоретической науки, философии. В этих мирах разделение на субъект и объект весьма условно. И не случайно многочисленные попытки подойти к этим мирам с таких позиций неизменно оканчивались неудачей» [10, с.145].

Интеллектуальная интуиция непосредственно и главным образом включена в процесс творческого мышления на теоретическом этапе познания. Здесь происходит сложный и неосознанный скачок рационального осмысления и понятийного выражения возникшей проблемной ситуации как особый

механизм творческого мышления. Именно об этом, на наш взгляд, говорят такие выдающиеся ученые, как А.Эйнштейн, Н.Бор, М.Бунге, В. Гейзенберг, Л.Бриллюэн, Н.Винер, Л. де Бройль, М.Планк. Альберт Эйнштейн, например, в ответе на вопрос, заданный французским математиком Жаком Адамаром ряду математиков, какими образами и ассоциациями заполнено его сознание при поисках математических решений, высказался так: «Слова, так как они пишутся или произносятся, по-видимому, не играют какой-либо роли в моем механизме мышления. В качестве элементов мышления выступают более или менее ясные образы и знаки физических реальностей. Эти образы и знаки как бы произвольно порождаются и комбинируются сознанием. Существует, естественно, некоторая связь между этими элементами мышления и соответствующими логическими понятиями. Стремление в конечном счете прийти к ряду логически связанных одно с другим понятий служит эмоциональным базисом достаточно неопределенной игры с упомянутыми выше элементами мышления. Психологически эта комбинационная игра является существенной стороной продуктивного мышления. Её значение основано прежде всего на некоторой связи комбинируемыми образами и логическими конструкциями, которые можно представить с помощью слов и символов и таким образом получить возможность сообщить их другим людям» [14, с.59].

Интеллектуальная интуиция как непосредственное постижение истины путем внезапного её усмотрения, скачком, есть переход от начальных данных к конечным результатам, минуя цепь осознанных дискурсивных рассуждений. «Психологический механизм интуиции еще мало изучен, но экспериментальные данные, – пишут Генрих Буш, Я.А.Пономарев и Ю.И.Стедьмаков, – позволяют считать, что в его основе лежит способность индивида отражать в ходе информационного, сигнального взаимодействия с окружающим наряду с прямым (осознанным) побочный (неосознанный) продукт. При определенных условиях эта (ранее не осознанная) часть результата действия становится ключом к решению

творческой задачи» [6, с.215-216]. Свою версию механизма решений творческих задач на основе взаимодействия осознанной информации и информации неосознанной, бессознательной сферы психологии человека предложил С.А.Новоселов [19, с.178-188]. Он считает, что помимо воли и сознания человека в его мозгу происходит накопление неосознанной информации, которая является «отпечатком» реального мира со всеми его открытыми и еще не открытыми явлениями, закономерностями и законами, со всеми сделанными и еще не сделанными изобретениями. «Каналы поступления этой информации до сих пор до конца не познаны, но, – как считает Новоселов, – факт существования возможностей формирования массивов информации в мозгу человека в обход контроля его сознания бесспорен» [19, с.183]. Другие ученые этот массив информации считают запасом приобретенных знаний, создающим, как пишут, например, В.Р.Ирина и А.А.Новиков, неограниченный резерв человеческого познания, который они называли *криптогнозом* (от греч. *kryptos* – тайный, скрытый и *gnosis* – знание). «Под криптогнозом имеется в виду временно неосознаваемое знание, полученное от непосредственного взаимодействия человека с объективным миром, включающее в себя весь предшествующий опыт субъекта, но не используемый им ранее. Эта скрытая область есть не что иное, как объективный источник неисчерпаемых возможностей человеческого сознания» [13, с.123]. Этот массив неосознанной информации, или криптогноз, может сработать лишь тогда, когда человек доберет осознанную информацию до некоторой её «критической массы», которая позволит достать из подсознания недостающую информацию для получения нового знания. Осуществляется этот переход недостающей информации путем неосознанного скачка из области бессознательной в область сознательной психической деятельности человека. Но ранее этот скачок состояться не может благодаря наличию так называемого познавательно-психологического барьера, который пропускает информацию из бессознательной сферы только при достижении величины «критической массы» осознанной

информации. В управленческой деятельности эта «критическая масса» носит сугубо индивидуальный характер и определяется содержанием теоретического базиса управляющего субъекта.

«Предполагается, что интуиции нельзя научиться, однако её возникновению содействуют как случайности, так и эвристические регулятивы поиска. Интуицию нельзя считать каким-то принципиальным отклонением от обычных путей постижения истины, она является закономерной формой их проявления, опосредованной логическим мышлением и практикой. За способностью как бы «внезапно» угадывать истину на самом деле стоят накопленный опыт, приобретенные ранее знания» [6, с.215]. Наверное, уместно будет добавить, что интеллектуальная интуиция, равно как и художественно-творческая, предполагает наличие также духовного и эмоционального компонентов. Для того чтобы интуиция «заработала», необходимо не только наличие, как уже отмечалось ранее, «критической массы» осознанной информации об объекте управления, но также и создание условий познавательной деятельности, содержание которых определяется, в сущности говоря, характером основных признаков интуиции. Создание таких условий стимулирует возникновение интуиции и её функционирование.

Исходным и обязательным условием является создание предынтуитивного состояния сознания. Оно активизирует как осознанное, так и подсознательное в психике человека. Определяющим фактором в возникновении этого состояния является наличие проблемной ситуации, а точнее сказать, осознание крайне острой необходимости выявления её сущности, что и порождает интеллектуальную, психологическую и физическую напряженность. Ведь от решения проблемы зависит исход какой-либо операции или дела, нередко решается судьба людей, а отсюда и тяжесть ответственности за возможные ошибки, и стремление выработать оптимальный вариант решения. Напряженность лица, принимающего решения, усиливается наличием дефицита времени на обработку всей и полученной в том числе

релевантной информации, активностью противодействующей стороны в случае конкурентной экономической или вооруженной борьбы, а также часто и ограничением имеющихся сил и средств, необходимых для осуществления конкретной цели. Возникновение предынтуитивного состояния по своей сути означает запуск подсознательных творческих процессов – в чем, собственно, и состоит определяющая роль осознания проблемной ситуации. Отсюда следует, что подсознательные творческие процессы, так сказать, «запускаются» при помощи интенсивной сознательной деятельности человеческого мышления, и другого способа просто не существует. По этому поводу эндокринолог Ганс Селье заслуженно замечает, что «подсознательные творческие процессы можно привести в движение только сознательным побуждением» и далее делает вывод о том, что «можно научиться специальными приемами «запускать», стимулировать подсознательные процессы» [26, с.171]. В своей реальности «действие интуиции опирается на единство сознательных усилий и подсознательных информационных процессов (осознанных и неосознанных умственных действий), дополняющих и взаимопроникающих друг в друга» [26, с.172].

Запущенное в нужном направлении мышление человека продолжает процесс поиска решения проблемы в подсознательной сфере. «Наблюдается удивительное явление: возможность переработки на бессознательном уровне 10^9 бит информации в секунду, а на сознательном только 10^2 , – пишет П.В. Алексеев. – Все это является важной предпосылкой для развертывания быстрых мыслительных процессов для оперирования огромной по своему объему «чистой» информацией в подсознательной (бессознательной) сфере. Подсознание способно проводить за короткое время огромную работу, которая не под силу сознанию за тот же короткий срок» [2, с.328]. Здесь на уровне подсознательной работы мозга срабатывает, как говорят, недостающее звено в логической цепочке решения проблемы в виде внезапного озарения, инсайта

(*insight*), научного наития. Это недостающее звено по своему информационному содержанию есть неосознанный результат переработки подсознательной информации. Важным условием поиска нужного звена является раскрепощение подсознательной работы мозга. «Временный отказ от строгого анализа проблемной ситуации, от сознательного контроля освобождает разум от логической скованности, которая необходима для поддержания дисциплинированного порядка мыслей, но может иногда стать препятствием к творческому скачку» [26, с.172]. Ведь «момент озарения» (подчеркнем еще раз. – А. Г.) зависит, в частности, от степени полноты логического анализа проблемной ситуации» [26, с.165]. А принимающий организационное решение управляющий субъект или ученый «не может в своих творческих поисках безнаказанно нарушать формально-логические законы, пренебрегать строгостью рассуждений, но временное освобождение от «тирании» логической детерминации мышления, перенос центра тяжести на вероятностные процессы, является также необходимым условием эффективности научного творчества». Ведь «функция подсознательных... процессов состоит в том, чтобы постоянно держать проблему «на повестке дня», поэтому «нет ничего удивительного в том, что искомая связь явлений с большей или меньшей отчетливостью начинает проглядывать именно в момент, когда работу, казалось бы, отложили в сторону». Конечно, высвобождение разума от логической скованности требует неординарного, своего рода тоже творческого подхода, который носит сугубо индивидуальный характер.

В познавательной деятельности при принятии решения основной формой интуиции выступает догадка, то есть такая способность подсознания, которая дает возможность быстро «схватить» суть проблемной ситуации, тенденцию её развития, намерения, например, конкурентов и затем на этой основе определить варианты своих действий по осуществлению своих задач. Такую догадку принято называть «мысленной догадкой» в отличие от чувственно-эмоциональной интуиции, которая

предстает в виде определенного чутья, чувства опасности или безопасности, ошибочности или уверенности в действиях.

В возникновении интуиции заметную роль играет «подсказка». «Подсказка» – это некий внешний факт, событие, которые непосредственно не связаны с решением проблемной ситуации, но наталкивают субъекта на некоторые ассоциации, помогающие возникнуть в его подсознании или сознании «недостающим звеньям». Чаще всего «подсказка» может быть в виде случая. Но случай этот должен быть замечен. Замечает же его тот, кто к этому подготовлен. Отсюда вытекает второе, не менее важное условие возникновения рационально-творческой, интеллектуальной интуиции – это наличие основательного теоретического фундамента. Интуиция опирается не только на непосредственно актуальную информацию, не только на профессиональные знания, она предполагает опору на широкий спектр методологических и мировоззренческих знаний, на жизненный опыт и все богатство духовного мира человека.

Способность к догадкам и подсказкам некоторые ученые считают свойством индивидуальным. Физик-теоретик Луи де Бройль, например, различал два типа ученых: «логистов» и «интуитивистов». «Логисты», известное дело, отдавали приоритет строгой логической последовательности, развитию теории в чисто математической форме, а «интуитивисты» «любят пользоваться более или менее наглядными образами и стараются угадать решение задачи до того, как будет найдено решение путем доказательств» [4, с.302-303].

Еще одним необходимым и значимым условием возникновения и функционирования интуиции является её связь с логикой. В свое время В.Р.Ирина и А.А.Новоселов при исследовании научной интуиции пришли к выводу, что «интуиция и логика выступают как две взаимопредполагающие и одновременно противоречащие стороны процесса познания» [13, с.160]. В принципе данное положение не подвергается сомнению. Интуиция всегда логична, хотя и не всегда осознана. По мнению А.Г.Подкорытова, «научное познание является творческим не тогда, когда оно протекает стихийно и

представляется как нечто, выходящее из-под контроля логических средств, когда основой творчества считается не логическая мыслительная деятельность, а воображение, чуждое нормам правильного мышления, то есть тогда проявляется устойчивая тенденция к индетерминизму творческого процесса. Наоборот, использование логических средств, методологических установок в процессе познания усиливает творческий потенциал научного исследования. Метод организует деятельность фантазии, воображения, дисциплинирует действия исследователя» [21, с.14-15]. «Интуиция не автономный способ познания, – пишет по этому поводу Спиркин. – Она лишь *качественно особый вид познания*, когда отдельные звенья логической цепи остаются на уровне бессознательного, а предельно ясно осознается лишь итог мысли – искомая истина. Это как бы свернутая логика мысли» [27, с.207]. Интуиция или догадка как «недостающее звено» органично вписывается в общую логику проблемы и процесса познания. Действительно, разве не логична мысль Д.И.Менделеева о периодической зависимости свойств элементов от зарядов их атомных ядер, позволивших составить естественную систему химических элементов, Периодическую систему элементов Менделеева? Логические методы корректируют и контролируют интуицию, способствуя её возникновению. Как нам видится, процесс зарождения и появления интуиции в принципе аналогичен процессу решения творческих задач, описанных Новоселовым. Путем логического формирования массива осознанной информации до уровня «критической массы» создается возможность осуществления контакта с массивом неосознанной информации об объекте исследования в сфере подсознания. Этот контакт обеспечивает «процесс узнавания, установления соответствия между отдельными элементами встретившихся массивов информации». И в случае их узнавания «массив полной информации перескакивает из области бессознательного в область сознательной психической деятельности человека» [19, с.185]. Такой переход может быть возможным лишь при условии их адекватности и идентичности, в том числе и в

логическом аспекте. «Действие интуиции, – пишет А.В.Славин, – опирается на единство сознательных усилий и подсознательных информационных процессов (осознанных и неосознанных умственных действий), дополняющих и взаимопроникающих друг в друга» [26, с.172]. Отсюда можно, опираясь на гипотезу Новоселова, предположить то, что информация как на уровне сознательного, так и бессознательного находится не в хаотическом состоянии, а пребывает в упорядоченном, системном виде, что, вероятно, обеспечивается на уровне подсознания очевидной избыточностью нервных клеток человеческого мозга, реализующих логику поиска «недостающего звена». Системность знаний человека – это быстрота и эффективность мышления.

Связь логики и интуиции просматривается и в том, что нередко полученные в процессе интуитивного познания знания нуждаются в доказательстве их истинности. Доказательство должно быть проведено на строгом логическом уровне, ибо в противном случае оценить правильность интуитивной гипотезы невозможно. Интуиция эффективна лишь в сочетании со строгим логическим мышлением, осознанным применением научных методов, так как она может не только выручить, но и подвести. Специалист в области философии естествознания М.Бунге в свое время предупреждал: «Никакую интуицию нельзя оставлять без проверки, а время от времени следует пересматривать и самые глубоко укоренившиеся интуиции» [5, с.163]. «Кроме того, в познании возникают задачи такого рода, в которых интуиция просто бессильна. Она не способна, например, решить вопрос о совместимости или несовместимости условий функционирования того или иного агрегата, автоматического устройства. Столь же трудной, недоступной для интуиции задачей является извлечение следствий из большого количества высказываний, из множества данных, как это нередко бывает, например, в юридической практике» [7, с.39]. Обработка больших массивов данных, часто противоречивых, изменение набора правил составляют существо современных методов Data Mining (добыча данных,

интеллектуальный анализ данных, глубинный анализ данных), способствующих процессу интуитивного творческого мышления. Среди методов, реализующих решение творческих задач, можно отметить давно известный, так называемый слепой поиск (*Blind Scan*), а точнее, наверное, его следует назвать случайным перебором и сопоставлением различных вариантов метода проб и ошибок, который чаще всего используется при помощи разработанных программ на ЭВМ. Более гибкими и приспособленными к решениям задач управления в условиях неопределенности являются эволюционные алгоритмы типа BGAVM. Вообще, процесс «математизации» принятия управленческих решений – это не дань моде, а объективное требование, роль и значение которого будет возрастать. Кроме теории исследования операций, возникшей в самом начале становления теории управления, одним из наиболее плодотворных направлений развития «математизации» является имитационное моделирование исследуемых явлений, главное достоинство которого состоит в том, что с его помощью мы получаем знание, которого до моделирования не было. «Логика и интуиция – это два дополняющих друг друга механизма научного мышления, во взаимодействии которых отражается определенный аспект единства принципа детерминизма и принципа активности сознания» [26, с.165], – пишет А.В.Славин. Вероятно, данное положение вполне применимо и к познавательной деятельности при выработке сложных, масштабных и систематизированных управленческих решений. По своему творческому накалу такое познание мало чем отличается от научного. Вне такой взаимосвязи логики и интуиции нет творческого мышления ни при научном исследовании, ни при практическом познании, что, кстати, еще раз подтверждает их прямую аналогию. Единство логики и интуиции ясно просматривается в содержании подобных управленческих решений. Таким характерным примером может быть решение в военной сфере. «Полководческое решение, – писал генерал армии С.М.Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы войны», – это сложный результат деятельности ума и

воли полководцев, плод их размышлений, поисков, догадок, основанных на глубоких научных познаниях, предвидении, большом опыте и интуиции, на точных расчетах сил и средств» [29, с.422].

Завершая рассмотрение интуиции, воображения и эвристических приемов, необходимо подчеркнуть, что продуктивность их использования, как, впрочем, и регулярных методов зависит от уровня способностей индивида к творческому мышлению, природных качеств его мозга, воли и стремления к решению нетрадиционных задач. Вероятно, говоря об индивидуальности в творчестве, есть смысл обратить внимание на открытие функциональной асимметрии полушарий мозга (сокращенно – ФАПМ). Исследования ФАПМ проводились с 1960-х годов американским нейропсихологом, профессором психобиологии Роджером Сперри, получившим в 1981 году Нобелевскую премию «за выдающиеся открытия в области функциональной специализации полушарий мозга». «Открытие ФАПМ доказало, что (1) творчество невозможно без образного мышления, (2) что вербально-понятийное мышление и образное не только присущи каждому человеку, но и (3) субстратно разделены, являются функциями разных полушарий мозга» [30, с.121]. Эти исследования, по сути, экспериментально подтвердили наличие и связь образного мышления (интуиции) со словесно-понятийным мышлением (с логикой) в сознании человека. «Исследования ФАПМ также показали, что асимметрия мозга возникает в онтогенезе. Степень её развития зависит от условий жизни. Чем глубже асимметрия мозга, тем успешнее деятельность человека». Иными словами, творческое мышление предполагает достаточно высокий уровень развития обоих полушарий, что усиливает их асимметрию, повышая продуктивность и эффективность мысли. «Не умеющему творчески мыслить логика так же мало может помочь, как знание грамматических правил – научить создавать подлинно художественные стихи», – замечает Спиркин [27, с.206]. И хотя существуют природные задатки, однако развитие полушарий – дело каждого индивида.

Таковы, на наш взгляд, основные положения, раскрывающие не только гносеологические возможности эвристических методов и интуиции, воображения, вдохновения и эмоций, но и пути их применения в реальном процессе выработки управленческих решений. Все эти творческие методы и приемы «работают» не «вне», не «до» и не «после» других регулярных методов, а в единстве с ними и в самых различных сочетаниях и определенной последовательности в зависимости от объекта управления, целей, задач и условий познавательной деятельности, образуя сложную многоэлементную систему методов, приемов и средств познания и мышления.

Список литературы

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М. : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Алексеев П.В. Познавательные способности человека // Алексеев П.В., Панин А.В. Философия : учеб. для студентов вузов. – М. : Проспект, 2002. – с. 283-335.
3. Анохин П.К. Химический континуум мозга как механизм отражения действительности//Вопр. философии. – 1970, № 6. – с.107-118.
4. Бройль Л.де. По тропам науки. – М.: Иностран. лит., 1962. – 408 с.
5. Бунге М. Интуиция и наука. – М.:Прогресс, 1967. – 187 с.
6. Буш Г., Пономарев Я.А., Стельмаков Ю.И. Интуиция // Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.:Республика, 2001. – с. 215-216.
7. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика: учеб. для вузов. – М.:ВЛАДОС, 1998. – 528 с.
8. Губин В.Д. Воображение// Философия: энцикл. слов. / Под ред. А.А.Ивина. – М.:Гардарики, 2004. – с. 148.
9. Диев В.С. Неопределенность как атрибут и фактор принятия решений//Вест.Новосиб. гос.ун-та.Сер.Философия.–2010,Т.8,№1.–с.3-8.
10. Зобов Р.А., Сугакова Л.И. Духовность человека и её проявление в религии, искусстве и философии// Природа и дух: Мир философских проблем: учеб.-науч. пособие: в 2 кн. Кн. 1. Человек в мире и мир человека/ В.М.Бурень, В.В.Василькова, Р.А.Зобов и др. ; под ред. В.Л. Обухова. – СПб.: С.-Петербург. гос. аграр. ун-т, 1995. – с. 143-168.
11. Иванов Д.А., Савельев В.П., Шеманский П.В. Основы управления войсками в бою. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.:Воениздат, 1977. – 389 с.

12. Ивин А.А. Интуиция // *Философия : энцикл. слов. / под ред. А.А. Ивина.* – М.:Гардарики, 2004. – с. 329–330.
13. Ирина В.Р., Новиков А.А. В мире научной интуиции. Интуиция и разум. – М.:Наука, 1978. – 192 с.
14. Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. – М.:Наука, 1972. – 608 с.
15. Культура военного мышления / Под ред. Ф.Ф.Гайворонского, М.И. Галкина. – М.:Воениздат, 1991. – 287 с.
16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.:Политиздат, 1975. – 304 с.
17. Лешкевич Т.Г. Философия науки : учеб. пособие для вузов. – М.: Приор, 2001. – 428 с.
18. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. – М.:Искусство, 1968. – 192 с.
19. Новоселов С.А. Сущность гипотезы о взаимосвязи механизмов развития научно-технического творчества и познавательного интереса // *Образование и наука.* – 1999, № 2. – с. 178-189.
20. Пекелис В.Д. Твои возможности, человек! – М.:Знание, 1986. – 272 с.
21. Подкорытов Г.А. О природе научного метода. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 224 с.
22. Психологический словарь / Под ред. В.В Давыдова, А.В.Запорожца, Б.Ф.Ломова и др. – М.:Педагогика, 1983. – 448 с.
23. Психология: слов. / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.:Политиздат, 1990. – 494 с.
24. Рузавин Г.И. Здравый смысл. Эвристика // *Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова.* – М.:Республика, 2001. – с. 188, 533.
25. Серебрянников В.В., Ясюков М.И. Инициатива и творчество в военном деле. – М.:Воениздат, 1976. – 296 с.
26. Славин А.В. Проблема возникновения нового знания. – М.:Наука, 1976. – 294 с.
27. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. – М.:Политиздат, 1972. – 303 с.
28. Философия: энцикл. слов./Под ред. А.А.Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
29. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны: в 2 кн. Кн. 2. – М.:Воениздат, 1985. – 471 с.
30. Шумилин А.Т. Проблемы теории творчества. – М.:Выш. шк., 1989. – 144 с.

4. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ

(Соколова О.П., доцент кафедры социологии
коммуникаций УдГУ, к.ф.н.)

4.1. Коммуникативная культура как условие социального взаимодействия

Динамика жизни человека и общества требует переоткрытия его сути (человеческого в человеке). Только в коммуникации человек и общество вообще существуют, имеют бытие. Коммуникация связывает людей, обеспечивая преемственность социального порядка, организованности, культуры в форме наследования целостной системы достижений. Данную систему обычно называют социальным и культурным наследием данного общества, включая в это понятие духовные ценности, культурные традиции, устойчивые стандарты мировосприятия и поведения, нормы морали, стереотипы мышления, политические и правовые практики, эстетические представления. При этом частью наследия являются и социокультурный опыт, знания, достижения, ставшие традицией, и то, что было отвергнуто на каком-то этапе, или же переосмыслено, «подправлено». Следовательно, это не только высокие достижения искусства, науки, организации, но и весь обыденный опыт, воплощенный как в сознании, в памяти людей, так и в артефактах, отчужденных от сознания продуктах деятельности.

В мире глобальных трансформаций индивид, вовлеченный в транснациональные сети, не может уже ограничиваться плодами только своей национальной культуры. Право каждого на свободный выбор своих культурных предпочтений и есть базовое условие существования культуры в её глобальном измерении. В таких условиях каждый житель планеты может пользоваться благами и достижениями любой

национальной культуры [15]. В настоящем трудно представить человека, чьи культурные пристрастия и предпочтения ограничены рамками только его национальной культуры, стремящегося изолировать себя от других культур. Подобная изоляция – свидетельство неспособности жить в современном мире.

Человек в условиях глобализации становится главным социальным смыслом общества. Поэтому важно обращать внимание на положение современного человека в глобальном мире. Осмысление проблемы собственного бытия – это ключ к пониманию многих важных аспектов глобализации. Основная проблема, связанная с пониманием процесса глобализации, заключается в самом человеке, а не вне его. Человек во все времена стоял в центре всех исторических событий и трансформаций: экономических, социальных, политических, нравственных, культурных, поскольку все общества и государства так или иначе, скрыто или открыто ставили своей целью улучшение жизненных условий для всех людей или для какой-либо части общества.

Чтобы обозначить и осмыслить роль и место современного человека в глобальном мире, необходимо понять, что он может сделать для сохранения своей индивидуальности в многоликом мире. Понять, каким образом человек участвует в диалоге культур и как этот диалог воздействует на самого человека и общество. При соблюдении принципа единства человечества, нет необходимости строго утверждать общечеловеческие принципы и ценности. Это ошибка, которая может привести к столкновениям с новыми проблемами. Важно понять, сможет ли индивид сохранить свою индивидуальность, как это возможно. Смогут ли традиционные ценности выжить и приспособиться к новым формам бытия, пронизанным эффектами коммуникации.

Диалог культур позволяет различным народам существовать так, чтобы не вступая в конфликт, сохранить при этом различия. Диалог культур оказывается источником сознания каждой культурой своего отличия от других, своей

особой идентичности. Между отдельным индивидом, личностью и общечеловеческими ценностями нет прямой связи. Культура – многозначный феномен. Существует много разных культур. Когда говорят о глобальной культуре – создается впечатление, что нужно заменить современное состояние. Это ошибочное предположение. Безусловно, современное глобальное пространство – новая возможная духовная высота. Она должна надстроиться над культурой, которая существует в принципиальном многообразии. Она должна быть другим уровнем, который не снимает предыдущего. Над ним возвышается новая стадия интернациональной общности людей. Это будет коммуникативная культура, как открытая система, сочетающая этническую общность с общностью политической, государственной, нации, при этом сохраняя свою индивидуальность [18]. Коммуникация как условие, результат и механизм существования общественных процессов в пространстве и во времени образует особую сферу социальной реальности, специфической особенностью которой является передача того или иного содержания от одного сознания (коллективного или индивидуального) к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях. Как средство связи объектов материального и духовного мира коммуникация предполагает обмен и передачу информации в обществе с целью воздействия на него.

Информационно-коммуникативные процессы, обеспечивающие цивилизационное развитие общества, приобретали все большее значение в ходе истории благодаря расширению возможности воздействия на индивидуальное и массовое сознание. Современные социокультурные условия бытия людей, насыщенные СМИ и другими коммуникативными посредниками, усиливают социальную значимость коммуникативного взаимодействия. Социальными механизмами коммуникативного взаимодействия является речь, символы, СМИ, электронные средства связи и т.д. Благодаря им осуществляется перевод индивидуального процесса передачи и

восприятия информации в социально значимый процесс персонального и массового взаимодействия.

Таким образом, коммуникация – способ формирования человеческой личности, поскольку только в процессе взаимодействия с другими людьми происходит социализация индивида и развитие его способностей, качеств, свойств, то есть личностной сути. Сложность формирования современной модели культурного человека вызвана, прежде всего, все более углубляющейся социальной, антропологической, экономической и культурной неустойчивостью (на фоне плюрализма мнений и ценностей); а также усиливающимся разрывом человека и природы, самоизоляции общества и человека (иллюзия самодостаточности на фоне научно-технических достижений).

Для понимания сущности и природы коммуникативной культуры необходимо выделить то, в чем она отличается от понятия «культура общения». По утверждению М.С.Кагана, «коммуникация является чисто информационным процессом – передачей тех или иных сообщений», где «субъект передает некую информацию, которую получатель должен всего–на всего принять, понять, хорошо усвоить и в соответствии с этим поступать». В то же время «общение никак не может быть приравнено ни к передаче сообщений, ни к даже обмену сообщениями (или информацией). Общение – это процесс выработки новой информации, общей для обменивающихся людей и рождающей их общность» [25]. Этой же точки зрения придерживается и Э.В.Соколов, полагающий, что «коммуникация – важнейший аспект человеческого общения. Она состоит в обмене значимой информацией между людьми посредством языковых знаков и других культурных символов. Коммуникация предполагает целенаправленную передачу и избирательный прием информации, хотя она не всегда приводит к согласию и взаимопониманию» [24, с.102]. По поводу последнего утверждения заметим, что культурой человечества выработана особая форма передачи социально значимой информации, то есть той, которая служит достижению взаимодействия и взаимопонимания в процессе общения.

Существующая в виде правил, предписаний, кодов, символов, представляющих собой язык общения, она закреплена в исторически сложившемся этикете. Он несет в себе кодированную информацию о способах и приемах коммуникации, особенностях выбора средств коммуникации, способствующих эффективному общению. В этой связи справедливо замечено Ю.М.Лотманом, что «весь материал истории культуры может рассматриваться с точки зрения определенной содержательной информации и с точки зрения социальных кодов, которые позволяют эту информацию выражать в определенных знаках и делать достоянием тех или иных человеческих коллективов» [13, с.30].

Таким образом, термин «коммуникация» может быть применен при описании тех форм общения, где коммуникативная функция общения выступает на передний план. С этой точки зрения понятия «культура общения» и «коммуникативная культура» соотносятся как частное и общее. Поскольку ни одна из функций общения, в том числе и коммуникативная, не могут осуществляться в чистом изолированном виде, мы можем говорить о том, какая из них в данном случае имеет наибольшее значение. «Коммуникативная культура» как более общее родовое понятие несет в себе признаки узкого понятия «культура общения».

Коммуникация и культура – это новые возможности для человеческих сил, кооперации и закрепления их в особых структурах производства, экономики, техники, права, науки, образования. Находясь в соподчинении, они приобретают как бы самостоятельное существование, «обрастают» вещными, внешними по отношению к людям формами, начинают сами влиять на отношения, деятельность, мышление. Они воспроизводятся, «работают» и задают некий циклический ритм повседневному поведению людей. Они создают инструменты, позволяющие менять ритмы и ускорять темпы человеческой деятельности, они меняются и заставляют меняться людей.

Культура выступает реальностью человеческого мира и бытия человека, которая создана человеком, в которой он живет,

пребывает, утверждает себя. Культура есть сфера жизни, она настолько сращена с жизненными потенциями человека и их практическим проявлением, что как раз эти практически-жизненные связи значат для удостоверения культурной реальности больше, чем любые теоретические обоснования её сущности.

Всеобщая теория культуры информационного общества находится в процессе становления, она не может получить завершённый вид без разработки философской концепции коммуникативной культуры, в пределах которой сущность культуры должна рассматриваться в прямом отношении к сущности человека и способу его бытия в мире. Важнейшая роль коммуникативной культуры – предложить содержательный базис взаимопонимания людей в обществе, меру и эталоны подлинно человеческих форм общения и поведения.

Коммуникативная культура может быть формой деятельности людей – выражать саму суть культуры и интегрировать все остальные её характеристики. Она является сущностной характеристикой человека, связанной с человеческой способностью целенаправленного преобразования окружающего мира, в ходе которого создается искусственный мир вещей, символов, а также связей и отношений между людьми. Все, что сделано человеком или имеет к нему отношение, является её частью.

Таким образом, являясь продуктом человеческой деятельности, культура существует во всех сферах деятельности. Коммуникативная деятельность человека требует определения критерия её качества. Это является одной из функций коммуникативной культуры. Коммуникативная культура человека определяется как система знаний, норм, ценностей и образцов поведения, принятых в обществе и умение органично, естественно и непринужденно реализовать их во всех сферах общения. При этом коммуникативная культура обладает общими признаками культуры, отражая специфический характер коммуникации.

Исторический характер явлений коммуникативной культуры выражается в том, что способы и формы общения вырабатывались в ходе исторического развития. Они закреплены в обычаях, традициях, нравах. Это явилось «своеобразным достижением человеческой культуры, одной из форм очеловечивания человека, облагораживание его природных инстинктов, страстей и аффектов» [20, с.8].

Ценностный характер выражается в том, что базовыми в коммуникативной культуре являются гуманистические ценности. Качественная оценка коммуникации определяет степень значимости для субъекта общения ценностей коммуникативной культуры. При этом само общение должно являться для субъекта ценностью.

Нормативный характер коммуникативной культуры проявляется в том, что в коммуникативном поведении человек ориентируется на нравственные нормы народной культуры. «Нормативность пронизывает все сферы общения, начиная с использования знаковых систем (норм речи, жестов, мимики) и кончая самыми сложными моральными и политическими формами взаимоотношений. Нормативы, действующие в процессе общения, затрагивают каналы коммуникации, использование коммуникативных средств, передачу информации между людьми» [6, с. 28].

Информационный аспект коммуникативной культуры позволяет рассмотреть содержание социально значимой информации, которая обеспечивает стабильность общества как системы и способствует взаимопониманию и взаимодействию людей в процессе общения. Коммуникативная культура основана на умении ориентироваться в информационной структуре общения. При этом существенное значение имеет социально-психологическая информация, которая передается и при помощи этикета, использующего стандарты общения, коды, знаки, символы.

Коммуникативная культура, пишет И.Н.Кузнецов, – это знания, умения, навыки в области организации взаимодействия людей и собственно взаимодействия в деловой сфере,

позволяющие устанавливать психологический контакт с деловыми партнерами, добиваться точного восприятия и понимания в процессе общения, прогнозировать поведение деловых партнеров, направлять поведение деловых партнеров к желательному результату [11]. Заметим, что коммуникативная культура необходима не только в деловой сфере, но при любой коммуникации: межличностной, специализированной, массовой. Так, коммуникация предполагает действие в некотором акте. Коммуникаторы создают некоторую ситуацию в социальном пространстве, воспроизводя с помощью правил те или иные структуры, отношения, либо конструируя их по своему замыслу.

Культурное наследие является своеобразной открытой системой, не замкнутой наглухо историческими, временными рамками. Большая часть её элементов участвуют в коммуникативных взаимодействиях. Сегодня происходит возрождение внимания к различным элементам наследия. Переосмысливаются элементы как общенационального, так и этнического наследий, такие как язык, архитектура, стиль одежды, народная медицина, быт, формы устного народного творчества. В основе коммуникативной культуры лежат общепринятые нравственные требования к общению, непрерывно связанные с признанием неповторимости, ценности каждой личности: вежливость, тактичность, скромность, точность, предупредительность. Необходимым моментом осознанного отношения человека к действительности, является понимание. Оно обеспечивает расшифровку знаковых систем и культурных кодов, благодаря чему и происходит приобщение человека к миру, социальное овладение им. Формой закрепления достигнутого человеком в ходе истории, выраженного во внешней предметности материального и духовного развития, является коммуникативная культура, которая, вместе с тем, выступает и как фактор регулирования содержания и направленности коммуникативных процессов. Следовательно, культура в коммуникативном взаимодействии выступает в двух ипостасях – как условие коммуникативного процесса и как содержание процесса понимания происходящего. Очевидно, что

как обязательный момент осознанного отношения человека к действительности понимание обеспечивает адекватность восприятия социально значимых процессов при переводе их в индивидуальное сознание.

Выведение понимания на онтологический уровень, на особый тип духовности приобретает особую значимость для осмысления новой окружающей действительности, для существования и выживания в технократическом и информационном мире. Понимание является необходимым компонентом существования человека в искусственной реальности, создаваемой человечеством в ходе его культурно-исторического развития, в связи с чем понимание выступает как содержание духовных процессов, определяющее глубину взаимопонимания и составляющее неотъемлемую часть коммуникативной культуры. Понимание обеспечивает адаптацию человека к изменяющемуся миру, к современной коммуникативной ситуации, которая протекает в межличностном взаимодействии. Понимание как исторически обусловленная форма взаимодействия между людьми является необходимым компонентом коммуникации, условием достижения соглашения (консенсуса) взаимодействующих субъектов. Нарушение условий взаимопонимания приводит к непониманию и чувству неудовлетворенности, возникающему у субъектов общения, разрушению коммуникации.

Исследовательская компетентность понимается как умение, готовность личности к познавательной деятельности в соответствии с поставленной целью получения нового знания на основе имеющихся знаний, методов и навыков. В условиях плюрализма мнений и ценностей особое значение приобретает умение человека критически мыслить, то есть осуществлять контроль за представлениями, появляющимися в сознании, превращать информацию в знание и убеждение.

«Никогда еще в истории человек не становился столь проблематичным для себя самого, как в настоящее время», –

констатировал один из патриархов философской антропологии М.Шелер.

Рефлексия ситуации человека в мире озабочивается либо осуждением состояний цивилизации (технизма, индустриализма, сциентизма, консьюмеризма), либо превознесением доиндустриальных фаз социальности. Между тем независимо от традиций или вопреки им настала пора перевести обсуждение в реалистическое измерение, акцентируя новую ответственность человека за природу, бытие, мир, время, перспективы рода.

Теперь человек сознает себя творцом. Обретение несвойственного самосознанию прошлых эпох чувства величия обусловливает иную мотивацию жизни. Принципом существования оказываются захват, присвоение, дающие толчок становлению. Движение человека от героического к будничному обусловлено несколькими причинами. Во-первых, святость не является целеориентиром реально-жизненной практики. Божеская святость надмирна, несоразмерна действительности. Экзистенция и возможный строй высшего миропорядка не синхронизированы, взаимонесопричастны. Ядро жизненного существования – не соотнесенность с Богом, а «медленные труды» в кругу подобных себе. Во-вторых, наш век – век рационального расчета, обезличенных технологий, промывки мозгов, манипулирования, силовых влияний есть век создаваемых событий. Индустрия PR достигла высот таких изощрений, что в искусстве формирования пространства стереотипов, артефактов в полной мере девальвировала «героическое». Жизнь политизирована, политика – манипуляция эмоциями, жизнь вырабатывает идиосинкразию к политическим манипуляциям – коренными идеалами жизни становятся не героические (высокоэмоциональные) идеалы, а будничные стандарты. Век героев завершился, начался век обывателей. И в смысле нивелированности, массовости; и в смысле невозможности, затруднительности, неспособности к подвигу; и в смысле утраты самостоятельности, самости (государственный, общественно-публичный пресс); и в смысле трансформации идеалов в операциональные, осязаемые образцы, штампы.

Традиционные экзистенциальные сущности – вина, страх, выбор, отчаяние, спасение, любовь, отношение к смерти – онтологичны, как осязаемые структуры взаимодействия «Я» с «Ты». Фундаментальным экзистенциалом оказываются предсказуемость, прочность, надежность. Существование на пределе истины исключается, жизнь буднична, а не героична.

В исканиях наилучшего устройства будущего нет иного пути, как опора на идеалы. Современная эпоха, подводя к сознанию, что вследствие деятельностного наступления на природу человек оказывается «дырой в бытии» (Сартр), актуализирует реалистические мотивы существования, фокусирует внимание на настоящем. Главным становятся не отнесенные в перспективу идеалы, а обостренное чувство текущего.

Поведением движут ценности. Призвание ценностей – обозначать активность, реализовывать смыслополагание. Наш век – век кризиса ценностных смыслов. Человек оказался перед дилеммой идеального смыслополагания – реального кризиса смыслов. И вдруг понял, что намечаемая ценностями коллективная судьба и индивидуальное существование не всегда слиты. «Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым», – уверял А. Камю.

Современность пронизана и связана с феноменом вовлечения. Массовое общество колонизирует чувственность, ритуализирует общение, делает серийными процессы производства и потребления. Оформлению «массового» предшествуют объективные явления индустриализации, технизации, урбанизации, бюрократизации, доводящие естественные функции социума до автоматизма и одновременно усиливающие духовную зависимость, деиндивидуализацию, отчуждение.

«Шаблонизация жизни с культивируемыми общедоступностью, раскованностью означает переход от сокровенного бытия к откровенному бытованию, отличающемуся универсально-публичным режимом межличностных связей на базе особого экзистенциального комплекса коммунальности: ввиду везде-

сущности общества избегать его навязчивого влияния невозможно. Ощущение безнадежной бессильности личности перед лицом социального вовлечения легализует некий фамиллярно-бесцеремонный тип групповой интеракции; универсальным образом действия становится амикошонство»[8, с.96]. Закрытое открылось, сокровенное обнажилось. Сексуальная революция упразднила различия высокого и низкого, культурная революция сравняла избранных и толпу, популистская революция устранила барьеры между народом и вождем. В этих явлениях главным оказывается момент омассовления, предопределяющий усреднение, упрощение, размытие продуктивного и непродуктивного.

Приобщение к своей и чужой культуре зависит от такого феномена как «язык». Символы, необходимые для взаимодействия в группе, предназначенные для наследования культуры и формирования абстрактного мышления, становятся основными элементами, структурирующими наш разум. Слово является средством познания мира. Оно позволяет человеку не только утверждать себя как личность, но также многократно воспроизводить духовный продукт, превращая последний в субъективное достояние многих, устанавливая взаимосвязь поколений. Личность, имеющая способность создавать и воспринимать речевые тексты, называется «языковой». Языковая личность подразумевает совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие речи, текстов, которые различаются степенью культурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, а также целевой направленностью. Языковая личность участвует во всех типах коммуникации, при её описании необходимо учитывать не только индивидуальные характеристики, но и нормы речевой деятельности соответствующей социальной группы. В модели языковой личности содержится три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический [9].

Вербально-семантический уровень включает в себя определение всего запаса слов и словосочетаний, которыми пользуется личность в естественной вербальной коммуникации. При этом обращается внимание на умение правильно использо-

вать вербальные средства в соответствии с нормами социальной дифференциации и вариативности, функционально-стилистической ценности. Личность не допускает нарушения нормативных правил словообразования, грамматики и произношения.

Когнитивный уровень связан с интеллектуальным потенциалом, с познавательной деятельностью человека. В сознании каждого индивидуума идеи представлены в виде иерархии системы ценностей. Личность проявляет себя и через использование своих любимых разговорных формул, авторских речевых оборотов.

Прагматический уровень раскрывает цели и задачи коммуникации, интересы, мотивы и коммуникативные установки. Личность характеризуется огромным перечнем коммуникативно-деятельностных потребностей как обменом смысловой и оценочной информацией в коммуникации.

Язык – один из важнейших элементов культуры. Можно говорить не только о языковой личности, а намного шире. Личность должна обладать коммуникативной культурой. Ценность коммуникативной культуры – предложить содержательный базис взаимопонимания людей в обществе, меру и эталоны подлинно человеческих форм общения и поведения.

Коммуникативная культура может быть формой деятельности людей – выражать саму суть культуры и интегрировать все остальные ее характеристики. Она является сущностной характеристикой человека, связанной с чисто человеческой способностью целенаправленного преобразования окружающего мира, в ходе которого создается искусственный мир вещей, символов, а также связей и отношений между людьми. Все, что сделано человеком или имеет к нему отношение, является частью коммуникативной культуры.

Содержание коммуникативной культуры человека, её сознательное и целенаправленное формирование включает в себя несколько уровней более широких, лежащих в разных плоскостях [25]. В мировоззренческой плоскости гармонизация внутреннего мира человека может осуществляться путем осознания

сущности происходящих явлений, познания законов и особенностей коммуникации в обществе, воздействия их на личность, теоретического осмысления роли коммуникации в контексте культуры. Ввиду осознания глобальной роли информационного воздействия на сознание и эмоциональное состояние людей, многократно усиленное современными техническими средствами, коммуникативная культура должна служить мощным противовесом манипуляции сознанием человека.

Большое внимание на проблему манипуляции сознанием обратил В.В.Знаков. Он отмечает, что в процессе межличностного общения манипуляция влияет на взаимопонимание людей. Люди склонны к манипулятивному поведению. Проблема манипуляции изучается в двух аспектах [7].

Во-первых, это контекст нарушения прав человека. Все мы живем в обществе и ориентируемся на социальные нормы поведения. В гражданском обществе социальными нормами считаются права человека. Очевидно, что манипуляция, то есть обращение с человеком не как с субъектом, а как с объектом, безусловно, противоречит указанным нормам.

Во-вторых, манипулятивное поведение в общении рассматривается как одна из причин нарушения взаимопонимания между людьми. В психологических исследованиях показано, что в коммуникативных ситуациях наличие манипулятивной направленности хотя бы у одного из партнеров по общению препятствует возникновению взаимопонимания между ними [7].

Формирование коммуникативной культуры может рассматриваться и в морально-этической плоскости, подразумевая воспитание личной ответственности за собственные действия и поступки, за определенный образ жизни, карьеру, отношения между людьми, за пути реализации своих стремлений.

В психологической плоскости коммуникативная культура заключается в выработке рефлексии инфопроцессов, адекватном поведении личности, способной к «взгляду изнутри», необходимому для понимания особенностей и реалий информационного общества, в нравственном состоянии, эмоциональном сопе-

реживании, умении оценивать, критически переосмысливать результаты взаимодействия людей в обществе.

В социальной плоскости коммуникативная культура заключается в формировании у человека специализированного уровня культуры общения, речи, отношений, этикета, культуры понимания, выступающих обязательным условием социализации личности и выполнения её многообразных функций в обществе. Коммуникативная культура позволяет преодолевать отчуждение человека в обществе, делая его коммуникабельным в различной сфере, среди разных культур, способствует решению конфликтных ситуаций.

В технологической плоскости коммуникативная культура заключается в овладении новыми информационными технологиями, знакомстве с информационными ресурсами (такими как Интернет), навыками поиска необходимой информации, её использования в целях достижения собственного успеха [25].

Развитие коммуникативной культуры имеет свою специфику. Оно происходит в период первичной социализации, которая характерна для семьи и институтов образования. Необходимость этого обусловлена эмоциональным состоянием индивидов. В семье, в школе индивид находится в более тесном эмоциональном окружении, что способствует более эффективному усвоению элементов коммуникативной культуры.

Основными структурными элементами социального поведения являются потребности, интересы, оценки, ценности, установки, цели и средства достижения. Последовательность расположения элементов образует своеобразный ряд мысленных операций и практических действий по реализации социального поведения.

В основе поведения человека лежит потребность, которую можно рассматривать как состояние индивида, социальной группы или общества в целом, характеризующееся высокой степенью насущности, необходимости в тех или иных предметах или видах деятельности, которые представляют ценность сами по себе для субъекта потребности. Потребность выступает как внутренний стимул всякой деятельности, как её причина.

Для нашего анализа большое значение имеет обусловленность социализации культурой, к распространению которой прямое отношение имеет человек.

Прежде всего, следует отметить, что определенный культурный опыт является общим для всего человечества и не зависит от того, на какой ступени развития находится то или иное общество. Так, каждый ребенок получает питание от старших по возрасту, обучается общению через язык, получает опыт применения наказания и вознаграждения, а также осваивает некоторые другие наиболее общие культурные образцы. Вместе с тем каждое общество дает практически всем своим членам некоторый особенный опыт, особенные культурные образцы, которые другие общества предложить не могут. Из социального опыта, единого для всех членов данного общества, возникает некий личностный образ, типичный для многих членов данного общества. Например, личность, сформировавшаяся в условиях мусульманской культуры, будет иметь иные черты в сравнении с личностью, воспитанной в христианской стране.

Личность, обладающая общими для данного общества чертами, в социологии называют модальной (от взятого из статистики термина «мода», обозначающего величину, которая встречается наиболее часто в ряду или серии параметров объекта) [8]. Модальная личность воплощает в себе все те общекультурные ценности, которые общество прививает своим членам в ходе культурного опыта. Эти ценности в большей или меньшей степени содержатся в каждой личности данного общества. Модальная личность современного общества должна обладать коммуникативной культурностью. Это значит содержать черты коммуникативной культуры: коммуникабельность, общительность, компетентность, культуру речи и поведения, иметь возможность и желание развивать коммуникативные способности, умения и навыки. Личность нашего общества – легко идущая на социальные контакты, готовая к сотрудничеству и обладающая при этом настойчивостью, волей и практической сметкой. Многие эти черты развиваются скрытно, внутри нас, и мы испытываем неудобство, если они отсутствуют. Поэтому мы учим своих

детей говорить «спасибо» и «пожалуйста» старшим, не стесняться взрослого окружения, уметь постоять за себя.

Формирование новой парадигмы культуры происходит в свете глобальных трансформаций, которые коснулись всех сторон жизни людей. Очевидно, что эти преобразования опасны тем, что под их воздействием происходит крушение традиционных ценностных установок. При этом наблюдается предел адаптационных возможностей человека. Люди вынуждены быстро принимать решения, которые бы способствовали их выживанию как личностей: с одной стороны, выстраивание новых правил и ценностных установок, с другой стороны – сдерживание процесса крушения ценностей, на которых держится культура. Возможно ли осуществление данной тенденции в сфере культуры? Скорее всего - да, это возможно. Дело в том, что в результате интенсификации коммуникационных процессов складывается новый, необычный, современный тип коммуникативной культуры. Коммуникативная культура это исторически определенный уровень развития общества, выраженный в формах коммуникативной деятельности, а также в материальных и духовных ценностях [25, с.19].

В течение всей жизни человек учится и нарабатывает определенные навыки и умения. Это касается и коммуникативной сферы человека. Мы знаем, что развитие коммуникабельности привело к общечеловеческому прогрессу, особенно в условиях глобализации, когда эффективное межличностное взаимодействие между людьми по всему миру обуславливается лишь техническими средствами, ускоряя прогресс во всех областях жизни общества. Успешность и реализация человека зачастую зависят от эффективности его коммуникативных взаимодействий с другими людьми и определяются наличием у него коммуникативных способностей, умений и навыков.

Сущность процессов коммуникации формирует новый тип личности – коммуникативный. Коммуникативная личность характеризуется наличием вербального и невербального кода коммуникации с использованием искусственных и смешанных коммуникативных кодов, обеспечивающих взаимодействие лю-

дей, а также человека и машины. Коммуникативная личность имеет свои особенности актуализации на разных уровнях и в разных типах коммуникации [8].

Коммуникативная личность понимается как одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью её индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации [8, с.92].

Коммуникативная компетентность оценивается целым рядом когнитивных факторов: знаниями об окружающем мире, социальных ценностях, способностью адекватного восприятия информации. Коммуникативная компетентность актуализируется с учетом конкретных социальных условий коммуникации. Она является составным компонентом социального статуса. Можно выделить некоторые признаки социального статуса индивида по уровню его коммуникативной компетентности. Существенными когнитивными характеристиками коммуникативной компетентности являются: способность к обобщению и систематизации многомерного восприятия окружающего; способность к адекватной оценке «статуса языка»; способность к пониманию смысловой и оценочной информации [9].

Коммуникация начинается с восприятия. Логичнее было бы остановиться на этом феномене подробнее. Среди общих закономерностей восприятия отмечают:

- принцип избирательности: в каждой конкретной ситуации человек обращает внимание лишь на малую часть воздействий, зато создает более связную и осмысленную картину мира;
- принцип целостности: люди воспринимают объекты и ситуации не дискретно, а как динамичное целое, спонтанно организуют свои восприятия в осмысленную форму, при этом действуют принципы пространственной близости, сходства;

- принцип устойчивости: наше восприятие устойчиво даже в меняющихся условия [8].

Итак, восприятие предстает не как пассивный процесс, при котором мы автоматически реагируем на полученные стимулы, но как процесс активный. Чувства, которые вызывают в нас люди или ситуации, лишь отчасти зависят от внешнего мира, в значительной степени зависят от нас, воспринимающих этот мир. Вряд ли нужно доказывать, что особенности человеческого восприятия существенным образом влияют на протекание межличностной коммуникации. Обратим внимание на некоторые правила, которые полезно помнить и следование которым во многом организует процесс управления своим восприятием [8].

Правило 1. Процесс восприятия имеет личностную основу. Разные люди, воспринимая одни и те же сигналы, интерпретируют их по-разному.

Правило 2. Если считать, что именно наши интерпретации наиболее точно отражают реальность, то у нас могут возникать трудности в ходе межличностной коммуникации.

Правило 3. Если позволять насущным интересам, эмоциям, потребностям «контролировать» наше восприятие, можно пропустить направленные к нам важные сообщения от других людей [8].

Сформулированные правила позволяют в общем процессе человеческого восприятия все же выявить то, что отличает восприятие людьми предметов от восприятия людьми людей.

Полнота и характер оценки другого человека зависят от таких качеств оценивающего, как степень его уверенности в себе, присущее ему отношение к другим людям. Если один из участников общения уверен, что его суждения о другом точно соответствуют действительности, то он обычно не заинтересован в получении обратной связи. В этом случае воздействие первого впечатления может оказаться решающим. Большинство из нас переживали подобную ситуацию, когда возникает эффект «человека-невидимки». Не важно, что вы делаете или говорите, другой человек не реагирует на ваше поведение, поскольку сделал о вас свое заключение, на которое невозможно повлиять.

Общение, как передача и обмен информацией, формирует систему взаимоотношений людей. В этом случае оно является коммуникацией. Чтобы коммуникация была эффективной, нужен непрерывный поток информации в обе стороны в устной или письменной форме. Более того, общение может происходить и на более высоком уровне. Например, некоторые люди обладают способностью воспринимать чувства других людей на расстоянии. Коммуникация усложняется тем, что одновременно с говорящим, слушающий также посылает сигналы словесные и несловесные. Их также можно воспринимать правильно или неправильно, либо не воспринимать вообще.

Коммуникативные умения можно развивать в себе. Одна из наиболее часто встречающихся проблем в общении это та, что одна из сторон не дает другой высказать свое мнение. Если мы все время говорим, то не можем выслушать другого человека. Не зря гласит пословица: «Бог дал человеку два уха и лишь один язык. Он это сделал с умыслом». Если мы говорим более половины времени, то, скорее всего, мы говорим слишком много. Важно сосредоточиться на интересах и потребностях другого человека. Первое время нелегко приучить себя преимущественно слушать, а не говорить. Но это должно стать стилем жизни!

Важная черта положительного общения – это реакция без слов. Если мы проявляем живой интерес к тому, о чем говорит человек, это в большой мере способствует общению. Необходимо уметь сосредоточиться на восприятии другого человека, смысле его слов, а не на собственном ответе. Невозможно в полной мере воспринимать слова партнера, если Вы одновременно пытаетесь сформулировать ответ. Когда есть возможность, задавайте вопросы, чтобы получить дальнейшую информацию или прояснить для себя непонятные моменты.

Учите все факторы, которые могут помешать общению. Кому-то мешает шум или громкая музыка. Кто-то может себя плохо чувствовать из-за неудобного стула или сильного солнечного света. Сделайте все, чтобы исключить подобные помехи – коммуникационные барьеры. Терпение – неотъемлемая черта коммуникативной компетентности! Наша цель заключается в

том, чтобы понять собеседника и дать почувствовать ему, что вы уважаете его и тему разговора.

Не менее важным является проявление сочувствия. Сопереживания способствуют успешной коммуникации. Попробуйте увидеть события глазами собеседника. Понять ход его мыслей, поставьте себя на его место, тогда у вас пропадет желание «поставить на место» этого человека.

Обратите внимание, время от времени каждый бывает зол. Если человек общается в гневе, то результат может быть катастрофичен. Злость меняет значение слов. Рассерженный человек произносит слова, о которых позднее горько сожалеет. Гнев мешает выслушать другого человека. Важно вовремя осознать собственное гневное состояние и взять паузу. В состоянии гнева никогда не ищите контакта с человеком, не пытайтесь выяснить отношения.

В коммуникации важен прямой ответ, не следует на простые вопросы отвечать сложным объяснением. Иначе складывается впечатление, что отвечающий уходит от ответа. Люди предпочитают ответы по сути, постарайтесь выработать прямой стиль общения. Но не стоит впадать в другую крайность и отвечать только «да» и «нет». Помните, собеседник всегда желает знать «почему». Дополнительная информация придает нам уверенности в том, что мы правильно понимаем друг друга.

Важным аспектом коммуникации является узнавание людей. У всех разные характеры, у каждого есть сильные и слабые стороны. Разные люди требуют разного подхода. Необходимо обладать умением находить подход к каждой личности. Приведу несколько возможных характеров и рекомендации к коммуникации с ними [11].

СЛИШКОМ СТАРАТЕЛЬНЫЙ: тип человека, всегда спешащего на помощь. Несмотря на добрые намерения, он блокирует участие других, т.к. много говорит и не дает другим высказаться. Постарайтесь деликатно остановить его, создайте условия возможности высказаться другим в группе. Если мы сможем тактично обуздать его, он будет положительным членом группы, когда нужно будет подводить итоги.

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ: упрямая личность, отвергает все идеи и предложения. Только, пожалуй, коллективное мнение способно изменить его взгляд.

ВЕЧНО НЕДОВОЛЬНЫЙ: тип, рассматривающий идеи с неблагоприятной стороны. Сам не предлагает ничего конструктивного. Чаще просите его предложить альтернативу. Дайте ему почувствовать, что Вы с ним согласны, но повторите положительные стороны своего предложения. Попросите членов группы выразить свое мнение.

СОГЛАШАЮЩИЙСЯ БЕЗ РАЗБОРА: дружелюбный тип, соглашается с любым предложением. Не слишком доверяйте такому человеку. Поблагодарите его за воодушевление, попросите высказать мнение других коллег.

ПОСТОЯННО ВСТУПАЮЩИЙ В СПОР: воинственная личность, получает удовольствие от противостояния. Следует постоянно обращать внимание на цель встречи, беседы.

ГОВОРЯЩИЙ БЕССВЯЗНО: тот тип, который, имея хорошие идеи, не умеет их изложить. Попробуйте собрать его мысли и понятнее сформулировать его предложение, стараясь не обидеть.

РАЗГОВОРЧИВЫЙ: тип, который разговаривает на всевозможные темы, отвлекая внимание других. Используйте приемы привлечения внимания к теме разговора. Например, повторите последнее предложение.

БОЛТЛИВЫЙ: с удовольствием излагает свое мнение, но быстро отклоняется от темы. Поймите момент, когда он переводит дух и верните его внимание к теме разговора. Если и это не помогло, тогда укажите, что он излагает очень интересно, но тема звучит несколько иначе.

ТИХОНЯ: молчит. Его молчанию может быть несколько причин: неуверенность, несмелость, высокомерие, скука. Его нужно разговорить, для этого необходимо знать причину молчания. Разбудите его интерес. Попробуйте спровоцировать его, делайте комплименты.

НЕВНИМАТЕЛЬНЫЙ: физически присутствует, но душа его далеко. Привлекайте его внимание. Задавайте интересные вопросы, на которые он сможет ответить.

ВОРЧУН: постоянно недовольный, обиженный. Такой человек всегда портит общее настроение, забирая время у всех. Ему можно предложить встретиться наедине, указать на проблемы личного характера [11].

Итак, если мы научимся распознавать тип человека, то сможем выстроить эффективную коммуникацию.

Коммуникативная культура человека есть совокупность интеллектуальных, профессиональных и интимно-духовных способностей и качеств, которые позволяют эффективно взаимодействовать с другими людьми.

При изучении коммуникативного поведения людей важным становится вопрос о коммуникативном стиле поведения.

Понятие коммуникативного стиля обозначает привычные, устойчивые способы поведения, присущие данному человеку, которые он использует при установлении отношений и взаимодействии с другими людьми [19]. Человек, у которого сформирован коммуникативный стиль поведения – устойчив в способах действий, искренне выражает понятные всем формы внешнего поведения. Стиль можно наблюдать – видеть, слышать. Приведем несколько примеров. Если человек бывает искренним лишь с близкими друзьями и этот вид самораскрытия важен для него, то можно сказать, что глубокое самораскрытие с близкими – часть его межличностного стиля и одна из ценностей его системы межличностной коммуникации. Или, предположим, кто-то никогда не сплетничает. Отказ от сплетен – часть его стиля и одна из межличностных ценностей. А может быть, размышляя о своих отношениях с другими людьми, вы заметили, что всегда стараетесь добиться своего. Скажем, в беседе с людьми, как правило, вы задаете тему разговора; говорите большую часть времени; сами устанавливаете место встречи; инициируете мероприятия по своему интересу; это может означать, что управление, манипулирование людьми, доминирование над ними яв-

ляется часть вашего межличностного стиля и входит в систему ваших межличностных ценностей. Понимание собственного коммуникативного стиля и умение распознавать стиль партнера по коммуникации – важные характеристики коммуникативной культуры человека.

От чего зависит устойчивость моделей поведения человека и что лежит в основе различия индивидуальных схем? В первую очередь – особенность Я-концепции; во-вторых, требования культурной среды. Внимание к формированию и воспитанию личности всякий раз позволяет наметить новые, более качественные подходы. Интересным, на наш взгляд, является точка зрения американского философа-гуманиста А.Дж.Баама. Он полагает, что именно социокультурный аспект придает личности гармонию и целостность. Три аспекта: 1) «Я»-Идеалы; 2) Источники «Я»; 3) Культурное богатство «Я» составляют структуру формирования личности [8].

1) «Я»-Идеалы. Идеал - понятие многофакторное как по входящим в него компонентам, так и по его функциям в духовном мире человека. В этическом смысле идеал есть некоторый универсальный, не изменяющийся в зависимости от обстоятельств, лиц, индивидуальных вкусов стандарт. Идеалы личности строятся на основе её понимания действительности и отношения к ней. Вырабатываются они в типических чертах (как представления об идеально нравственных обществе и личности) через осознание социальной общности. Под влиянием этих представлений индивид персонифицирует их, из более общих переводит в более конкретные, личные модели поведения.

А.Баам полагает, что «мы описываем себя и думаем о себе в терминах той группы, членами которой являемся, и в которой выполняем определенные социальные роли». Происходит частичное отождествление нашего «Я» с группой, принуждающее нас вести себя требуемым образом. Человек смотрит на то, как к нему относятся, и старается соответствовать ожиданиям. Речь идет об оценочном отношении, возникающем в процессе воспитания по формуле «Я-Другой», о котором писал М.М.Бахтин [2, с.8].

2) Источники «Я». Личностью не рождаются, личностью становятся. Человеческое существо, считает А.Дж.Баам, по своей природе есть социальное животное. После рождения ребенок включается в систему общественных связей. Ему предстоит пройти сложный процесс биологического, психического и социального развития, гуманизации, чтобы превратиться в полноценную личность посредством социализации. Материальной базой социализации выступает практическая деятельность, а механизмом реализации – коммуникация индивидов. Включение людей и вещей в новые действенные и воображаемые связи требует от ребенка создания такой позиции, которая предполагает наличие в его сознании собственного «Я».

3) Культурное богатство «Я». Идеалы «Я» зарождаются и формируются не только вследствие взаимодействия людей в обществе, но и также через культуру или, как пишет американский философ, социально врожденные черты, являющиеся результатом длительного совместного проживания на одной территории. При создании культурной предметности человек «опредмечивает» свои духовные силы и способности. А при освоении культурного богатства человек «распредмечивает», выявляет духовное содержание культурной предметности и превращает его в собственное достояние. Поэтому бытие культуры возможно лишь в диалоге тех, кто создал, и тех, кто воспринимает явление культуры. Диалоговый характер культуры подчеркивал и М.М.Бахтин [2, с.8].

И хотя А.Баам специально не выделяет важности диалогичности культуры, в своих рассуждениях он приходит к выводу о невозможности стать полноценной личностью в рамках одной лишь национальной культуры. По его словам, «человек, который знает только одну культуру, не знает ничего». Поэтому, чтобы расширить представления о самих себе, люди должны приобщиться к культурному наследию других цивилизаций.

Стиль представляет собой проявление целостности индивидуальности. Стиль связан с определенной направленностью и системой ценностей личности. Он выполняет компенсаторную

функцию, помогая индивидуальности наиболее эффективно приспособиться к требованиям среды.

К анализу межличностного взаимодействия обращались такие ученые, как А.Адлер, К.Хорни, В.Сатир, Е.Л.Доценко, В.А.Горянина и др. Понятие «жизненный стиль» ввел австрийский психолог А.Адлер, рассматривая его как уникальное соединение черт, способов поведения и привычек, которые определяют неповторимую картину существования индивида. Жизненный стиль формируется у ребенка уже в возрасте 4-5 лет и настолько прочно закрепляется, что впоследствии почти не поддается серьезным изменениям и становится главным стержнем поведения человека. Каждый человек в своей жизни, считает А.Адлер, поставлен перед тремя жизненными проблемами: профессиональная проблема; проблема сотрудничества и дружбы; проблема любви и супружества. Все эти проблемы взаимосвязаны. На основании того, как решаются три главные жизненные задачи, А.Адлер предложил типологию жизненных стилей, оговариваясь при этом, что он не рассматривает людей как типы, потому что у каждого человека свой, индивидуальный стиль жизни, а выделяемые им типы установок – лишь концептуальное средство для лучшего уяснения понятия. В качестве переменных используются две движущие силы развития личности: социальный интерес и степень активности. Социальный интерес проявляется в сотрудничестве с другими людьми ради общего успеха. Его противоположностью является эгоистический интерес. Степень активности имеет отношение к тому, как человек подходит к решению жизненных проблем. Каждый человек имеет определенный энергетический уровень, в границах которого он решает свои жизненные проблемы и который может варьироваться у разных людей от вялости, апатичности до постоянной неистовой активности. Степень активности играет конструктивную или деструктивную роль только в сочетании с социальным интересом. Эти два измерения позволили А.Адлеру выделить следующие типы жизненных установок.

Управляющий тип – люди самоуверенные и напористые, с незначительным социальным интересом. Они активны, но их

поведение не предполагает заботы о благополучии других. Для них характерна установка превосходства над внешним миром. Сталкиваясь с основными жизненными задачами, они решают их в агрессивной, антисоциальной манере.

Берущий тип – люди с подобной установкой относятся к внешнему миру паразитически, удовлетворяют большую часть своих потребностей за счет других. У них нет социального интереса, но, и обладая низкой степенью активности, маловероятно, что они причинят вред другим.

Избегающий тип – у людей этого типа нет ни достаточного социального интереса, ни активности, необходимой для решения своих собственных проблем, для них характерно социально-бесполезное поведение.

Социально-полезный тип – люди, соединяющие в себе высокую степень социального интереса и высокий уровень активности. Они проявляют истинную заботу о других, заинтересованы в общении с ними, осознают, что решение жизненных проблем требует сотрудничества, личного мужества и готовности помогать другим людям.

Введенный А.Адлером фактор социального интереса позволяет выделить и установки межличностного взаимодействия. Индивидуалистическое стремление к социальному превосходству над другими может быть рассмотрено как вариант борьбы против людей с целью стать выше их; социальное тяготение равных индивидов друг к другу предполагает интерес к другим людям, участие по отношению к ним или их использование [19].

Стили поведения в межличностных отношениях, указанные в концепции А.Адлера, получили развитие в работах К.Хорни. Основной тезис её подхода заключается в следующем: в целях достижения чувства безопасности в окружающем мире, снижения тревоги человек прибегает к разным защитным стратегиям. Каждой стратегии сопутствует определенная основная ориентация в отношениях с другими людьми:

Ориентация на людей, или уступчивый тип. Этот тип предполагает такой стиль взаимодействия, для которого харак-

терны зависимость, нерешительность, беспомощность. Человеку уступчивого типа необходимо, чтобы в нем нуждались, любили и защищали его, руководили им. Подобные люди завязывают отношения с целью избежать чувства одиночества, беспомощности или ненужности, однако за их любезностью может скрываться подавленная потребность вести себя агрессивно.

Ориентация от людей, или обособленный тип. Для этого типа характерна установка никоим образом не дать себя увлечь, идет ли речь о любовном романе, работе или отдыхе. В результате человек такого типа утрачивает истинную заинтересованность в людях, привыкает к поверхностным наслаждениям. Для данного стиля характерно стремление к уединенности, независимости и самодостаточности.

Ориентация против людей, или враждебный тип. Этот стиль характеризуется доминированием, враждебностью, тягой к эксплуатации. Враждебный тип способен действовать тактично и дружески, но его поведение в итоге всегда нацелено на обретение контроля и власти над другими, все направлено на повышение собственного престижа, статуса или на удовлетворение личных амбиций.

По мнению К.Хорни, каждый из нас когда-либо применял эти стратегии в межличностных отношениях. Как у здоровой, так и у невротической личности все они находятся между собой в состоянии конфликта. Однако у здоровых людей этот конфликт не несет в себе такого эмоционального заряда, как, например, у больных неврозами. Здоровому человеку присуща большая гибкость, он способен менять стратегии сообразно обстоятельствам. Невротик же когда решает встающие перед ним вопросы или строит отношения с другими, не в состоянии сделать правильный выбор между этими тремя стратегиями [19].

Различные коммуникативные стили исследовались американским психологом В.Сатир, которая сделала акцент на описании паттернов коммуникации, то есть используемых вербальных и невербальных знаков и приемов. Она предполагает, что изменение внешних поведенческих реакций может помочь в изменении отношения человека к самому себе, прежде всего, по-

высить его самооценку. Для этого необходимо как можно точнее представить, почувствовать, какие именно модели поведения – интонации, движение и позы тела, выражение лица и характерная лексика – соответствуют тому, или иному стилю. Она выделяет четыре устойчивых паттерна [12].

Угодливый тип (плакатор). Его внутренняя установка: «я – ничтожество». Плакатор всегда говорит, как бы заискивая, пытаясь благодарить, извиняться. Он никогда не выражает несогласия независимо от предмета разговора. Изъясняется он так, как будто ничего не может сделать сам и должен иметь кого-нибудь в качестве наставника.

Обвиняющий тип (блеймер). Внутренняя установка этого типа: «я одинок, я неудачник». Блеймер – это диктатор, хозяин, тот, кто находит ошибки. Он ведет себя как человек, превосходящий всех; кажется, что он говорит: «все было бы прекрасно, если бы не ты». Голос его грозен, напряжен, часто пронзителен и громок.

Безэмоциональный тип (компьютер). Внутренняя установка такого типа: «я чувствую себя уязвимо». Он всегда очень корректен, разумен, спокоен, хладнокровен и собран, в нем незаметна ни одна эмоция. Голос его невыразителен, глух, монотонен; словарь насыщен абстракциями.

Неуместный тип (дистрактор). Его внутренняя установка: «никому до меня нет дела, для меня нигде нет места». Что бы ни говорил и ни делал дистрактор, это не относится к тому, что говорит или делает кто-то другой, дистрактор никогда не отвечает по существу. Его голос может быть певучим, ударения в словах часто неправильны, интонации могут повышаться и понижаться совершенно без причин, потому что он ни на чем не фокусируется.

В.Сатир считает, что способы коммуникации усваиваются человеком в раннем детстве. Пытаясь найти свой собственный путь в сложном и часто угрожающем мире, ребенок использует тот или иной стиль, после достаточно длительного пользования которым он уже более не может отличать свои реакции от чувства собственного достоинства или чувства своей индивиду-

альности. Использование моделей поведения плакатора, блеймера, компьютера или дистрактора в той или иной степени укрепляет в человеке чувство низкой самооценки и приниженности. Альтернативой этим типам является конгруэнтное поведение, поведение личности, обладающей коммуникативной культурой, когда все составляющие сообщения соответствуют друг другу: голос произносит слова, соответствующие выражению лица, положению тела, интонациям. Взаимоотношения протекают легко, свободно и честно, и чувство собственного достоинства не подвергается таким испытаниям, как в описанных четырех случаях [12].

Е.Л.Доценко описывает продуктивный и непродуктивный стиль коммуникации. В основе их различия лежит ценностная ось «отношение к другому как к ценности – отношение к другому как к средству» [5].

Первый полюс конституирует отношение к партнеру как к ценности. В этом отношении можно выделить моральную и психологическую стороны. Моральная сторона состоит в признании другого человека в качестве свободного, ответственного, имеющего право быть таким, какой он есть. Психологическая сторона состоит в стремлении к сотрудничеству, равноправным партнерским отношениям, к совместному решению возникающих проблем, в готовности понять другого, умении децентрироваться, видеть человека во всей его многосложности, уникальности, изменчивости. В поведенческом плане это установка на диалог и сотрудничество.

Второй полюс характеризуется отношением к партнеру как к средству, объекту, орудию достижения своих целей: нужен – привлечь, не нужен – отодвинуть, мешает – убрать. Подобная установка базируется на ощущении собственного превосходства над другими в чем-либо, доходящем до чувства собственной исключительности. В психологическом плане эта позиция проявляется в эгоцентризме – непонимании другого, отсутствии попыток увидеть ситуацию его глазами, в упрощенном, одностороннем видении своего партнера, в использовании стереотипных представлений, расхожих суждений о нем. В поведенческом

плане – это опора на однонаправленность воздействия, его монологичность с использованием стандартных, привычных, автоматических приемов [5].

Большинство случаев взаимодействия людей между собой находится между описанными полюсами. В чистом виде объектное отношение проявляется нечасто, поскольку вызывает моральное осуждение окружающих, часто технологически невыполнимо, так как приходится считаться с сопротивлением адресата воздействия, отстаивающего свое право на субъектность.

Каждый человек оказывается перед проблемой выбора своей собственной позиции, своего «участка оси» [5].

Продуктивный стиль коммуникации понимается как плодотворный контакт в межличностном взаимодействии, способствующий установлению отношений взаимного доверия, раскрытию личностных потенциалов и достижению эффективных результатов совместной деятельности. Продуктивный стиль не существует между людьми изначально, он устанавливается, требуя от участников коммуникации значительных психологических и энергетических затрат. К сожалению, люди часто не могут приспособиться друг к другу, прийти к согласию, преодолеть психологические барьеры, установить доверительные отношения. Иногда, достигнув доверия на первых этапах развития отношений, они не способны сохранить его. Результатом является переход к непродуктивному стилю взаимодействия, блокирующему реализацию личностных потенциалов и достижение оптимальных результатов совместной деятельности.

В.А.Горянина выделяет несколько основных критериев продуктивности стиля межличностного взаимодействия:

- по характеру активности в позиции партнеров: в продуктивном – оба партнера как соучастники деятельности занимают активную позицию; в непродуктивном – имеет место активная позиция ведущего партнера и пассивная позиция подчинения – ведомого;

- по характеру выдвигаемых целей: в продуктивном – партнеры совместно разрабатывают как близкие, так и дальние

цели; в непродуктивном – доминирующий партнер сообщает только о ближайших целях, не обсуждая их с подчиненным;

- по характеру ответственности: в продуктивном – за результаты деятельности ответственны все участники взаимодействия; в непродуктивном – всю ответственность несет доминирующий партнер;

- по характеру отношений, возникающих между партнерами: в продуктивном – доброжелательность и доверие; в непродуктивном – агрессия, обида, раздражение [4].

Каждая стратегия построена на использовании конкретных поведенческих моделей. Стратегия партнерского взаимодействия предполагает владение такими механизмами взаимопонимания, как децентрация; эмпатия; точность и ясность в выражении потребностей, чувств, эмоции; искренность.

Децентрация представляет собой психологическую способность отойти от своего Я и приблизиться к Я другого человека, встать на точку зрения другого, посмотреть на мир его глазами. Децентрация в коммуникации характеризуется тем, что отправитель предвидит расшифровку получателя, принимает во внимание его точку зрения и кодирует на условиях получателя. Аналогично этому, децентрация получателя заключается в том, что он слушает и расшифровывает на условиях отправителя. Противоположностью децентрации является эгоцентризм. Эгоцентрик – человек, у которого снижена или полностью отсутствует способность ориентации на другого, о чем он может даже и не подозревать. Крайний эгоцентризм может служить серьезным препятствием в коммуникации. Если один из участников коммуникации – эгоцентрик, то ее успешное протекание возможно только в том случае, если другой участник наделен развитой способностью к децентрации. Механизм децентрации лежит в основе эмпатии. Определить эмпатию можно как понимание другого посредством эмоционального проникновения в его внутренний мир, чувства и мысли. При эмпатии наше уважение к другому проявляется в нашем внимании к нему, полностью направленном на то, о чем нам говорят в данный момент. Очень легко подменить эмпатию советом, поучением, сочувствием,

подбадриванием, выпрашиванием или рассказыванием историй о самом себе. Все приведенные способы оказания поддержки важны сами по себе, но прямого отношения к эмпатии не имеют, более того, они могут вызвать у собеседника острое чувство непонимания, эмоциональное отторжение. Компетентность коммуникатора и состоит в том, чтобы почувствовать, когда требуется эмпатия, а когда нет. Способность к эмпатии предполагает не только психологическую чуткость как личностную характеристику, но и вполне определенные навыки, которые приобретаются и оттачиваются на практике [4].

Таким образом, коммуникативные стили проявляются, прежде всего, как набор определенных действий, умений и навыков, соответствующих коммуникативной культуре личности.

Среди множества коммуникативных умений особое место занимает умение критиковать и умение принимать критику окружающих. Арабская пословица гласит: «Прежде чем высказать кому-нибудь горькую правду, помажь кончик своего языка медом». Доля правды здесь присутствует. Обратимся к понятию «критика». Слово «критика» имеет несколько значений: обсуждение с целью дать оценку; отрицательное суждение с целью указания недостатков; проверка достоверности чего-либо. Так существует и несколько видов критики: критиканство, псевдокритика и критика позитивная.

Критиканство характеризуется полным отсутствием позитивности и конструктивности. Критикан преследует эгоистические цели. Имеет завуалированную форму. Псевдокритика – это критика для сведения личных счетов, используется также как средство сохранения или повышения своего положения, престижа, как стиль работы. Часто проявляются следующие типы: ординарная критика, показная критика, контркритика, «организованная критика», «согласованная критика». Позитивная критика всегда ситуативно уместна, так как осуществляется в том месте и в то время, когда от нее есть созидательная польза. Она обязательно осуществляется в присутствии человека, на которого направлена критика. Никогда не выступает как сплетничество,

в отсутствии объекта критики. Суть настоящей критики и заключается в том, чтобы показать человеку его ошибки в его присутствии. Предметом критики могут быть только дела и поступки человека, а не его особенности, характер или интеллект. Объективная критика опирается на конкретные факты и аргументы, на доказательства. А не на вымышленные сюжеты. Конечной целью критики является решение, помогающее изменить ситуацию, конкретные предложения по устранению недостатков, по снятию возникших проблем. Критикующий должен быть заинтересован в улучшении ситуации взаимодействия. Цель критикующего заключается в том, чтобы выявить причины ошибок и предложить конструктивные шаги по их устранению. Критика должна быть щадящей. Личность глубоко переживает ситуации связанные с критикой в свой адрес. Почти всегда критике приписывают разрушающий характер, это обусловлено тем, что люди не владеют коммуникативным умением – критиковать. Разрушительная критика по форме выражения монологична. Она не предполагает конструктивного взаимодействия, сотрудничества критикующего и критикуемого. Она априори не предполагает двух позиций, взаимно уточняющих или вырабатывающихся в процессе критики. У критикующего такой критики только одна позиция, одна точка зрения, и он заранее присвоил себе право быть первым. Конструктивная критика, щадящая, ставит своей целью не уничтожение оппонента, а совместный поиск решений, средств преодоления обнаружившихся трудностей и проблем. Здесь налицо две равноправные позиции, во взаимодействии которых и осуществляется критика. В такой критике важен её предмет, о котором идет разговор, или спор, который и придает смысл диалогу, взаимным рассуждениям.

М.М.Бахтин, говоря о диалогической природе социального взаимодействия, отмечал, что межчеловеческое взаимодействие нельзя свести к отношениям логическим или предметно-смысловым, которые сами по себе лишены диалогичности. В простых суждениях о вещи еще нет диалога. Для того чтобы превратиться в диалог, суждения должны стать высказываниями, стать выраженными в слове позициями разных субъектов.

Критический диалог – это не просто средство обнаружения недостатков, относительно которых нужно «принять меры», но, в большей степени – процесс устранения их [2]. Критика как диалог – это и есть дело, она действительна и действенна, она есть преодоление разрыва между словом и делом, причем не «средство преодоления», а преодоление как таковое. В межличностной коммуникации критика «вплетена» в жизнь, поэтому важно корректно подходить к таким вопросам, как: кто имеет право на критику, а кто – нет, о мере критики, о соотношении критики и «дела», о «зонах» вне критики, о том, как осуществлять критику не нанося психологический ущерб личности критикуемого.

Как процесс, критика проходит четыре этапа: ввод в критику, создание доброжелательной атмосферы в начале разговора; критические замечания, высказывания по существу вопроса; «обратная связь», визуальный контакт с критикуемым для определения реакции на критику; выход из критики, её завершение, предложение о возможной помощи, эмоциональная поддержка. На каждом этапе процесса критики может произойти разрыв коммуникации. На первом этапе, если критикующий сразу переходит к замечаниям, да еще применяя повышенный тон голоса. На втором этапе, если замечания задевают не только дела и поступки, но и личностные характеристики. На третьем этапе, если визуальный контакт отсутствует или не предполагает осознанного восприятия партнера. На четвертом этапе, если отсутствует эмоциональная поддержка или отсутствует вообще сам этап, как завершение критики. Личность, у которой сформировано умение критиковать, акцентирует свои способности на постижении «обратной связи» с критикуемым. Существует три вида «обратной связи» в процессе критики: во-первых, реакция адекватная (есть контакт глаз, доброжелательный тон, лицо, согласие как кивок головой) – завершение критики. Во-вторых, реакция интрапунитивная (вовнутрь) – обида (нет контакта глаз, плечи опущены, руки закрыты, избегание взгляда, побледнение или покраснение кожных покровов, и т.д. В-третьих, реакция экстрапунитивная (вовне) – агрессия. Вовремя распознанная реакция превратит разрушающую критику в позитивную, конструктивную.

Практиками разработаны советы, которые помогут критикующему не превратить критику конструктивную в разрушающую[11, с.14].

- Прежде чем приступить к критическому анализу негативной ситуации, постарайтесь выяснить, нельзя ли исправить дело без критики.

- При анализе любой проблемы исходите из того, что, если полезное не делается вообще или делается не так как надо, необходимо искать того, кому это выгодно.

- Перед тем как выступить с критикой в адрес любого человека, постарайтесь предельно четко определить цели критики: что и как конкретно должно измениться.

- До начала критического анализа полезно выяснить позицию критикуемого по сути негативного события: вполне возможно, что это окажется импульсом для исправления дела.

- Помните, что обязательные условия успеха критического анализа деятельности любого человека – знание его способа восприятия критики и выбор соответствующей формы критического воздействия.

- Объективной основой критики должно быть точное и детальное знание того, что произошло и каковы последствия невыполнения или плохого выполнения работы. В противном случае критика становится уязвимой из-за возможных фактических ошибок и неточностей и из-за ошибок в оценках.

- Критический анализ должен быть всеобщим, то есть касаться всех и всего, что делается в группе (организации, коллективе, службе); для него нет закрытых зон и неприкасаемых лиц.

- Не отвергайте предложений до и без анализа.

- Прежде чем высказывать критическое замечание, выслушайте позицию критикуемого до конца.

- Не оглушайте действия и высказывания критикуемого ради того, чтобы разнести его «в пух и прах».

- Перед тем как сделать критическое замечание, изложите свое понимание того, что собираетесь критиковать.

- Критика должна обладать достаточным эмоциональным накалом, чтобы задеть за живое, но одновременно она не должна превращать людей в непримиримых врагов.

- Рекомендуется завершать критическое выступление предложениями, направленными на исправление проблемы.

- Если во время обсуждения нельзя сразу указать, как исправить положение, следует назвать фамилии тех, кто мог бы это сделать.

- Критикуя, не объявляйте виновными многих людей. Указав на того, по чьей вине допущена ошибка, прежде всего, определите меру ответственности других; без этого критика обезличивается.

- Квалифицируйте суть допущенного промаха, недостатка, вскройте его субъективные причины.

- Учитывайте мотивы действий критикуемого (например, старался, но не удалось), но оценивайте результат по объективным последствиям.

- Не сглаживайте «острых углов» – это может привести к повторению негативных явлений.

- Не оставляйте без внимания ни одного случая, заслуживающего критики, но направляйте свою активность прежде всего на то, что способствует улучшению дела.

- Не забывайте, что критикующий несет моральную, а в определенных случаях и юридическую ответственность за сознательное искажение фактов.

- Предоставьте критикуемому право на контркритику и возможность её осуществить.

- Не критикуйте в общих словах, без точного указания ошибки.

- Нельзя использовать понятия или речевые формы, оскорбляющие достоинство человека.

- Представляйте доказательства личной вины критикуемого.

- Критикуйте доброжелательно: задача критики помочь человеку, а не задеть его самолюбие.

- Не повторяйте критические замечания в адрес человека, исправившего дело.

- Будьте предельно корректны, когда критикуете неприятных вам людей: здесь легко совершить ошибку: подмену осуждения ради дела осуждением из-за неприязни.

- Критикуя подчиненных, не подавляйте в них чувства самостоятельности.

- Учите сотрудников самокритичности.

- Помните, что при произнесении критических высказываний человека можно оскорбить не только словами: поза, жесты, мимика часто не менее выразительны.

- Не копите замечания для публичного разноса – если можно помочь исправить ошибку сразу же, сделайте это.

- Учтите, что критикуемый конструктивнее воспринимает замечания, если они сопровождаются напоминаниями о его способностях.

- Критику осуществляйте в такой форме, чтобы критикуемый понял, что ему лично полезно (целесообразно) исправление дела.

- Будьте самокритичны. Требуя выполнения определенных правил и норм, проверьте, следуете ли вы им сами.

- Руководствуйтесь принципом уместности формы критики по отношению к конкретным людям.

Так, знание и соблюдение данных правил не позволит превратить критику в конфликт. Есть мнение, что большинство людей, которые предпочитают критику, обладают негативными чертами характера и руководствуются следующими мотивами: из мести, из зависти, из-за недоброжелательного отношения, по злому умыслу, из-за собственной неспособности, из тщеславия, из-за высокомерия, чтобы обратить внимание на себя, из-за неудовлетворенности собой, из-за агрессивного настроения и др. Если у человека открытые, положительные установки, то любое сообщение, информацию или событие он сначала воспримет нейтрально и попытается выделить в них положительные и отрицательные стороны, поразмышляет над теми и другими и по-

старается найти решение, но не связанное с критикой. Найти решение можно через разговор с человеком, допустившим промах, ошибку. С этой целью необходимо его выслушать, понять ход его мыслей, направленность его действий. Нельзя считать, что наше мнение единственно правильное, что именно мы знаем, как нужно поступать в той или иной ситуации.

Как показывает реальная практика социального взаимодействия, успехи при использовании критики невелики. Более того, отрицательный эффект иногда гораздо выше, чем положительный. Отечественный психолог Л.С.Вечер отмечает, что отрицательные последствия критики весьма распространены, это психологические издержки критики, а именно:

- плохое настроение у критикуемого;
- неблагоприятная обстановка на работе;
- появление у критикуемого потребности защищаться;
- бесполезные, длящиеся долгое время споры, оправдания;
- появление враждебных отношений, агрессивности в общении;
- упадок сил как у критикуемого, так и у критикующего, что ведет к падению работоспособности, ухудшению качества работы;
- состояние неуверенности, неверия и безразличия у критикуемого;
- желание ответить встречной критикой, «свести счеты»;
- появление страха перед дальнейшей критикой, боязнь выполнения заданий;
- критикуемый испытывает чувство оскорбленного самолюбия [3].

Как видим, следствием критики является негативный результат, проявляющийся в социальном взаимодействии. Анализ проблем свидетельствует о том, что каждому человеку необходимо серьезно размышлять перед вступлением на путь критики.

Замечания, высказываемые в ваш адрес или в адрес ваших позиций, имеют много общего с критикой, прежде всего потому, что они, так же как и критика, акцентируют отрицательные стороны высказываний. Вместе с тем, замечания имеют и положительные стороны, они свидетельствуют о том, что оппонент вас внимательно слушал, интересуется вашей проблемой,

размышляет о сущности дела, проверяет вашу аргументацию и все тщательно обдумывает. Поэтому замечания, высказанные вам, не следует рассматривать как препятствия на пути взаимодействия. Следует овладеть техникой нейтрализации замечаний при защите своих мнений и убеждений.

Югославский психолог П.Миич выделяет виды замечаний и способы их нейтрализации.

Во-первых, невысказанные замечания. Это такие замечания, которые собеседник не успевает, не хочет или не смеет высказать, поэтому целесообразно, опередив партнера, выявить эти потенциальные замечания и нейтрализовать их. Это можно сделать с помощью открытых вопросов. Если вы оговорились, то примите замечание по этому поводу к сведению и не объясняйте, почему это произошло.

Во-вторых, предубеждения. Они относятся к причинам, вызывающим неприятные замечания, особенно тогда, когда точка зрения неприятного собеседника полностью ошибочна. При наличии эмоциональной почвы любые логические контраргументы здесь бесполезны, поэтому следует, как при переговорах, развести, разграничить предубеждения и субъективные замечания, мотивацию и точки зрения участников взаимодействия, а затем продумать возможность отступления, но с «наведением мостов».

В-третьих, ироничные замечания. Они могут быть следствием плохого настроения партнера, а иногда и его желания «поиграть на ваших нервах», проверить ваши выдержку и терпение. Зачастую они носят оскорбительный, вызывающий характер. Прежде чем вступать в полемику в этой ситуации, необходимо сначала выяснить, сделано ли замечание всерьез или оно имеет характер «спортивного вызова». В результате полученной информации ваша реакция может быть остроумной или игнорирующей, то есть замечание можно пропустить «мимо ушей».

В-четвертых, стремление к получению информации. Такие замечания связаны со стремлением партнера получить дополнительную информацию или комментарии, разъясняющие услышанное. Поэтому целесообразно дать спокойный и уверен-

ный ответ и попытаться разобраться вместе с партнером в том, что ему не ясно в ваших рассуждениях.

В-пятых, желание проявить себя. Многие участники взаимодействия желают «захватить коммуникативное пространство» с целью высказать свое мнение, показать, что не поддаются влиянию или беспристрастны в высказывании позиций. Нейтрализация такого рода замечаний сводится к тому, что вы снижаете свою значимость в формулировании выводов, показываете роль партнера в развитии обсуждаемых идей и мнений. опередить его высказывания можно с помощью вопросов, например: «Соответствует ли это вашему мнению?».

В-шестых, замечания субъективного характера. Они высказываются в ситуации, когда ваша информация малоубедительна или вы проявили недостаточно внимания своему партнеру по взаимодействию, или он не доверяет фактам, исходящим от вас. В любом из перечисленных случаев постарайтесь поставить себя на место партнера, принять во внимание его проблемы, сделать акцент на преимуществах и возможностях решений, предлагаемых вами.

В-седьмых, объективные замечания. Высказываются они тогда, когда партнер действительно хочет разъяснить ситуацию, лучше понять смысл ваших слов или намерений, выработать более объективное собственное мнение. В этой ситуации более уместно не противоречить партнеру в открытую, а объяснить ему, что вы учитываете его подходы, однако ваше решение имеет преимущества, и корректно и доступно обосновать его еще раз.

В-восьмых, общее сопротивление. Такие замечания не являются корректными. Их причина лежит в том, что или тема разговора не определена четко, или тактика вашего поведения неадекватна ожиданиям партнера, поэтому целесообразно уточнить или изменить тему разговора или попросить разрешения сформулировать ваши аргументы, а затем выслушать замечания к ним.

В-девятых, последняя попытка. Когда партнер понимает, что именно ему придется реализовывать предлагаемые решения,

тогда он делает последнюю попытку поговорить о трудностях и препятствиях и, таким образом, отсрочить принятие окончательного решения. В этой ситуации более правильным поведением будет то, при котором вы попытаетесь найти еще один, может быть даже косвенный, аргумент в пользу предлагаемого варианта действий и после этого быстро принять решение [17].

Как видно, овладеть техниками нейтрализации замечаний совсем не сложно, человеку всего лишь необходимо знать о них и не забывать пользоваться. Человек, обладающий сформированными навыками коммуникативной культуры, обязательно примет это во внимание и будет развивать механизм снижения негативного воздействия замечаний. Данный механизм предполагает ссылки на чужой опыт и высказывания; перефразирование или вербализацию; принятие замечания, сравнение, отсрочку, упреждение и другие приемы. Важно формировать позитивные установки на восприятие критики. Установка конструктивного восприятия критики – это понимание того, что все, что я делаю или сделал, можно сделать лучше. Если критикуют – значит, верят в мои способности. Если критика отсутствует – значит, происходит пренебрежение как к партнеру. Своевременная критика – перспектива без перебоев в работе. Критика заставляет задуматься над своим поведением и поступками. От того, насколько грамотно человек владеет коммуникативными способностями, зависит имидж человека и благополучие коллектива.

4.2. Формирование коммуникативной компетентности человека

Коммуникативная компетентность рассматривается как система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций личностного взаимодействия. Компетентность в общении имеет, несомненно, инвариантные общечеловеческие характеристики и в тоже время характеристики, исторически и культурно обусловленные.

Коммуникативные способности – это умение вступать в общение и устанавливать нормальное взаимодействие с партнерами в профессиональной сфере и людьми, которые окружают человека всегда. В повседневной жизни мы называем это коммуникабельностью. Это устойчивый навык, который складывается из следующих качеств:

- умения четко выражать мысли (как устно, так и письменно);
- умения грамотно выстраивать речь (как устную, так и письменную);
- умения расположить к себе собеседника;
- умения слушать собеседника;
- неконфликтности;
- умения поддерживать долгосрочные контакты;
- знания делового этикета;
- умения прогнозировать «ход» общения;
- общения в стрессовой ситуации (конфликте).

Коммуницирование (общение) – это вид деятельности, которая имеет свои законы, состоит из последовательных этапов и, следовательно, требует определенных навыков. Коммуникабельность (общительность) как качество личности обусловлена генетически – так, например, интроверты неохотно завязывают новые отношения, а экстравертам просто необходимо постоянно контактировать с людьми.

Основу коммуникативной компетенции составляет общение в различных условиях и ситуациях. Она формируется в течение всей жизни, наиболее активно – в подростковом возрасте, когда общение со сверстниками занимает большую часть времени. Со временем вырабатывается свой собственный стиль общения, обусловленный опытом коммуникативного взаимодействия, ценностями человека и нормами общества. Наши навыки общения подвергаются коррекции с помощью специальных обучающих тренингов, упражнений.

Важным моментом процесса формирования коммуникативных навыков является мысленное проигрывание своего поведения в различных ситуациях. Планирование своих действий «в уме» является составной частью нормально протекающего ком-

муникативного действия. Способность человека действовать «в уме» может быть целенаправленно использована для обеспечения «контролируемой спонтанности», являющейся важной характеристикой компетентного коммуникативного поведения. Человек овладевает внутренними средствами регуляции коммуникативных действий, осваивая культурное наследие, наблюдая за поведением других людей, проигрывая в воображении возможные коммуникативные ситуации.

Таким образом, коммуникативную компетентность целесообразно рассматривать как систему внутренних средств регуляции коммуникативных действий, выделяя в последней ориентирующую и исполнительную составляющие.

Коммуникабельность как компетенция или способность, позволяющая успешно выполнять деятельность, может быть диагностирована при помощи интервью, кейсов, тестов. При этом оцениваются инициативность, латентный период ответа на вопрос, общая продолжительность ответа, сложность построения ответа, регуляция поведения в стрессовых ситуациях, открытость коммуникатора.

Развитие компетентного общения в современных условиях предполагает ряд принципиальных направлений его гармонизации. При этом для практики развития коммуникативной компетентности важно разграничить такие виды общения, как служебно-деловое или ролевое и интимно-личностное. Основанием для различия является обычно психологическая дистанция между партнерами, это я – ты контакт. Здесь другой человек приобретает статус ближнего, а общение становится доверительным в глубоком смысле, поскольку речь идет о доверии партнеру себя, своего внутреннего мира, а не только «внешних» сведений, например, связанных с совместно решаемой типовой служебной задачей. Компетентность в общении предполагает готовность и умение строить контакт на разной психологической дистанции – и отстраненной, и близкой. Трудности порой могут быть связаны с инерционностью позиции – владением какой-либо одной из них и её реализацией повсеместно, независимо от характера партнера и своеобразия ситуации. В целом ком-

петентность в общении обычно связана с овладением не какой-либо одной позицией в качестве наилучшей, а с адекватным приобщением к их спектру. Гибкость в адекватной смене психологических позиций – один из существенных показателей компетентного общения. Личность должна быть направлена на обретение богатой многообразной палитры психологических позиций, средств, которые помогают полноте самовыражения партнеров, всем граням их адекватности – перцептивной, коммуникативной, интерактивной.

Реализация личностью своей субъективности в общении связана с наличием у нее необходимого уровня коммуникативной компетентности. Коммуникативная компетентность складывается из способностей:

- давать социально-психологический прогноз коммуникативной ситуации, в которой предстоит общаться;
- социально-психологически программировать процесс общения, опираясь на своеобразие коммуникативной ситуации;
- осуществлять социально-психологическое управление процессами общения в коммуникативной ситуации.

Прогноз формируется в процессе анализа коммуникативной ситуации на уровне коммуникативных установок. Коммуникативная установка партнера – это своеобразная программа поведения личности в процессе общения. Уровень установки может прогнозироваться в ходе выявления: предметно-тематических интересов партнера, эмоционально-оценочных отношений к различным событиям, отношения к форме общения, включенности партнеров в систему коммуникативного взаимодействия. Это определяется в ходе изучения частоты коммуникативных контактов, типа темперамента партнера, его предметно-практических предпочтений, эмоциональных оценок форм общения.

Общение как системно-интегрирующий процесс имеет следующие составляющие:

- коммуникативно-диагностическую (диагностика социопсихологической ситуации в условии будущей коммуникативной деятельности, выявление возможных социальных, социально-

психологических и других противоречий, с которыми возможно предстоит столкнуться личности в общении);

- коммуникативно-программирующую (подготовка программы общения, разработка текстов для общения, выбор стиля, позиции и дистанции общения);

- коммуникативно-организационную (организация внимания партнеров по общению, стимулирование их коммуникативной активности и т.д.);

- коммуникативно-исполнительскую (диагноз коммуникативной ситуации, в которой разворачивается общение личности, прогноз развития этой ситуации, осуществляемый по заранее осмысленной индивидуальной программе общения).

Каждая из этих составляющих требует специального социотехнологического анализа, однако, рамки изложения концепции коммуникативной культуры дают возможность остановиться только на коммуникативно-исполнительской части. Она рассматривается как коммуникативно-исполнительское мастерство личности.

Коммуникативно-исполнительское мастерство личности проявляется как два взаимосвязанных и все же относительно самостоятельных умения найти адекватную теме общения коммуникативную структуру, соответствующую цели общения, и умение реализовать коммуникативный замысел в общении, то есть продемонстрировать технику общения. В коммуникативно-исполнительском мастерстве личности проявляются многие её навыки и прежде всего навыки эмоционального саморегулирования как управление своей психофизической органикой, в результате чего личность достигает адекватного коммуникативной деятельности эмоционального состояния. Эмоциональная саморегуляция создает настрой на общение в соответствующих ситуациях, эмоциональный настрой на ситуацию общения, означает, прежде всего, перевод обыденных эмоций человека в тональность, соответствующую ситуации взаимодействия.

В процессе эмоциональной саморегуляции следует различать три фазы: длительное эмоциональное «заражение» проблемой, темой и материалами предстоящей ситуации общения;

эмоциональная идентификация на стадии разработки модели своего поведения и программы предстоящего общения; оперативную эмоциональную перестройку в обстановке общения.

Эмоциональная саморегуляция приобретает характер целостного и завершенного акта в единстве с перцептивными и экспрессивными навыками, которые также составляют необходимую часть коммуникативно-исполнительского мастерства. Она проявляется в умении остро, активно реагировать на изменения обстановки общения, перестроить общение с учетом перемены эмоционального настроения партнеров. Психологическое самочувствие, эмоциональный настрой личности прямо зависят от содержания и результативности общения.

Перцептивные навыки личности проявляются в умении управлять своим восприятием и организовывать его: верно оценивать социально-психологический настрой партнеров по общению; устанавливать необходимый контакт; по первому впечатлению прогнозировать «ход» общения. Они позволяют личности верно оценивать эмоциональные реакции партнеров по общению и даже прогнозировать эти реакции, избегая тех, которые мешают достигнуть цели общения.

Экспрессивные навыки коммуникативной деятельности принято рассматривать как систему умений, создающих единство голосовых, мимических, визуальных и моторнофизиологических психологических процессов. По своей сути это навыки самоуправления выразительной сферой коммуникативной деятельности людей. Связь эмоциональной саморегуляции с выразительностью есть органическая связь внутреннего и внешнего психологического состояния. Это стремление и обеспечивает внешнее поведение, выразительные действия личности в общении. Экспрессивные навыки личности проявляются как культура речевых высказываний, соответствующих нормам устной речи, жестов и пластики поз, эмоционально-мимического сопровождения высказывания, речевого тона и речевой громкости.

В многообразных коммуникативных случаях инвариантными составляющими оказываются такие компоненты, как партнеры-участники, ситуация, задача. Вариативность обычно

связана с изменением характера самих составляющих – кто партнер, какова ситуация или задача и своеобразие связей между ними.

Коммуникативная компетентность как знание норм и правил общения, владения его технологией, является составной частью более широкого понятия «коммуникативный потенциал личности».

Коммуникативный потенциал – это характеристика возможностей человека, которые и определяют качество его общения. Он включает наряду с компетентностью в общении еще две составляющие: коммуникативные свойства личности, которые характеризуют развитие потребности в общении, отношение к способу общения и коммуникативные способности – способность владеть инициативой в общении, способность проявить активность, эмоционально откликаться на состояние партнеров общения, сформулировать и реализовать собственную индивидуальную программу общения, способность к самостимуляции и к взаимной стимуляции в общении.

Коммуникативная компетентность является ядром коммуникативной культуры человека. Системный характер коммуникативной культуры обусловлен следующими качествами:

- творческое мышление;
- культура речевого действия;
- культура самонастройки на общение и психоэмоциональная регуляция своего состояния;
- культура жестов и пластики движений;
- культура восприятия коммуникативных действий партнера по общению;
- культура эмоций.

Основу формирования коммуникативной культуры, как и коммуникативной компетентности, составляет опыт человеческого общения. Основными источниками приобретения коммуникативной культуры являются: соционормативный опыт народной культуры; знание языков общения, используемых народной культурой; опыт межличностного общения в неформальной (форме) сфере; опыт восприятия искусства. Соционорма-

тивный опыт – это основа когнитивного компонента личности как субъекта общения. Вместе с тем реальное бытование различных форм общения, которые чаще всего опираются на соционормативный конгломерат (произвольная смесь норм общения, заимствованных из разных национальных культур), вводит личность в состояние когнитивного диссонанса. А это рождает противоречие между знанием норм общения в разных формах общения и тем способом конкретного взаимодействия, который предлагает ситуация. Диссонанс – это источник индивидуально-психологического торможения активности личности в общении. Личность выключается из поля общения. Возникает поле внутреннего психологического напряжения. А это создает барьеры на пути человеческого взаимопонимания.

Опыт общения занимает особое место в структуре коммуникативной компетентности личности. С одной стороны, он социален и включает интериоризованные нормы и ценности культуры, с другой – индивидуален, поскольку основывается на индивидуальных коммуникативных способностях и психологических событиях, связанных с общением в жизни личности. Динамический аспект этого опыта составляет процессы социализации и индивидуализации, реализуемые в общении, обеспечивающие социальное развитие человека, а также адекватность его реакций на ситуации общения и их своеобразие. В общении особую роль играет овладение социальными ролями: организатора, участника, инициатора, слушателя. И здесь очень важен опыт восприятия искусства. Искусство воспроизводит самые разнообразные модели человеческого общения. Знакомство с этими моделями закладывает основу коммуникативной эрудиции личности. Обладая определенным уровнем коммуникативной компетентности, личность вступает в общение, имея определенный уровень самоуважения и самосознания. Личность становится персонифицированным субъектом общения. Это означает не только искусство адаптации к ситуации и свободу действий, но и умение организовать личностное коммуникативное пространство и выбрать индивидуальную коммуникативную дистанцию. Личность свободно владеет кодом ситуативного общения, допу-

стимой импровизацией, уместности конкретных средств общения. Таким образом, коммуникативная компетентность является необходимым условием успешной реализации личности.

Как сформировать определенный тип коммуникативной культуры?

Сложность обусловлена, прежде всего, тем, что в условиях рыночных отношений люди забывают о культуре. Заботы исключительно об удовлетворении материальных потребностей затмевают этические ценности. Понятием, с помощью которого осмысливается упорядоченность общественных отношений, служит понятие формы. Форма закрепляет определенную ступень в развитии явления, обеспечивая накопление изменений и возможность дальнейшего развития. Новые, эффективные формы упорядоченности коммуникативных процессов способны оказывать мощное стимулирующее воздействие на дальнейшее развитие общества.

В соответствии с формами общественного сознания можно выделить два типа коммуникативной культуры. К первому относятся политическое сознание, право и мораль, которые связаны с регулированием человеческих отношений и поэтому выступают как формы духовно-практического освоения социальной действительности. Ко второму относятся наука, искусство и философия, которые представляют собой формы духовного и духовно-практического освоения всей окружающей человека действительности. Промежуточное место занимает религия, которая предстает и как форма мировоззрения и одновременно как регулятор человеческих отношений, особенно в тех обществах, где она занимает доминирующее положение.

Следует обратить внимание на взаимодействие типов коммуникативной культуры, которые взаимно проникают друг в друга и влияют друг на друга. Так, культура и религия взаимно действуют на состояние морали, на отношения между людьми. Сами по себе факторы повышения образования и культуры, усиления правовых принципов регуляции отношений или идейно-политического воспитания не перекрывают необходимости в тех духовных и психологических средствах, которыми располагает

религия. Религия в разной степени связана с духовной жизнью общества в целом: не только с конечными смыслами бытия (жизни и смерти), но и с регуляцией повседневного поведения. В современных условиях религия утратила свою прежнюю монополию на объяснение природной и социальной реальности, перестала быть всеобщим мировоззрением, институтом, интегрирующим различные слои. Основными интегрирующими факторами стала политика, право и рынок. Свои ценности, нормы и идеалы общество черпает в значительной степени из светской культуры [25].

Вопреки многим утверждениям религия отнюдь не обнаруживает признаков ухода из мира или даже значительного сокращения людей, явно её не принимающих. Напротив, она оказывается самой долговременной, устойчивой и массовой формой культуры. Нормы, смыслы, ценности и знания, данные в откровении или выработанные религиозными авторитетами, действия и высказывания, связанные с основателями религий, их земные судьбы – все это составляет тот сакральный фонд культуры, приобщение к которому оказывает большое воздействие на сознание и поведение миллиардов людей в каждом поколении.

Особенно показательны стали процессы сохранения, выживания и возрождения религиозности после распада СССР. Распространяются не только традиционные религии, но и самые разнообразные верования, религиозные идеи и культы. Ширится мода на астрологию, различного рода магию, восточные техники медитации. Произошло сближение католической и православной церквей. СМИ транслируют передачи об экстрасенсах и магических действиях, позволяющих решать социальные и личные проблемы людей. Официальная политика способствует подъему традиционных религий. Установился прочный диалог представителей власти и главы православной религии.

Говоря об уровнях коммуникативной культуры, можно обратиться к анализу аксиологической структуры, изложенному Ю.И.Мирошниковым. Он считает, что оппозиция «высокий – низкий» и сегодня имеет ощутимую аксиологическую окраску,

что и составляет особую квазипространственную характеристику бытия [16].

Характеризуя восприятие пространственных отношений современным человеком, можно представить его во всей полноте, что невозможно без учета феномена аксиологической топографии.

Деление культурной жизни на «верх-низ» сегодня четко видно в политике, искусстве, религии и во всех видах человеческой деятельности. Выстраивая человеческую деятельность и феномены сознания по уровням, люди тем самым давали им оценку, соответствующую месту, которое они сами занимали в иерархии культуры. Принимая принцип «вертикального» структурирования всех феноменов культуры, мы не склонны принимать её в качестве единственной и абсолютной.

В ходе анализа ценностной структуры коммуникативной культуры обнаруживается особенность, которую можно назвать амбивалентностью ценностного сознания. Амбивалентность оценок обусловлена полярностью двух основных субъектов ценностного сознания. Одним источником ценностных суждений выступает культурный «верх», а другим – культурный «низ».

Аксиологическая «рама», через которую уже в древности люди рассматривали свою жизнь, позволяла, с одной стороны, по-разному оценивать один и тот же вид деятельности, а с другой – под высокий ранг подводить не одну и ту же, а разные виды деятельности. Умственная деятельность уже в древности рассматривалась как неопровержимый признак духовного верха, а физический труд – признак культурного низа [16].

Ценность труда и досуга относительны. И досуг, и труд – это лишь формы человеческой деятельности, которые разные люди наполняют разным содержанием в зависимости от их сознания: творческого или рутинного мышления, эгоистических или альтруистических чувств, злой или доброй воли.

Существующая социокультурная противоположность между специализированным и обыденным сознанием приводит к пониманию проблемы их единства взаимодействия. С позиции «высокого» и «низкого» сознания мы убеждаемся, что инстру-

ментом их преодоления выступит овладение коммуникативной культурой каждого субъекта взаимодействия. Несомненно, и специализированное, и обыденное сознание объективно нуждаются друг в друге, жаждут соединиться, как актер со зрителем, политик с электоратом, преподаватель со студентом, врач с пациентом. Но слишком большая дистанция их разделяет. Преодоление дистанции – это необходимая посылка реального функционирования коммуникативной культуры, через формирование и воспитание её элементов в рамках социальных институтов[25].

Мы уже отмечали личностные элементы коммуникативной культуры: коммуникабельность, компетентность, коммуникативные способности, умения, навыки, но следует еще указать и этикетные нормы, которые способствуют сближению «верха» и «низа» - двух уровней коммуникативной культуры.

Этикет – это своеобразный язык общения, условие человеческого общения. В исследованиях Э.В.Соколова указывается тесная связь этикета и культуры. «Этикет – это внешняя культура личности, правила и нормы, способствующие общению людей»[24, с.28].

Цель этикета – сделать правила поведения людей в обществе максимально человечными, приятными и красивыми. Этикет в рамках коммуникативной культуры выполняет важную функцию. Знание его принципов и норм облегчает взаимодействие, повышает культуру речи, позволяет избежать конфликтных ситуаций и каких-либо недоразумений, связанных с оценкой культуры общения. Речевой этикет задает нам те рамки речевых правил, в пределах которых должно проходить содержательное общение.

Таким образом, в мире глобальных трансформаций активность информационных процессов столь высока, что индивид вынужден сочетать в себе традиционные элементы своей культуры с достижениями любой другой культуры. Изменяя традиционную систему культурной коммуникации, человек становится базисом взаимопонимания и эталоном взаимодействия в общении, деятельности и познании. Ценности традиционной культуры должны приспособиться к новым формам бытия. Че-

ловек не может и не должен потерять индивидуальность в таких условиях. Коммуникация позволяет развивать новые возможности взаимодействия людей, их способности, умения и навыки. Культура определяет сознательную активность людей, задавая и реализуя её целевую направленность и характер организации. Коммуникативная культура является способностью человека целенаправленно преобразовывать окружающий мир, поскольку создается искусственный мир вещей, символов, а также связей и отношений между людьми. Коммуникативная личность понимается как характеристика личности, обусловленная проявлением индивидуальных свойств и качеств, которые определяются наличием коммуникативной компетентности – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации. Коммуникативная компетентность – это внутренние ресурсы личности, необходимые для эффективности взаимодействия в любой ситуации. Формирование коммуникативной компетентности происходит постоянно, лишь с различной степенью активности. С приобретением опыта коммуникативного взаимодействия вырабатывается собственный коммуникативный стиль. Стремление к устойчивым формам взаимодействия отмечают западные и отечественные психологи А.Адлер, К.Хорни, В.Сатир, Е.Л.Доценко, В.А.Горянина. Коммуникативная компетентность, предполагающая наличие устойчивой технологии общения, образует «коммуникативный потенциал личности» как характеристику целостной системы возможностей человека, указывающую на качество коммуникации.

Список литературы

1. Аксенов Д.В. Гений общения. – М.: Политиздат, 2004. – 189 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
3. Вечер Л.С. Секреты делового общения. – Минск. 2006. – 215 с.
4. Горянина В.А. Психологические предпосылки непродуктивности стиля межличностного взаимодействия// Психологический журнал. – 1997, №6. – с.73-83.
5. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М., 1997.

6. Знаков В.В. Психология понимания в познании и общении. – М.: Политиздат, 1983. – 178 с.
7. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении// Вопросы психологии. – 2012, №6. – с.45-54.
8. Ильин В.В. Философская антропология. – М.: КДУ, 2006.
9. Конечская В.П. Социология коммуникации. – М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
10. Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 315 с.
11. Кузнецов И.Н. Корпоративная культура. – М.: Инфра-М, 2007. – 387 с.
12. Куницына В.Н. Межличностное общение. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
13. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 443 с.
14. Максимова А. Межличностная коммуникация. – М.: Инфра-М, 2013. – 245 с.
15. Межуев В.М. Судьба национальных культур в эпоху глобализации//Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. – М.: Прогресс, 2010. – с.378-394.
16. Мирошников Ю.И. Аксиологическая структура социокультурной коммуникации. – Екатеринбург, 1998. – 160 с.
17. Милич П. Технология взаимопонимания личности и малых групп// Психологические исследования общения. – 2001, №8. – с.62-75.
18. Мустафина Т.В. Роль современного человека в глобальном мире // Вестник РФО. – 2013, №3. – с.117-119.
19. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Киев Ваклер, 2001. – 348 с.
20. Резаев А.В. Парадигмы общения: взгляд с позиции социальной философии. – СПб.: ИСПУ, 1993. – 210 с.
21. Родионов Б.А. Социология социальной коммуникации. – Ижевск. Изд. Удм. Ун-та, 1996. – 18 с.
22. Родионов Б.А., Соколова О.П., Солонинко Р.В. Феномен социальной коммуникации. Монография. – Ижевск: Удмуртский университет, 2009. – 188 с.
23. Соколов Э.В. Понятие, сущность и основные функции культуры. – Л.: ЛГНК, 1989. – 83 с.
24. Соколов Э.В. Культура и личность. – СПб.: Наука, 1992. – 227 с.
25. Соколова О.П. Коммуникативная культура индивида: социально-философский анализ. – Дисс. на соиск. уч. степ. канд. философ. наук. – Ижевск. 2005.

5. РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

(Карманчиков А.И., к. пед. н.,
доцент кафедры общеинженерных дисциплин УдГУ)

5.1. Прогнозирование успешной деятельности студентов

Прогнозирование – это важнейшая управленческая функция. Однако подчас во многих сферах деятельности прогнозированию несправедливо отводится второстепенная роль. Считается, что прогнозирование входит в состав функции планирования, представляющего собой разработку последовательности действий, позволяющих достигнуть желаемого. Образовательные технологии дают возможность прогнозировать наиболее вероятный результат их реализации в определенных условиях. Система образования – это не застывший процесс. В условиях быстрых изменений внешней и внутренней среды прогнозирование будущего состояния управляемых процессов и систем, обеспечивающее расширение горизонта планируемых решений и действий, оценку их долговременных последствий, повышение их обоснованности, несомненно, способно выполнять самостоятельную роль в повышении эффективности деятельности студентов.

Достижение поставленной цели – качественное обучение студента, формирование и развитие необходимых профессиональных компетенций, возможно в условиях оптимального сочетания различных факторов. Задача педагога выявить и учесть все возможные факторы, влияющие на эффективность процесса обучения и на деятельность самого студента.

Педагогическое прогнозирование позволяет объективно воспринимать будущее, выявить возможные проблемы, найти способы устранения этих проблем или негативного их воздействия на процесс обучения. Сложность деятельности педагога в процессе обучения заключается в том, что преподавателю необ-

ходимо подготовить студента к деятельности, которой он будет заниматься в будущем, в новых условиях, выявлять новые проблемы и самостоятельно находить нестандартные их решения. Студенту трудно воспринимать виртуальные проблемы будущего, опираясь на прошлый опыт, которым обладает преподаватель, готовящий его к будущей деятельности.

Прогнозирование, как отмечает И.В.Бестужев-Лада, в широком смысле слова есть разработка прогноза, в узком значении – специальное научное исследование конкретных перспектив развития какого-либо объекта [1]. Анализ научных публикаций дает основание утверждать, что к настоящему времени отечественными и зарубежными учеными разработаны методологические и теоретические основания прогнозирования в сфере образования.

Понимание важности, актуальности объективного восприятия будущего оказало существенное влияние на развитие прогностических исследований сначала в естественных, а затем и в общественных науках привело к формированию прогностики – науки о законах и способах разработки прогнозов. Основная задача прогностики – развитие специальной методологии прогнозирования с целью повышения эффективности методов и техники разработки прогнозов. В проблематику прогностики входит изучение особенностей прогнозирования как специального научного исследования, принципов построения и оптимального сочетания различных методов прогнозирования, способов оценки достоверности прогнозов [2].

Смысл философского понимания [3] прогнозирования заключается в том, что на первый план выдвигается исследование не того, что есть, а того, что будет, т.е. создается идеальный образ будущего объекта. Такой способ познания действительности называется «опережающее отражение».

Психологи указывают, что опережающее отражение человеком предстоящих событий, формирующихся условий, действий в предстоящих ситуациях других людей и собственной деятельности осуществляется в различных формах: предчувствия, предвидения, предугадывания, предсказания. Наиболее

общим понятием, охватывающим все формы проявления опережающего отражения, является понятие антиципации. Антиципация рассматривается в психологии как способность человека действовать и принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых, будущих событий [4].

Л.А.Регуш подчеркивает, что прогнозирование, во-первых, является познавательной деятельностью человека. Во-вторых, прогнозирование приводит к знанию будущего при определенных условиях, к которым относятся: создание оснований прогнозирования; преобразование оснований и соотнесение их с конкретными данными о прогнозируемом объекте; форма получения знаний о будущем. В-третьих, результат прогнозирования имеет специфику: отражение будущего с учетом вероятности его наступления и различной временной перспективы [5]. Таким образом, существенными признаками прогнозирования выступают: родовой признак – познавательная деятельность человека; видовые признаки – знания о прошлом и их преобразование; результат деятельности – прогноз, то есть знание о будущем, имеющее вероятностный характер.

А.В.Рождественский выделяет ведущие тенденции развития современного образования: ослабление идеологии образования, становление новых социально-образовательных отношений в российском обществе, повышение уровня человеческого потенциала и утверждение ценностной ориентации людей на образование, формирование открытого образования, неопределенность отношений государства и образования, профессионализация образования [6].

Важным научным исследованием проблем прогнозирования в управлении педагогическими системами разного уровня является исследование Б.С.Гершунского [7]. Он определяет образовательно-педагогическое прогнозирование как специально организованное системное исследование, результаты которого могут и должны быть использованы при разработке политики в сфере образования, стратегии развития образовательных систем,

методов управления качеством педагогической деятельности на разных уровнях, ступенях образования.

Общие методологические принципы образовательно-педагогической прогностики выделяет Л.Я.Осипова [8]: объективности, познаваемости, детерминизма, развития, историзма, единства теории и практики. Важным дополнением к этим общим принципам являются частные методологические принципы, учитывающие особенности прогностической деятельности в педагогике: принципы исследовательской доказательности, понятийно-терминологического единообразия и точности, целостности, системности и комплексности, непрерывности (систематичности), вариативности, коллективности, опытно-экспериментальной верификации, практической направленности.

В.А.Пылаев утверждает, что прогнозирование должно выступать теоретической основой управления образовательной системой, технологической составляющей и предпосылкой принятия обоснованных управленческих решений, процессом разработки научно обоснованного суждения о вероятных изменениях социально-педагогических объектов в будущем с целью повышения эффективности управления ими. Прогнозирование вариантов развития региональной образовательной системы следует осуществлять на основе комплексной оценки её параметров [9].

Рассматривая педагогическое прогнозирование в качестве важнейшей профессиональной функции педагога, которая предопределяет успех его деятельности, Н.В.Кузьмина определяет педагогическое прогнозирование как процесс получения опережающей информации о результатах педагогических действий. Этот процесс строится на основе знания сущности и логики педагогического процесса, закономерностей возрастного и индивидуального развития учащихся [10].

В.А.Сластенин утверждает, что педагогическое прогнозирование – это элемент технологии конструирования педагогического процесса, результатом которого является получение педагогом опережающей информации об объекте с помощью

научно обоснованных положений, методов и приемов. Объектами педагогического прогнозирования выступают класс, ученик, знания, отношения [11].

Содержание педагогического прогнозирования, субъектом которого является педагог, считает А.Ф.Присяжная, может проявляться как прогнозирование педагогом собственной познавательной деятельности, процессов обучения и воспитания, руководство педагога прогнозированием в деятельности обучаемых [12].

Объектом педагогического прогнозирования, по мнению А.В.Рождественского [6], может выступать образовательная ситуация, содержание образования, критерии и показатели его состояния и развития, средства, методы и формы функционирования образования. Предметом педагогического прогнозирования могут выступать перспективы развития образовательной ситуации. Совокупность этих элементов составляет структуру комплексного педагогического прогноза в области образования.

Исследование А.В.Захарова посвящено анализу формирования прогностических умений у студентов учреждений педагогического образования. Он считает необходимым обратить внимание на формирование прогностических умений у будущих учителей, выстраивать процесс их целенаправленного формирования через систему прогностических задач, отражающих вероятностные ситуации развивающегося педагогического процесса. Прогностические умения следует формировать не только как действия на определенном уровне их овладения, а как единство трех компонентов, характеризующих: знания – основания прогнозирования; действия, составляющие процесс прогнозирования; качества мыслительных процессов.

Инструментарием для формирования каждого компонента прогностических умений может служить определенный блок учебно-профессиональных прогностических задач реализации механизмов в рамках соответствующего типа обучения: знаниевый – информационно-содержательный блок заданий по реализации ассоциативных механизмов; деятельностный – деятельностно-технологический блок заданий по реализации алгорит-

мических механизмов; интеллектуально-творческий – блок заданий по формированию механизмов творческой деятельности [13].

В структуре обучения будущих учителей педагогическому прогнозированию Т.В.Дымовой выделено три компонента: мотивационный, который содержит осознанный интерес и внутреннюю убежденность личности в необходимости обязательного проведения педагогического прогнозирования; содержательный компонент, отражающий кроме психолого-педагогических и специальные знания о педагогическом прогнозировании; операционный компонент, включающий прогностические умения [14].

Вариативность и быстрая изменчивость современной социокультурной ситуации требует совершенствования прогностических навыков, повышающих эффективность управления любыми процессами. Анализируя причины эффективной деятельности педагогов можно сделать вывод о том, что решающую роль в их достижениях играет способность прогнозировать. Развитое прогностическое мышление, объективное восприятие будущего позволяет педагогу моделировать возможные варианты развития ситуации, изменения в структуре и в содержании образовательного процесса, эффективность восприятия учебной информации конкретным учащимся.

Анализ педагогических исследований показывает, что проблемы использования методов и приемов прогнозирования в педагогической деятельности изучены ещё не достаточно.

Проведенные О.Л.Осадчук исследования по долгосрочному прогнозированию качества педагогической деятельности подтвердили наличие взаимосвязи между качеством педагогической деятельности и профессиональной надежностью педагогов. Качество педагогической деятельности в долгосрочной перспективе можно оценить вероятностью сохранения педагогом профессиональной надежности. Анализ отдельных проявлений профессиональной надежности педагога (безотказности, своевременности, безошибочности, стабильности) позволяет прогно-

зировать дифференцированные рекомендации по повышению качества педагогической деятельности [15].

Педагогическое прогнозирование – это определение стратегии развития образовательного учреждения в соответствии с изменениями на рынке труда, это опережающее выявление потребности общества в специалистах в определенных областях, создание и реализация системы их обучения, результатом которой будут компетентные, востребованные обществом профессионалы и возможность дальнейшего развития конкретной личности с учетом индивидуальных особенностей обучения.

Педагогическое прогнозирование взаимосвязано с потребностями общества в компетентных специалистах и устремлениями личности к развитию. В экономически развитом государстве потребности личности в образовании будут вполне определенными и достаточно высокими. Повышение образованности личности формирует более высокие потребности и требования к общественной организации. Высокоорганизованная общественная деятельность влияет на формирование потребностей личности. Расширение возможностей личности расширяет возможности общества; если возрастает потенциал общества, это позитивно влияет на развитие личности. Общество и личность предъявляют взаимные требования. Требования личности к обществу: стабильность, безопасность (личная, экономическая, экологическая), демократичность и другие. Требования общества к личности: коммуникабельность, работоспособность, активность, социальная безопасность и другие.

Относительно медленные темпы развития общества обеспечивали размеренный темп обучения, подготовку необходимых специалистов, нужных профессий, востребованных столетиями. Обычаи и традиции обучения складывались и в системе образования. Бурный рост промышленности, возрастание темпов развития, совершенствование промышленного производства, узкая специализация в производстве товаров и услуг стали создавать условия для расширения спектра специальностей, быстрой их сменяемости. Все это требует совершенствования структуры обучения, переобучения, повышения квалификации.

Человек, который не хочет думать о своем будущем, это большая редкость в наше время. Самое удивительное, что мы все думаем о будущем часто очень неопределенно. Романтическая мечтательность очень далека от объективных достоверных прогнозов, опирающихся на конкретные аргументы, формирующиеся и развивающиеся процессы, тенденции. Какую информацию мы должны иметь? Какие законы использовать, чтобы формировать объективный и достоверный прогноз своего будущего? От вероятного к достоверному будущему сложный и трудный путь.

Педагогическое прогнозирование призвано ответить на ряд основных вопросов во взаимоотношении общества и личности. Первичными являются интересы и потребности личности или общества? Какое общество необходимо конкретной личности для её нормального формирования и развития? Какая личность востребована социумом? Какие профессии, где и в каком количестве будут востребованы в ближайшем и отдаленном будущем? Это позволит сформулировать объективно обоснованные цели и задачи системы образования и программы профессионального обучения.

Стремительное изменение потребности производства в специалистах требует и возрастания скорости реагирования (опережающего и быстрого, ускоренного обучения специалистов), что будет эффективным при наличии объективного прогноза.

Для выявления эффективных педагогических технологий, методов и приемов развития исследовательской активности, творческих способностей важно проанализировать и понять процесс творчества, процесс создания нового, более эффективного. В любом виде человеческой деятельности сам процесс творчества остается типовым. То есть человек, обладающий творческими способностями, будет относиться творчески к делу, где бы он ни работал. Художник это или музыкант, врач или инженер, артист или геолог – все творят по очень похожему сценарию.

Направленность исследований в области психологии творчества до недавнего времени носила в основном констатирующий характер. Однако в настоящее время возникает и развивается методология технического творчества, в разработках методов и руководств по исследовательской и изобретательской деятельности происходит настоящий методический взрыв. С особой остротой встает вопрос об эффективности (производительности) интеллектуального труда, возникает потребность в обеспечении целенаправленности творческого процесса, его управляемости и результативности. Решение этих проблем невозможно без создания моделей технологии творческого процесса, без знания законов, методов и приемов технического творчества.

Выявленные законы развития технических систем легли в основу принципиально нового направления эвристики — теории решения изобретательских задач (ТРИЗ). В ТРИЗ процесс решения задачи построен как четкая программа по выявлению и устранению логических и диалектических противоречий, что обеспечивает её целенаправленность. Все субъективные факторы сведены к минимуму. В результате происходит четкая локализация конфликта, лежащего в основе задачи, и его предельная обостренность, что придает программе высокую эвристическую ценность. Число вариантов решений, которых на этапе постановки задачи могло быть десятки тысяч, после разрешения противоречий и ориентации на идеальный конечный результат сокращается до нескольких, из которых выбирается подходящий, самый оптимальный вариант.

Весь комплекс ТРИЗ – объективность законов, подтверждаемых огромным числом реально существующих примеров, четкая логическая последовательность алгоритма, обеспечивающая организованность мышления, необходимую для решения задач, – это инструмент формирования управляемого творческого мышления, с успехом применяемый для подготовки специалистов во всех сферах деятельности.

Результат анализа применяемых методов технического творчества показывает, что эволюция методологии, достигнув

этапа применения алгоритмических методов, идет в направлении роста таких параметров, как осознанность выполняемых операций, управляемость ими, стремление к получению заведомо сильных решений, перенос приемов решения одних задач на задачи другого типа.

Еще одним закономерным этапом развития средств, увеличивающих разнообразие генерируемых идей, является осознание и использование психологических механизмов генерации идей. Важно учитывать и то, что методы поиска – это не только средства решения проблем, но и эффективные инструменты. В своем большинстве они представляют программы, организующие выполнение решающим задачу определенных действий. Выбор метода должен быть связан и с личностью решающего задачу.

Следует заметить, что ТРИЗ не учитывает индивидуально-психологические особенности личности и является эффективным инструментом для людей с логическим типом мышления. На каждом шаге алгоритма необходимы те или иные сильные качества личности: логика или интуиция. Чаще всего такое сочетание качеств наблюдается не в одном человеке, а в разных людях.

Поэтому ТРИЗ может быть эффективна, если в процессе её использования для решения проблемы на определенном её этапе привлекаются различные люди, с различной степенью сформированности и развитости определенных функций.

Многие исследователи рекомендуют учитывать и индивидуальные особенности того, кто решает проблему. Для повышения эффективности их использования, можно разделить исследователей на 4 группы в зависимости от типа мышления и прогнозировать их исследовательскую активность [16]:

1) группа с преобладающим интуитивным стилем мышления эффективно может использовать: мозговой штурм, синектику, метод записной книжки Хефеле, интегральный метод «Метра»;

2) группа с логическим стилем мышления, для неё наиболее приемлемы метод Бартини, алгоритм решения изобретательских задач, метод Мэтчетта;

3) группа с преобладающим стратегическим стилем мышления предпочитает работать с такими методами как метод контрольных вопросов, метод Коллера, морфологический ящик;

4) группа с преобладающим эмоциональным стилем мышления предпочитает использовать такие методы творчества как метод фокальных объектов, метод гирлянд и ассоциаций, метод маленьких человечков.

Необходимо учитывать возможные типы взаимоотношений между членами исследовательской, творческой команды. Каждый метод творчества эффективно работает в руках того, кто его разработал, в руках тех, кто его понял и принял, для кого этот метод ближе. Очевидно, что ясен и понятен этот конкретный метод тому, чей стиль мышления соответствует стилю мышления, заложенному в основу этого метода.

Творческий процесс имеет определенную структуру, требующую определенной активности мышления на каждом этапе. Каждый метод творчества является эффективным инструментом решения творческих задач для учащихся с определенным типом мышления.

Каждый метод имеет свой особый смысл и позволяет эффективно работать только в определенной области, с определенным классом задач. Абсолютизация того или иного метода может привести лишь к узости понимания, шаблонности мышления. Следовательно, выбор метода для практической работы должен проводиться с учетом особенностей задачи и индивидуальных особенностей личности, решающей эту задачу.

Таким образом, прогнозирование в образовании является важным аспектом во всей системе обучения, на различных её этапах. Формирование позитивного прогностического мышления, умения прогнозировать объективно и обосновано являются важными задачами на современном этапе развития образования. Низкий уровень прогностического мышления негативно влияет, мешает определению перспективных направлений исследований, выработке объективно обоснованных управленческих решений. Ускоренный темп жизни стремительно приближает будущее, поэтому необходимо уже сейчас объективно определять,

предвидеть отдаленное будущее. Главным педагогическим условием прогнозирования творческой активности личности будет возможность учитывать индивидуальные психологические особенности личности исследователя.

Прогнозирование является важной составляющей педагогических исследований. Проблема состоит в том, что этому элементу научных исследований в педагогике уделяется недостаточное внимание по различным причинам. Выдвигаемая в работе исследователя гипотеза и выводы по результатам эксперимента позволяют прогнозировать достоверность гипотезы и эффективность использования полученных результатов эксперимента.

Однако часто отсутствует анализ тенденций развития всей системы образования, вариантов изменения педагогических условий, уровня подготовки учеников, их физического состояния, умственных способностей, социальных изменений в обществе. Это приводит к снижению эффективности использования полученных результатов эксперимента, выводов и рекомендаций, полученных в исследовании.

В истории педагогики нет системного анализа методов и приемов педагогического прогнозирования. Прогностика, предвидение, исследование будущего были и остаются закрытой, мало исследованной, в большей степени интуитивной областью педагогической науки. Проведенное нами исследование подтверждает, что около 40% респондентов (из 2338 опрошенных) доверяют интуитивному прогнозу.

Система образования в своем классическом варианте направлена на передачу накопленного опыта предыдущих поколений своим молодым последователям. Что естественно и необходимо. Однако в современных стремительно меняющихся условиях этого уже не достаточно. Проблема заключается в том, что жизнь ставит новые сложные задачи, их решение формируется уже на основе новых методов и приемов. Стереотипность мышления, в основе которого лежит опыт прошлых поколений, уже дает сбой. Для выявления и решения новых проблем необходимы другие методы, приемы, алгоритмы, технологии.

Основной аспект внимания педагога в процессе обучения перемещается из области «вкладывания» информации, прошлого опыта, в область формирования и развития стиля мышления, позволяющего выявлять и решать проблемы еще до момента их появления, управлять предстоящими процессами. Без понимания процессов будущего, без исследования будущего, без возможности заглянуть далеко вперед сложно управлять ситуацией в стремительном движении. Необходимо расширять прогнозные горизонты, тогда будет больше времени на выявление наиболее вероятных проблем, новых возможностей, методов и приемов упреждающих действий для достижения необходимых целей.

Новой парадигмой образования должна стать система формирования и развития умения мыслить, анализировать, прогнозировать. Творческое, прогностическое мышление даст возможность ученику решать новые задачи новыми приемами и методами, которые он должен найти сам. Для этого учитель должен научить своего ученика выявлять и использовать новые технологии, находить новые задачи и способы их решения.

В современном обществе существенно возросли скорости протекания различных процессов, увеличилась интенсивность деятельности, размеренный, неспешный ритм жизни остался в прошлом.

Основные проблемы формирования прогностического мышления, по нашему мнению, могут быть следующие:

- наступивший в 90-х годах период перемен внес нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне;
- нет идеологической направленности развития общества;
- низкий уровень прогностической культуры в обществе, увлечение мистическими технологиями;
- отсутствие достоверных, отработанных, научно-обоснованных методов и приемов прогнозирования;
- отсутствие в системе образования традиции формирования и развития прогностического мышления;
- низкий уровень прогностической культуры учителей школ;
- отсутствие мотивации в системе образования на ликвидацию прогностической безграмотности населения;

- позиция «маленького человека», неверие в способность повлиять на ситуацию;
- преобладание в обществе установки не задумываться о будущем, «жить одним днем».

5.2. Прогностический потенциал истории в формировании прогностического мышления

Освоить накопленный багаж знаний необходимо для того, чтобы уверенно смотреть в будущее, принимать обоснованные решения, понимать, к каким последствиям может привести их реализация. В современном обществе возрастает интенсивность и скорость реализации принимаемых решений, поэтому важно быстро определять последствия, выявлять возможные проблемы при движении в выбранном направлении. Сверхзвуковые скорости из области авиации уверенно шагают во все сферы нашей жизни, и достигнуть поставленной цели без катастрофических последствий возможно лишь с надежной системой управления. Управление такой сложной системой уже трудно реализовать без опережающего восприятия информации, без упреждающих управляющих действий. Необходимо «видеть» далеко, чтобы эффективно управлять, чтобы обеспечить безопасное будущее. Нужно шире распахнуть двери в будущее.

По признанию самих историков многие исторические события носят предположительный характер, нет достоверной реконструкции исторических событий, нет объективной информации, многие факты искажены в угоду тому, или иному правилу.

Трудно уйти от субъективизма, однако, в изучении истории мы стремимся к достоверности, анализируем, сопоставляем, отбрасываем ложную информацию, разрабатываем новые методы анализа, выдвигаем и проверяем различные гипотезы.

Многие историки занимаются прошлым, потому что не понимают, как можно заниматься будущим, изучением того, что еще не произошло.

Нами выделяются семь основных позиций, в том числе и ученых историков, в отношении к будущему:

- все будет так, как есть, мало что изменится;
- все предопределено заранее, и мы бессильны что-то изменить;
- если все знать о будущем, будет неинтересно жить, ничего менять не будем;
- нет возможности, нет методов объективного прогнозирования будущего, многое хотелось бы изменить, но неизвестно как это сделать;
- пусть будущее изучают специалисты, политические лидеры, они мудрее, прозорливее, им виднее;
- мы можем прогнозировать, формировать свое будущее, управлять предстоящими событиями, сделать будущее безопасным;
- можно все изменить в своем будущем, будущее зависит только от нас самих.

Будущее так же туманно, как и прошлое, однако, это не повод отказаться от его изучения. Доля истины есть в каждой позиции и при детальном рассмотрении мы это отметим.

Как и во многих других вопросах, нет единого мнения, существенные позиции занимают крайние взгляды на проблематику восприятия будущего. Все останется по-прежнему, или мы все изменим. Утопичность таких взглядов очевидна, однако, они существуют и оказывают свое негативное влияние на процессы объективного восприятия будущего.

В пользу первой позиции следует отметить, что большинство процессов остаются неизменными на протяжении длительного периода времени. Многие поколения оставались в практически неизменных условиях. Для них такое отношение к будущему будет вполне оправдано и справедливо. В настоящее время существенно увеличилась скорость протекания многих жизненно важных процессов. Если раньше одна профессия передавалась из поколения в поколение, то сейчас человеку приходится осваивать несколько профессий за время своей трудовой деятельности. Появилось новое понятие – обучение в течение всей жизни. Для успешной карьеры уже становится недостаточно одного высшего образования. Человечество подошло к тако-

му рубежу, когда процессы жизнедеятельности человека становятся сопоставимы с возможными природными катаклизмами, которые могут привести к гибели всего человечества. Однако, многие продолжают думать и жить так, как будто ничего не происходит, никаких изменений не будет, вулкан не проснется еще сотни лет, засухи, наводнения, пожара, землетрясения не будет.

Вторая позиция мешает прогнозировать, думать о будущем потому, что мы не сможем изменить возможную ситуацию, на которую оказывает влияние множество факторов, действующих по недоступным нашему пониманию законам. Оптимальным в этом случае является восприятие жизни такой, какая она есть: наслаждаться тем, что имеется, и не страдать о том, чего достичь не возможно. Иллюзорность недоступности мешает проявлению прогностической активности, проведению исследований по определению методов и приемов позволяющих расширить возможности предвидения предстоящих событий.

Третья позиция сохраняет низкий уровень прогностического мышления тем, что формирует ложную мотивацию к приятным сюрпризам, неожиданностям, которые преподносит нам жизнь. В этом случае неожиданными могут быть и негативные, пугающие события, к которым мы можем быть не готовы. Зачем героически преодолевать трудности, решать свалившиеся на нас проблемы, если их можно было бы избежать, не допустить.

Четвертая позиция уже дает повод задуматься о том, какие методы и приёмы можно было бы найти, разработать для расширения прогнозных горизонтов. Однако, многие, согласившись с тем, что прогнозировать невозможно, и не развивают свои прогностические возможности, вливаются в ряды тех, кто разделяет вторую или третью позицию. Уровень прогностического мышления остается и в этой группе на предельно низком уровне. Одного желания изменить ситуацию бывает недостаточно.

Пятая позиция допускает возможность выявления, разработки методов и приемов, которые позволят расширить наши прогнозныe горизонты, увидеть перспективы, предвидеть пози-

тивные и негативные события будущего. Однако, процесс прогнозирования настолько сложен, что этим пусть занимаются другие. Тот, кто идет впереди, лучше сможет понять куда, зачем и к чему мы придем. В процессе воспитания и обучения родители, учителя, преподаватели, а в процессе трудовой деятельности руководители подсказывают нам, что нас ждет впереди, к чему нужно подготовиться, что необходимо предпринять, чтобы избежать нежелательных последствий. Так может быть и не нужно формировать и развивать умение прогнозировать? Может быть, необходимо научить прогнозировать некоторых людей (учителя, руководителя, пророка, ясновидящего), а все остальные будут узнавать у них обо всех событиях в своей жизни, как мы узнаем прогноз погоды?

Специализация в промышленности в свое время позволила повысить производительность труда, вероятно нужны и специалисты, профессионально занимающиеся прогнозами. Однако, без элементарных навыков предвидения, прогностического мышления на бытовом уровне сложно ориентироваться в нашей жизни. Нет необходимости готовить из всех учащихся выдающихся математиков или историков, тем не менее, мы изучаем эти предметы в школе, углубляем свои знания в институте. А почему нет уроков прогнозирования? Неужели рядом с нами всегда будут родители, руководители, которые всегда подскажут в точке выбора по какому пути пойти, какой выбор сделать, какое решение принесет успех?

Наши исследования позволяют утверждать, что уровень прогностического мышления у старшеклассников, студентов находится на очень низком уровне. Из всех известных прогнозов более 82% опрошенных (376 молодых людей в возрасте от 16 до 23 лет) на первое место ставят астрологические прогнозы, и прогнозный горизонт у 75% респондентов составляет срок до 1 года. Анализ ответов учителей школ на подобные вопросы показывает, что их прогностическое мышление слабо отличается от учеников. Это следствие того, что в процессе воспитания и обучения мало внимания уделяется формированию и развитию

навыка, способности ориентироваться в предстоящих событиях, прогнозировать будущее.

Историческая наука вместе с информацией о великих открытиях и победах полководцев укрепляет веру в лидера, который приведет нас в светлое будущее. Предсказания пророков, провидцев часто преподносятся, как великие откровения, как сверхвозможности человека, божий дар. Из множества предсказаний всегда можно выбрать достаточное количество объективно сбывшихся событий или необходимым образом интерпретировать туманные предсказания. Естественное соотношение предсказанных и сбывшихся событий 50/50. Однако, если обращать внимание только на реализовавшиеся события, то создается иллюзия высокой достоверности предсказаний. Кроме того, есть группа предсказаний, которую можно определить как само-реализующиеся прогнозы. Например, вероятность того, что вы будете осознанно или на подсознательном уровне задумываться о поставленных нами вопросах, очень высока. Поэтому можно с высокой степенью достоверности прогнозировать, что получившие эту информацию люди будут задумываться над этими проблемами, искать способы сделать свое будущее безопасным и счастливым.

Отсутствие веры в свои силы прибавляет силы противнику, тем, кто стремится управлять вами. Низкий уровень прогностического мышления граждан дает возможность мошенникам разного рода и уровня манипулировать сознанием. Пока на выборах чаще побеждает тот, кто предлагает реализовать заманчивые цели, дает красивые обещания, без тщательной прогноз-ной их проработки. Действительно демократическое общество возможно лишь при высоком уровне гражданской ответственности, объективности, прогностической грамотности, понимании возможных последствий принимаемых решений.

Шестая позиция, где присутствует высокая уверенность в способности управлять своим будущим, является мотивацией к формированию и развитию прогностического мышления, объективности и обоснованности принимаемых решений на любом уровне. Понимание важности прогностической культуры вызы-

вает необходимость в поиске оптимальных методов и приемов прогнозирования, повышении их достоверности, повышении уровня реализуемости. Конечно, специальные исследования, определенная специализация в сфере прогнозирования возможны и необходимы. Основные усилия специалистов должны быть направлены на выявление и разработку методологии прогнозирования, эффективных и достоверных методов прогнозирования, с помощью которых каждый образованный человек мог бы предвидеть последствия принимаемых решений, реалистичность тех обещаний, которые декларирует претендент на ту или иную должность, место в структуре выборных органов управления.

Седьмая позиция несет в себе большой позитивный заряд, мотивирует к изучению вопросов связанных с восприятием будущего, с формированием и развитием прогностического мышления. Утопичность этой позиции вносит определенные погрешности, которые мешают объективно воспринимать позитивную часть.

В процессе изучения истории, определенных демократических традиций встречается не мало примеров принятия объективных и обоснованных решений, воплощение которых давало положительные результаты, позволяло сделать серьезный шаг в развитии, в понимании будущих процессов. Есть и негативные примеры, которые существенно замедляли развитие или даже отбрасывали назад в прошлое целые народы.

Как прогнозировался результат, какие методы и приемы использовались, какие оказались более эффективными в тех или иных условиях? Как эти способы, методы, приемы прогнозирования можно использовать, адаптировать к современным условиям? Поиск ответов на такие и подобные вопросы в исторической информации будут оказывать огромную помощь в формировании и развитии прогностического мышления, прогностической культуры. Эффективной будет уже сама постановка подобных вопросов. Аргументированные обоснованные ответы на них приведут к отказу от использования мистических, недостоверных приемов восприятия будущего.

В формирование определенного уровня прогностического мышления свой весомый вклад (позитивный или негативный) вносит и семья, с её традициями, стереотипами поведения. Семья формирует начальные представления о том, как «держаться в обществе», определяется положение, которое нам отводится, закладываются основы успеха личности, выстраивается восприятие окружающих, усваиваются основные правила поведения человека в обществе [17, с.162].

Жизненный опыт родителей ставит их перед выбором, на развитие каких качеств ориентироваться при воспитании детей, потому что «хорошему человеку» - честному и гуманному в условиях переходного периода выжить труднее, а против воспитания жесткого корыстного прагматика протестует нормальный родительский инстинкт» [18, с.102].

Основу культуры семьи составляют: стереотипы родительского поведения; семейные легенды и романы; традиции и обычаи; семейные заповеди и ценности, нормы и правила [19, с.268].

Понятно стремление, желание родителей уберечь своего ребенка от тех ошибок, которые они сами совершали, развить те качества, которые не удалось развить у себя, добиться тех результатов, которые не удалось достичь самому. Процесс воспитания в семье по энергоемкости занимает первое место, а по сиюминутным результатам – последнее. Воспитание – это сложный процесс, это специфический проект с не предсказуемыми результатами и не гарантированной прибылью. Будет ли принят такой проект? Можно хорошо воспитывать своих детей, помогать или нет в трудные минуты их жизни, но жить они будут сами, совершать свои ошибки, покорять свои вершины.

По мнению А.Менегетти, дети начинают представлять открытую опасность для взрослых. Возможно, это один из факторов, который отбивает у современной молодежи желание обзаводиться потомством. Сегодня большое количество законов потворствует детям [20, с.146]. Какими будут последствия таких законодательных актов? А.Менегетти отмечает также, что ребенок «программируется», «подгоняется» под определенный стиль

жизни и её видения, под стереотипы родительского поведения, под определенное состояние сознания, стиль мышления. Стереотипы – один из основных факторов, формирующих культуру семьи и личность ребенка. Информация доступная ребенку, ограничивается сформировавшейся в семье культурой, стереотипами. Судьба ребенка во многом определяется семейными установками, традициями, стереотипами, поэтому изучение и понимание их позволит прогнозировать успехи и достижения ребенка, аналогично тому, как по фундаменту дома можно предположить, каким будет построен дом.

Н.А.Цветкова отмечает: «...наше подсознание помнит переломные моменты в жизни предков и планомерно, в точном соответствии с временной шкалой врезаясь из прошлого в ваше настоящее, усложняет движение по выбранному нами лично пути» [21, с.51].

Многие стереотипы, традиции дают свой позитивный заряд, позитивное направление движения, понимание конечного результата. Однако, слепое следование историческому опыту, традициям, излишний консерватизм, без учета современных условий могут стать серьезным препятствием на пути понимания будущего. Иногда богатый жизненный опыт мешает принять обоснованное решение, тем более, если сроки принятия решения ограничены. Более 90% испытуемых не могут правильно ответить на простой вопрос, если имеют опыт решения близких по содержанию задач из другой области. Если ставится вопрос: «Сколько будет два в квадрате? ... три в квадрате? ... четыре в квадрате? (5, 6 и достаточно), – ответы звучат быстро и правильно. Когда в этой череде вопросов звучит: «Сколько будет угол в квадрате?», - то наступает длительная пауза, пока не наступит момент понимания, что это уже геометрия, и угол в квадрате равен 90°. Конечно, можно спорить о корректности формулировок, но это для тех, кто любит сам процесс спора. Правильно сформулированный вопрос содержит в себе уже часть ответа, но вопрос необходимо еще сформулировать [26]. А вы умеете задавать вопросы, как их умеют задавать наши дети?

В диалоге с исследователями истории нам бы хотелось выяснить ряд вопросов: Какие технологии прогнозирования проверенные временем мы знаем и можем использовать сейчас? Какие прогностические технологии прошлого в современных условиях использовать не возможно? Каковы проблемы адаптации методов прогнозирования прошлого к современным условиям?

Таким образом, роль истории в жизни человека очень важна, и главная её прогностическая функция позволяет с уверенностью смотреть в будущее, видеть реальные пути движения к выбранной цели, понимать последствия принимаемых решений, формировать и развивать прогностическое мышление, культуру восприятия будущего. Известную фразу о необходимости смотреть в будущее через призму прошлого, на наш взгляд необходимо сформулировать несколько иначе: «Смотреть в прошлое через призму будущего». Так будет меньше погрешностей в восприятии будущего.

5.3. Прогностическая культура как ресурс личностного развития и профессионального самоопределения студентов

Прогнозирование или «исследование будущего – в отличие от гадания, предсказания, пророчества – это самое обычное научное исследование, проводимое по всем законам любого научного исследования, только направленное на изучение не прошлого или наблюдаемых процессов, явлений, а их перспектив» [22].

Педагогическое прогнозирование еще не стало насущной потребностью в системе образования, «прогнозирование в педагогической практике еще не заняло того места, которое ему отведено в процессе высококачественной работы, не стало обязательным моментом подготовки уроков» [23]. Однако многие ученые занимались и занимаются исследованием будущего: В.А.Базаров-Руднев, И.В.Бестужев-Лада, Б.С.Гершунский, Г.Кан, А.Тоффлер и другие [7, 16, 24, 25].

Существующие системы профессиональной ориентации старшеклассников и студентов в некоторых случаях оказываются малоэффективными. Область неработоспособности системы можно обозначить следующими проблемами:

- низкий уровень прогностической культуры в обществе;
- низкий уровень личной прогностической культуры учащихся;
- стихийное развитие промышленности, без долгосрочного прогноза потребности в специалистах;
- низкий уровень деятельности в области исследования будущего.

Рассмотрим обозначенные проблемы подробнее. Система образования по своей сути нацелена на подготовку будущего активного члена общества, однако, о самом будущем, о тех условиях, в которых ему придется жить и работать, с какими проблемами он столкнется, не знает и учитель. Как можно готовиться к тому, чего не знаешь? Возможно, поэтому слышны иногда фразы: «Забудьте все, чему вас учили в школе!», «Забудьте дедукцию, давайте продукцию!». Некоторые родители считают школу «камерой хранения» для детей, пока они на работе. Проблема еще и в том, что у родителей также низкий прогностический потенциал, их формировали другие времена. При такой системе взглядов родителей трудно ожидать, что в семейном воспитании будут сформированы прогностические способности.

Стереотипы в общественном мировоззрении сформированы в прошлом и ориентированы на проблемы сегодняшнего дня. Важнее «синица в руках, чем журавль в небе». Утопичность коммунистической идеологии, мощный идеологический пресс ушли в прошлое, а инерционность мышления, мировоззрения – остались, и еще долго будут сказываться. Пока еще многие из нас уверены в том, что о нашем «светлом» будущем, должен беспокоиться хороший руководитель, мудрый лидер, глава государства, а от нас мало что зависит. В наше стремительное время такое восприятие действительности неприемлемо, необходимо

видеть и готовиться к «летающим» на нас проблемам, и решать их должен и может каждый активный член общества.

Важную роль в современных условиях, в решении проблем исследования будущего играет система образования, оптимальные направления её модернизации. В настоящее время подготовка специалистов осуществляется по образовательным стандартам, в которых не дается прогнозная оценка перспектив развития, изменения требований к будущему специалисту. Необходимый специалист в настоящий момент, через 4-6 лет подготовки, может стать уже не востребованным, потому что произойдет, например, отмирание такой профессии, переориентация производства, модернизация оборудования, совершенствование технологии изготовления товара, переход на другой системный уровень. Наши исследования показывают, что через десять лет 30% специальностей будут не нужны. Необходимо будет осваивать новые специальности, получать второе высшее образование. Происходит своеобразная «девальвация» образования.

Образовательные стандарты не содержат требований по формированию прогностической компетентности студентов. Нами разработана магистерская программа, в которой предусмотрена дисциплина «Прогнозирование». Формирование и развитие прогностической культуры необходимо не только старшеклассникам и студентам, но и большинству учителей школ и преподавателей вузов. Низкий уровень прогностического мышления ведет к ориентации на проблемы настоящего времени.

Необходимо изучать не только историю, но и будущее, чтобы каждый мог видеть реальные перспективы, а не только то «светлое» будущее, которое ему обещает лидер, глава государства, учитель или родители. Стремление получить позитивные результаты и плоды нашей деятельности могут быть весьма далеки от поставленной цели, от реального развития событий.

Отсутствие прогностической культуры негативно проявляется на любом уровне и во всех сферах нашей жизни. Выбор цели, принятие решений, способы их реализации должны быть увязаны с возможными последствиями. Необходимо учитывать

и индивидуальные психологические особенности тех, кто эти цели ставит, принимает решения и действует.

Необходимы научные подходы в ликвидации прогностической безграмотности, в формировании и развитии прогностического мышления. Слепая вера в астрологические прогнозы мешает объективному восприятию настоящего и будущего. Интенсивность процессов в современном обществе существенно возросла. Для обеспечения безопасного существования необходимо предвидеть дальнейшее развитие событий. Формирование и развитие навыков исследования будущего, восприятие и понимание предстоящих изменений способствует объективному восприятию действительности, расширяет прогнозные горизонты.

Педагогическое прогнозирование может и должно стать важным элементом в объективном определении потенциальных способностей, формировании индивидуальной образовательной траектории, в построении стратегии профессиональной успешности. На этапе выбора старшеклассники не всегда объективно оценивают свои способности, определяют направление своего развития. Мнения значимых взрослых часто играют определяющую роль в выборе старшеклассником будущей профессии. Однако, опираясь на свой жизненный опыт, мы так же можем заблуждаться, потому что мы смотрим на мир своими глазами, со своим багажом знаний, исходим из условий, с которыми сталкивались сами. Наши дети будут решать другие задачи иными способами и в изменившихся условиях. Большинство родителей исходят из той ситуации, которая сложилась на момент выбора, перемен, по их мнению, уже не будет. Иллюзия объективной целеустремленности, отсутствие объективного восприятия будущего мешает эффективно двигаться к намеченной цели.

Низкий уровень личной прогностической культуры учащихся мешает ориентироваться в стремительном водовороте событий современности. Для эффективного личностного развития и профессионального самоопределения личности уже недостаточно овладеть накопленными человечеством знаниями, необходимо смотреть и видеть далеко в будущее. Необходимо

развивать мышление, учить думать, анализировать, выявлять проблемы, осваивать методы и приемы решения проблем, исследовать будущее, формировать и развивать навыки предвидения, предчувствия, прогнозирования вариантов развития ситуации. Методы и приемы исследования будущего позволят управлять будущими событиями, проектировать индивидуальную образовательную траекторию, строить свой жизненный путь наиболее оптимальным образом.

Научные кадры, молодые исследователи уже ориентированы на будущие открытия и достижения, поэтому в процессе их подготовки необходимо особое внимание обратить на развитие прогностического мышления, умения предвидеть, предчувствовать, выявлять возможные изменения, вероятные последствия реализации принимаемых решений.

Стереотипное, консервативное мышление преподавателя порой не дает возможности молодым исследователям проявить свои способности в полной мере, гасит творческую инициативу. Интуитивное мышление молодых ученых, «глупые» вопросы могут дать хорошие, весомые плоды, если от них не отмахиваются как от назойливых мух, если пытаются понять и выявить формирующуюся проблему.

Умение формулировать вопросы способствует выявлению актуальных проблем, помогает определить перспективные направления исследований. Ученик, который не задает вопросы, не понимает излагаемый учебный материал или потерял к нему интерес.

Своевременно поставленный вопрос дает возможность задуматься, собрать объективную информацию, определить направление исследования, думать о перспективах, о вариантах развития ситуации, расширять прогнозные горизонты. Ещё Со-крат использовал эффективный педагогический приём, он задавал своим ученикам вопросы, на которые иногда и сам не знал ответа. Если ученик сам находит ответ, то его самооценка возрастает, он уверенно берется за решение других проблем, его исследовательский энтузиазм растет.

Формирование прогностической культуры студентов – это основная задача преподавателя на современном этапе. Отсутствие прогностической культуры негативно проявляется на любом уровне и во всех сферах нашей жизни. Выбор цели, принятие решений, способы их реализации должны быть увязаны с возможными последствиями. Необходимо учитывать и индивидуальные психологические особенности тех, кто эти цели ставит, принимает решения и действует.

Необходимы научные подходы в ликвидации прогностической безграмотности, в формировании и развитии прогностического мышления. Слепая вера в астрологические прогнозы мешает объективному восприятию настоящего и будущего. В обычной жизни мы широко используем различные сигналы, приметы, которые помогают нам ориентироваться в будущих событиях, к чему-то подготовиться, что-то предпринять, на что-то обратить внимание. Человек внимательный, наблюдательный, воспринимающий подобного рода сигналы, как правило, принимает мудрые решения, добивается эффективных результатов.

Следующей важной проблемой является стихийное развитие промышленности, без долгосрочного прогноза потребности в специалистах. Советское плановое хозяйство, со своей системой распределения молодых специалистов выглядит в более выгодном свете по сравнению со сложившейся сейчас системой поиска работы выпускниками.

Исследования показывают, что около 80% выпускников элитных школ Москвы хотят уехать из России. Некоторые из них хотят эмигрировать на постоянное место жительства, другие желают уехать временно, например, для получения образования. При этом 90% родителей желание уехать поддерживают. Из выпускников тех же школ, которые окончили их в начале 2000-х годов, только 30% уехали из страны. Об этом свидетельствуют данные Московского городского психолого-педагогического университета.

«Мотивы, по которым хотят уехать молодые люди, очень разные. Чисто интуитивно большая часть желает уехать для того, чтобы получить не только высшее образование и изучить

язык, но и, возможно, остаться там, поскольку жизненные стандарты там выше, — объясняет российский историк философии, доктор философских наук Валерий Кувакин. — Там и обстановка более спокойная и преступности меньше. Какая-то часть может себе найти здесь работу, но ситуация в России не спокойная» [26].

Причин у этой тенденции несколько, считают авторы исследования. Это высокие материальные претензии выпускников, представления об упадочном состоянии российской промышленности, желание учиться у лучших преподавателей, глобализация и другие. Аналогичный опрос провела «Российская газета» среди родителей выпускников элитных школ. Оказалось, что только 9% родителей намерены дать ребенку высшее образование в России. 14% намерены отправить детей за границу на учебу, а 68% хотели бы, чтобы ребенок остался жить за рубежом.

Руководители предприятий не стремятся принимать молодых специалистов, заниматься их адаптацией на рабочем месте, обучением, повышением квалификации. Тратить средства на эти цели, по их мнению, это «деньги на ветер». В условиях, когда можно принять специалиста с опытом работы, молодой специалист всегда проигрывает. Многие предприятия не работают на далекую перспективу, их основная задача получить максимум прибыли сегодня. В таких условиях мало кто из предпринимателей будет вкладывать средства в обучение специалиста, который будет востребован через 5-10 лет. Необходимо формирование мотивации предпринимательской общественности к исследованию долгосрочной перспективы, с обеспечением стабильности в обществе, достоверности прогнозов. Обозначенные проблемы это лишь вершина айсберга. Выявление и решение важных, определяющих проблем будущего требует сосредоточения воли и усилий многих. Нельзя допустить смертельно опасной болезни, эпидемии, необходима хорошо продуманная, эффективная профилактическая работа.

Низкий уровень деятельности в области исследования будущего, отсутствие научно обоснованных технологий прогнозирования мешают объективному восприятию возможных сце-

нариев развития процессов, событий. Большинство принимаемых программ модернизации, реформ, принимаемых и реализующихся в нашей стране, направлены на решение проблем, сформировавшихся в прошлом. Проблемы решаются по мере их поступления. Однако, в современных условиях уже необходимо думать о проблемах, которые стремительно приближаются к нам из будущего. Наше будущее будет безопасным, если мы станем мудрее, научимся думать о возможных оптимальных путях устранения вероятных проблем.

Основные причины низкого уровня прогностического мышления, недостаточного исследования и понимания будущего: идеологическая инерционность и высокая скорость социально-экономических процессов при низкой скорости восприятия (понимания, анализа, принятия решения, управляющего действия).

Идеологическая инерционность проявляется в том, что слишком высоко доверие лидеру, он на «вершине» и видит дальше. «Партия наш рулевой», «вдохновитель и организатор всех наших побед», – все это последствия действия мощного идеологического пресса, где человек всего лишь маленький винтик. Основная задача этого «винтика» работать, а думать и определять, где и когда будет «светлое будущее», будет мудрый руководитель.

Возрастание скорости протекания процессов ($V_{пр}$), появление новых проблем приводят к запаздыванию принятия управляющих решений, снижению скорости эффективной реакции (V_p). При определенной скорости процесса наступает момент ($t_{кр}$), при котором мы уже не успеваем объективно воспринимать ситуацию ($V_{пр} > V_p$), находить оптимальное решение и осуществлять управляющие действия.

Достаточно много внимания уделяется изучению накопленных знаний, освоению опыта прошлых поколений, однако, более важным становится задача по формированию мышления, способного решать проблемы, с которыми еще не сталкивались, и нет опыта их решения. Отсутствие прогностической культуры негативно проявляется на любом уровне и во всех сферах нашей

жизни. Выбор цели, принятие решений должны быть увязаны с возможными последствиями.

Опирается на собственные силы, способности, личное здравомыслие в выборе своего будущего или полностью положиться на опыт и мудрость старшего поколения? Однозначного ответа (выбора) нет. Необходимо оптимально сочетать эти две противоположные позиции. Основной рекомендацией старшеклассникам и студентам на этапе самоопределения может быть: объективно разобраться в себе, своих желаниях, психологических способностях; понять в каких условиях придется строить свое будущее; учесть рекомендации мудрых представителей старшего поколения.

Специфика прогностической деятельности заключается в том, что результаты этой деятельности вызывают мало доверия. Если прогноз правильный, то можно предпринять упреждающие действия, которые отменят ранее сформулированный прогноз, существенно изменят ситуацию и развитие пойдет по другому сценарию, прогноз не сбудется. Иногда сам прогноз может стать «центром притяжения» и сформировать необходимые условия для его реализации. Множество факторов оказывают свое влияние на достоверность прогнозов, однако, и наши возможности по увеличению достоверности прогнозов растут. Примером может служить прогноз погоды, точность его в пределах 2-3 дней уже приближается к 100%.

Прогностическая культура является нашим мощным ресурсом, способным раскрыть нам возможные перспективы, приближающие проблемы, потенциалом, дающим нам возможность управлять предстоящими процессами, формировать необходимые условия достижения поставленных целей.

Решением обозначенных проблем может стать формирование и развитие прогностического мышления, как основного инструмента для исследования будущего, способного раскрыть новые перспективные возможности. Повышение прогностической культуры личности и в нашем обществе, объективное видение будущего будет способствовать решению многих наших проблем.

5.4. Структура системного прогнозирования эффективной деятельности

Анализ процесса поиска решений проблемы позволил нам выявить определенную последовательность в поиске оптимального решения проблемы [16]. Аналогичная последовательность наблюдается и в процессе прогнозирования педагогической ситуации, сценариев развития различных событий или объектов.

Многие открытия, изобретения, прогнозы делались и делаются вопреки нашему здравому смыслу. При этом упускается из поля зрения то, что здравомыслие у разных личностей может быть совсем другого вида. Различный стиль мышления формирует свою информационную базу (иное информационное поле), и использует специфические способы переработки информации, и, как следствие, результат будет различным.

Наши исследования по определению структуры прогнозирования педагогической ситуации, системности процесса прогнозирования учитывают типологию личности К.Г.Юнга, которая выделяет 4 шкалы: интуиция – сенсорика, рациональность – иррациональность, этика – логика, экстраверсия – интроверсия. [27, 28, 29]

Процесс прогнозирования может быть разделен на определенные этапы (шаги), на каждом из которых будут востребованы специфические способности личности, реализующей эту процедуру. Эффективность деятельности будет высокой при совпадении потребностей процесса и возможностей личности.

Если ваша жизненная стратегия определена и вы категоричны в своих суждениях, то наверняка вас ожидает какая-то ошибка. Если вы хорошо передвигаетесь в автомобиле по хорошему шоссе, то для эффективного движения по снегу, песку, мокрой грунтовой дороге нужны другие транспортные средства, с другими техническими характеристиками. Тем более, если мы хотим передвигаться по воде, под водой или в воздухе. Эта аналогия здравомыслия с транспортным средством позволяет понять то, что в процессе прогнозирования (в жизни, в поиске ре-

шений проблем), как и в пути важны и необходимы разные транспортные средства для движения к цели, различные стили здравомыслия.

Чем мы будем пользоваться в данный момент: автомобилем, самолетом или подводной лодкой (логическим, стратегическим, эмоциональным или интуитивным мышлением), зависит от того, какой класс задач перед нами стоит, в каких условиях мы находимся, какими ресурсами располагаем.

Стереотипное общественное мнение вполне справедливо соотносит здравомыслие с логическим мышлением. Окружающие нередко характеризуют людей с таким стилем мышления как педантичных, догматичных, придирчивых, неэмоциональных (живущих умом, а не сердцем), самоуверенных, создающих впечатление, что перед вами человек с заложенной в него компьютерной программой, где нет места страстям, каждый шаг должен вести к поставленной цели самым оптимальным образом. События интересуют таких людей как строго логический процесс, структурированность событий. Быстрота действия им менее свойственна, потому что необходимо время для продумывания, обоснования своих действий. Создается видимость их отстраненности, бездействия в кризисных ситуациях. Однако, когда кризис углубляется, способность такого руководителя справляться с этим явлением возрастает.

Руководитель с логическим стилем управления – приверженец системности, последовательности, обоснованности, наиболее эффективно, обоснованно может планировать предстоящую деятельность, вопреки часто складывающейся видимости безразличия к происходящему. Он учитывает максимально возможное количество факторов, влияющих на предстоящие события или процесс. Такие люди жестко придерживаются составленного ими плана и отстаивают его возможными способами, обосновывая и аргументируя свою позицию. Их речь лишена эмоциональной окраски, насыщена понятиями и соответствующей их сфере деятельности терминологии. Анализ речи, используемых слов, может рассматриваться как разновидность или как

дополнение к существующим способам диагностики стиля мышления и управления.

Прогностические возможности личности с преобладающим логическим стилем мышления лежат в области системного восприятия действительности и продлении (экстраполировании) действия процессов на будущий период. Основные методы прогнозирования: экстраполирование, статистические методы, логическое (математическое) моделирование.

Оказывается, что в определенных ситуациях, при решении некоторого класса задач наше незыблемое, монументальное логическое мышление дает сбой. Это происходит определенно потому, что есть еще здравомыслие интуитивное, дающее нам массу догадок, научных гипотез, часто опережающих время, может быть еще мало обоснованных.

Если у вас преобладает интуитивный стиль мышления, окружающие воспринимают вас как легкомысленного, непрактичного руководителя. Такой руководитель быстро перескакивает с одной деятельности на другую, у него постоянно возникают разные идеи, которые он сразу же пытается реализовать. Эффективность деятельности такого руководителя снижается за счет того, что он сам не пунктуален, неорганизован, со временем обращается свободно. Однако люди такого склада хорошо вдохновляют других видением будущего, это хорошие агитаторы. Если они умны и уравновешены, то достаточно верно предвидят будущее. Однако, как правило, не могут дать объективно обоснованного объяснения своему предвидению, чаще всего это яркое, иногда близкое к реальному, правдоподобное обоснование. Свои убеждения такие люди отстаивают с яркостью. Если интеллект такого руководителя не на высоте, он может сильно навредить окружающим. Чувства других людей, эмоциональная сфера, система взаимоотношений между людьми воспринимается таким руководителем слабо, это не его стихия. Лозунг такого руководителя: «Ты мне друг, но истина дороже». Истина, суть явления, процесса – будут приоритетными в деятельности руководителя с интуитивным стилем мышления. Все что ускоряет и изменяет жизнь, приветствуется им.

Есть здравомыслие стратегическое, позволяющее с учетом всех сложившихся обстоятельств, отбросить лишние сомнения и принять определенное решение и действовать, когда нужно оперативно выходить из сложной ситуации, а не мечтать и логически обосновывать самый оптимальный вариант, тем более, если существует несколько равнозначных.

Стратегический стиль мышления – это, прежде всего действие, а не теоретические рассуждения или логико-структурные обоснования. Руководитель такого типа воспринимает и не примешивает к нему свой прошлый опыт или проблемы будущих периодов. Для таких людей конкретность предмета самое важное, они не вникают в то, как событие возникло, важно, что оно существует в данный момент.

Стратегический стиль управления позволяет хорошо справляться с неожиданностями, кризисными ситуациями. Главный их принцип – действие, наиболее эффективное в сложившихся обстоятельствах, с учетом конкретной ситуации. Они не боятся брать ответственность на себя, проявляют лидерские черты, часто берут на себя командование. Подчинить, заставить подчиненных или окружающих выполнять необходимые действия, а не рассуждать, когда нужно действовать. Это можно будет сделать после выхода из кризисной ситуации и лучше, если этим будет заниматься кто-то другой. Вся их активность направлена, как правило, на решение актуальных общезначимых проблем, достижение общественных целей настоящего времени или ближайшего будущего. Эмоциональный напор, убежденность, целеустремленность позволяют им часто выходить из сложных ситуаций с минимальными затратами. Недостаточная продуманность предстоящих событий, суетливость, логическая необоснованность действий являются иногда причинами создания неурядиц и проблем по их вине.

Здравомыслие эмоциональное позволяет нам не просто существовать, а получать удовольствие, наслаждаться жизнью, любить себя и других.

Эмоциональный стиль мышления – это система взаимоотношений между людьми, чувства, эмоции, интриги. Это люди

в меньшей степени ведущие, больше ведомые другими значимыми людьми, обстоятельствами, своими чувствами. Ориентируются прежде всего на прошлое и в новой обстановке чувствуют себя не совсем уверенно. Стараются избежать действий и решений, которые могут порвать связь с прошлым. Для них характерна приверженность традициям и устоям, шаблонность, стереотипность, консервативность мышления и действия. Они оценивают события главным образом по результатам – для них только те события значимы, которые оставляют яркий след в памяти. Руководитель с эмоциональным стилем мышления с трудом меняет свое мнение о человеке. Психологический климат в коллективе, система взаимоотношений между людьми, а не логическое обоснование эффективной деятельности в будущем имеет первостепенное значение для такого руководителя. Перспективное планирование это не их конек. Чувства, эмоции, слухи, страсти, интриги – это их стихия. Интриги создают и разрушают империи, это мощное оружие в их руках. Умение понять другого человека, позволяет им эффективно использовать эмоциональную мотивацию, манипулировать чувствами других людей, настраивать каждого сотрудника на эффективную деятельность в благоприятной психологической атмосфере. Эмоциональный стиль мышления позволяет прогнозировать поведение других людей, эмоциональную составляющую взаимоотношений.

Таким образом, здравомыслие должно быть определено для повышения эффективности коммуникации в процессе совместной деятельности. Наши исследования показывают, что потенциальные возможности эффективной прогностической деятельности будут наиболее высокими у личности с интуитивным, затем с логическим и далее стратегическим и эмоциональным стилем мышления. Преобладающий в школьной, учительской среде эмоциональный стиль мышления не способствует формированию прогностического мышления учащихся в самый оптимальный период их обучения, что не позволяет в будущем эффективно реализовывать имеющиеся потенциальные прогностические возможности.

Совершенствуя мыслительный аппарат, важно помнить, что он включает в себя две составляющие: сознательную и бессознательную. В отдельных случаях даже без учета того, какой тип здравомыслия имеется в виду, справедливо выражение А.Энштейна: «Если не грешить против здравого смысла, нельзя вообще ни к чему прийти». Различные позиции в научных (да и в обыденных) спорах определяются стилем мышления, типом здравомыслия тех, кто отстаивает собственное мнение, позицию, гипотезу.

Понимание и восприятие различных стилей мышления, типа здравомыслия позволяет эффективно использовать потенциальные возможности каждой личности на определенном этапе (уровне) прогнозирования.

Выявленная нами последовательность действий в процессе поиска решения проблемы и в процессе прогнозирования может быть разделена на 4 этапа, которые условно можно назвать: магия, логика, вера и культура

Почти все выдающиеся открытия человечества начинались с интуитивного предчувствия направления поиска (магия, подсознательное идеальное начало). Затем уже учитываются конкретные условия, планируется эксперимент, учитываются объективные причины, конкретные факты (логика, осознанное материальное продолжение). Далее происходит убеждение себя и окружающих в правоте своих идей, планов, действий (вера, подсознательное субъективно-идеальное). На следующем этапе субъективные причины получают объективную реализацию, плоды творчества одного человека или небольшой группы людей становятся достоянием других людей, достоянием культуры (культура, осознанное, объективное, материальное воплощение).

Процесс прогнозирования носит непрерывный, взаимосвязанный характер. Постоянно идет влияние, активное воздействие одного этапа на другой. Каждый этап является важным элементом и его отсутствие не способствует системности, объективности и достоверности результата процесса прогнозирования. Структура процесса прогнозирования педагогической ситуации отражена на рис. 1. Предлагаемая структура обеспечивает

всесторонний подход к такому сложному процессу как процесс прогнозирования. Такая технология может быть использована и в других сферах (областях) прогнозирования. Разработанная структура рассчитана, прежде всего, на сформированную соответствующим образом команду, подобно методу «мозговой штурм», однако, возможна и индивидуальная работа – индивидуальный «мозговой штурм».

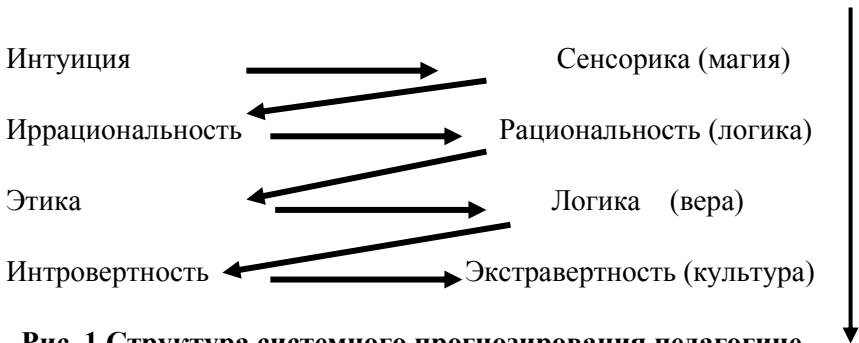

Рис. 1 Структура системного прогнозирования педагогической ситуации

Началом этого процесса следует считать интуитивное предвидение, понимание проблемы и хода её развития. За редким исключением, все великие открытия в науке были сделаны интуитивно, в результате мысленных экспериментов. Интуитивность проявляется уже на этапе формирования проблемы. Проблема формируется и развивается объективно, независимо от конкретного человека, который предчувствует возможное направление поиска решения стоящей перед ним проблемы и тогда начинается сбор объективной информации о проблеме. То есть первичным шагом является интуиция. Часто в начале высказывается возможный вариант решения, затем происходит теоретическое обоснование, опирающееся на конкретные факты и аргументы. Интуитивное предвидение – это подсознательный процесс, учитывающий еще мало проявившиеся тенденции, не прошедшие еще этап осознания и объективного восприятия

нашим сознанием и социумом, поэтому результат носит магический оттенок.

На этом этапе потенциальные возможности будут выше у личности с интуитивным стилем мышления и существенным дополнением (продолжением, развитием) будет процесс сбора объективной информации доступной (известной обществу) в настоящее время, имеющей отношение к интуитивному предвидению. В этой связке хорошо работают личности с интуитивным и стратегическим мышлением. Сбор информации является эффективным приемом в деятельности сенсорики, у которых формируется четкое представление о состоянии проблемы в настоящий момент. Учет огромного количества конкретных аргументов и фактов дает сенсорикам возможность взглянуть системно, проанализировать, просчитать, а иногда прочувствовать проблему.

У личности с преобладающей интуицией процесс интуитивного предвидения будет эффективным, когда исследуется проблема с учетом малозначимых, второстепенных аргументов и фактов, когда формируются направления или осуществляется выбор объекта прогнозирования. Подсознание выступает на первый план. Выбор направления поиска происходит неосознанно, а с учетом еще только появляющихся признаков и тенденций. Диапазон восприятия большинства людей, живущих «сегодняшним днем» (сенсорики) такие тенденции еще не фиксирует и не включает в поле своего внимания. Процессы развития, совершенствования общества требуют иногда определенного интуитивного прорыва, а для этого необходимы качества интуитивной личности. Выработать альтернативные варианты. Составить список вариантов. Включить свое воображение, фантазию.

В аналогичной модели эффективного подхода к решению проблемы, предлагаемой П.Д.Тигер и Б.Бэррон-Тигер [28], первичным является сенсорика. Очевидно для человека с преобладающим стратегическим стилем мышления более важным, значимым, привычным будет первичная сенсорика. Выяснить, в чем проблема. Собрать все факты вплоть до мелких подробностей и деталей. Реально смотреть на вещи. Для специфической интуи-

ции сенсорики должно быть объективное, осознанное основание. Специфика такой интуиции заключается в том, что предвидение основывается на реальных фактах, происходит проектирование (экстраполяция) действительности на ближайшее будущее без существенных изменений.

Следующий этап: связка иррациональность – рациональность, можно обозначить как хаотичность – плановость. С одной стороны происходит произвольное выделение отдельных моментов (проявление иррациональности), их глубокая проработка, выявление всех нюансов. С другой стороны комплексная, последовательная проработка, систематизация всех возможных элементов, классификация и планирование, то есть проявляется рациональный стиль. На этом этапе максимально должна проявиться логика рассуждений, выражением которой должен стать стратегический план дальнейших действий по реализации процесса прогнозирования в полном (комплексном, системном) объеме. Составить план по пунктам для каждого варианта. Выписать возможные последствия каждого варианта.

На третьем этапе основное внимание уделяется эмоциональной составляющей процесса. Важно прочувствовать значимость всех направлений прогнозирования, всех главных и второстепенных направлений, значимость их для социума, конкретного человека и для себя. Предусмотреть последствия каждого сценария для себя и других. Сопоставить все это со своими ценностями. Уметь поставить себя на место других. Понять и поверить в возможность решения поставленной задачи. Проникнуться логикой процесса прогнозирования, понять, принять и поверить. Вера в возможность реализации должна основываться с учетом всего эмоционального спектра от чувств (страстной увлеченности) до логики (с холодным сердцем).

Завершающим этапом является этап, который условно назван нами – культура. На этом этапе определяющими являются функции интроверсии и экстраверсии. Весь ход процесса прогнозирования проходит процедуру всестороннего внутреннего анализа – функция интроверсии. Далее осуществляется подготовка полученных результатов к общественной огласке (экстра-

версия), к критике специалистов. Результат всего процесса прогнозирования становится достоянием культуры.

Если преобразовать (развернуть) эту структуру, эту схему, сохраняя выявленную последовательность и учитывая цикличность процесса и наличие четырех шкал, то можно получить аналогичную схему в виде окружности, циклограммы. Каждая из четырех шкал проходит через общий центр (см. Рис.2).

Как правило, творческий процесс начинается с интуитивного (N) осмысления проблемы, далее сенсорики (S), когда учитываются конкретные аргументы и факты сегодняшнего дня и все, что может произойти с учетом этих аргументов и фактов. Следующий шаг будет иррациональным (P) – хаотичный или произвольный сбор информации о проблеме и возможных решениях этой проблемы, далее – рациональность (J) – планирование возможных путей реализации анализируемых вариантов решений. Пятый шаг – этика (F) – учет «человеческого фактора». Далее идет логический (T) анализ появившихся на предыдущих этапах новых решений, выбор оптимального решения в существующих условиях. Затем процесс внутреннего осмысления всего процесса и полученного результата – интровертность (I), который может завершаться процессом активного коллективного обсуждения – экстраверсия (E).

Затем процесс переходит в новый восьмишаговый цикл. Возможны переходы и в других направлениях, но наш опыт работы говорит о том, что наиболее вероятной последовательностью рассуждений будет выше изложенная очередность. Другая последовательность, вызванная изменением местоположения психологической характеристики на оси, разительных изменений в процесс поиска решения проблемы не принесет. Определяющим и существенным является необходимость пройти все восемь шагов. Это позволит выявить весь спектр возможных сценариев, провести всесторонний анализ наиболее вероятного развития событий в будущем.

Четыре этапа, которые проходит процесс прогнозирования, относятся к самому процессу, а характеристики (способности или возможности по тем же четырем шкалам) каждого чело-

века, участвующего в процессе, не всегда соответствуют тому этапу, который необходим для эффективной деятельности, и далеки от максимальных (или необходимых) значений на каждом этапе. У отдельного человека обычно по каждой шкале преобладает одна из характеристик. Например, у какого-либо человека чем выше интуиция, тем может быть ниже сенсорика, аналогично и по другим психологическим характеристикам.

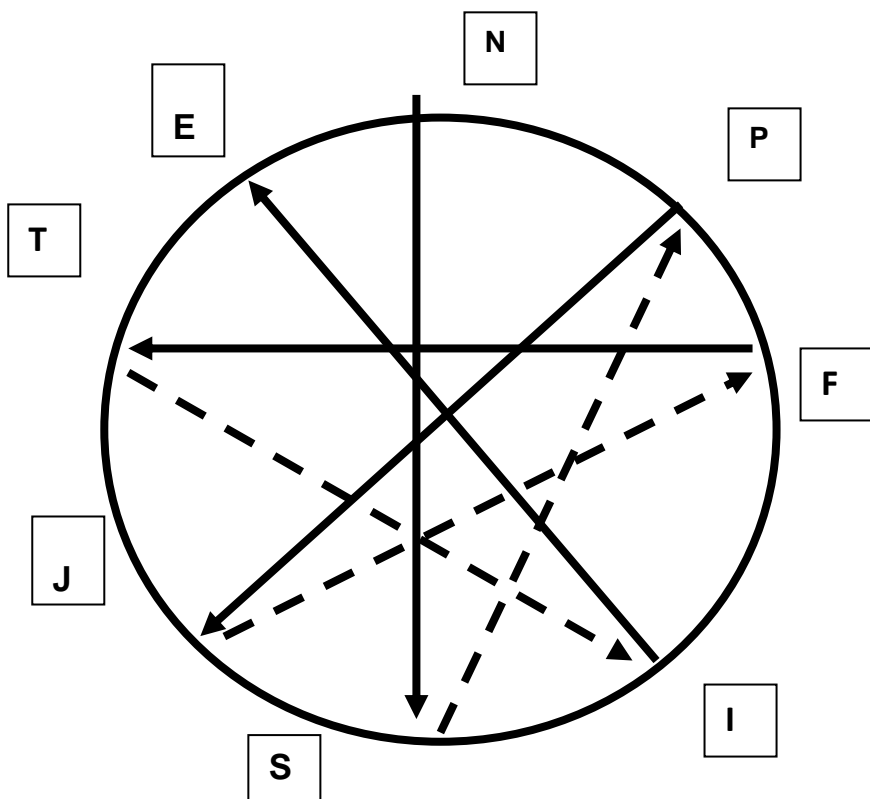

Рис. 2 Циклограмма системного прогнозирования педагогической ситуации

Зная психологические особенности конкретного человека, его характеристику по каждой конкретной шкале, можно го-

ворить о том, на каком этапе творческой деятельности он будет наиболее эффективен в процессе прогнозирования и каких качеств в нем недостаточно, какой психологический тип личности мог бы восполнить этот пробел.

Личность А (ENFP)

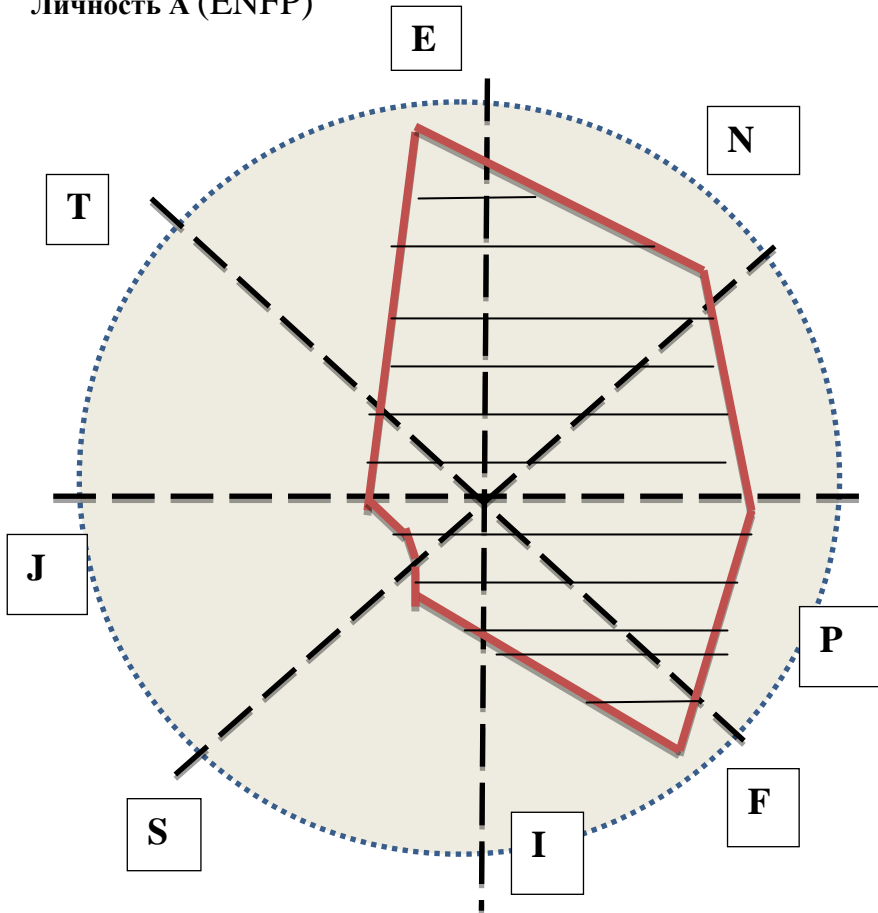

Рис. 3. Индивидуальная психологическая характеристика личности А

Для всестороннего рассмотрения проблемы и комплексного прогнозирования необходимы различные способности (психологические характеристики, функции). Отобразив на циклограмме характеристику конкретной личности по каждой шкале (центр окружности – 0, а крайнее положение – 100 единиц), мы получим наглядную картину наиболее вероятной эффективной творческой прогностической деятельности данной личности (см. Рис.3 и 4).

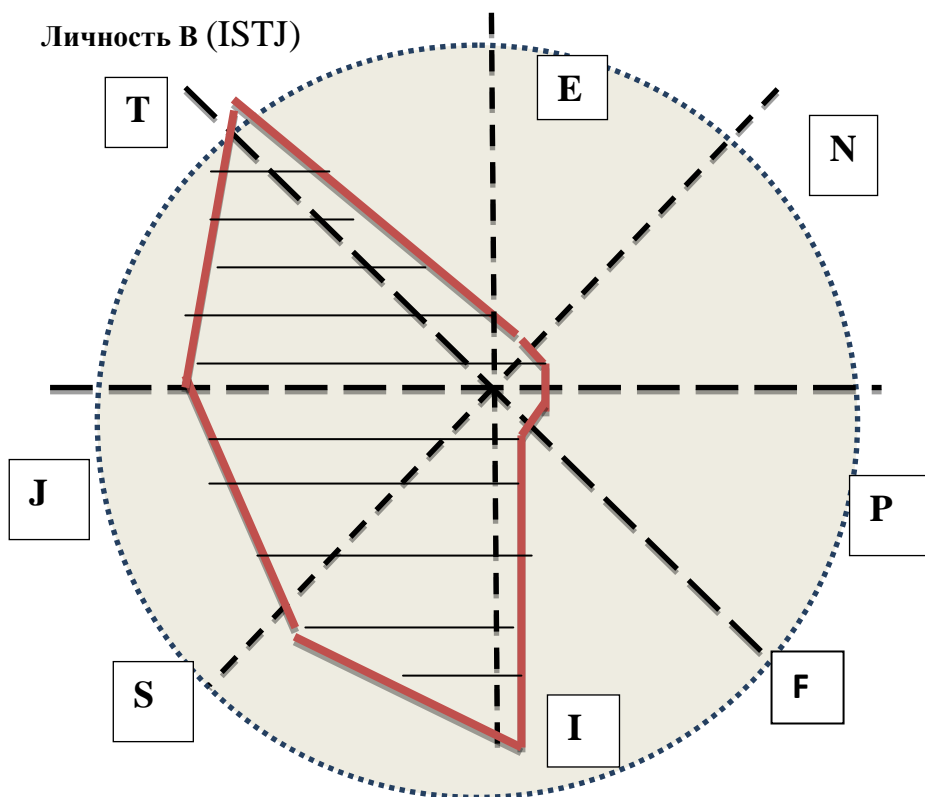

Рис. 4. Индивидуальная психологическая характеристика личности В

Психологическая характеристика личности А наглядно показывает преобладание характеристик NIFP, а у личности В – ETSJ. При совместной работе эти две личности смогут рассмотреть проблему с разных сторон. Это минимальный состав команды для системного рассмотрения ситуации, для максимально широкого поля деятельности. Если совместить две графические характеристики личности, то будет заполнено все пространство, существенно увеличивает возможности «объединенной личности». Если процесс прогнозирования будет осуществлять одна из личностей, избежать одностороннего, однобокого подхода будет очень сложно.

Оценка психологических характеристик осуществлялась в индивидуальных и групповых беседах, визуально и по тестам В.В.Гуленко [29]. Сопоставление характеристик нескольких личностей может показать, в чем и насколько они могут быть полезны друг другу. Наглядная картина психологической характеристики дается Л.Н.Собчик [30]. Её индивидуально-типологический опросник позволяет определить ведущую тенденцию в структуре личности конкретного индивида, которая отражает преобладающий индивидуальный стиль поведения и преобладающий тип мышления. Психодиагностический тест позволяет дать количественную оценку степени выраженности каждой индивидуально-типологической особенности. Графическое отображение результатов тестирования упрощает обработку результатов и повышает их наглядность.

Результаты проведенного исследования подтверждают один из важных аспектов формирования творческих групп. Это еще один аргумент в пользу коллективных форм творчества, коллективных форм обучения. На каждом этапе, в системном процессе прогнозирования, востребованы определенные качества личности, если на одном из этапов этих качеств у человека решающего данную проблему недостаточно, то целесообразнее использовать возможности другого человека, у которого требуемая характеристика будет выше. Естественно, что работа будет выполнена быстрее и эффективнее, если каждый будет совершать свойственную ему деятельность. Это позволяет формиро-

вать эффективно работающие творческие группы на длительный период.

Таким образом, выявленная структура взаимодействия в процессе деятельности показывает необходимость реализации комплексного подхода. На каждом этапе поиска решения проблемы востребованными оказываются определенные качества, свойства и уровень развития мышления того, кто участвует в этом процессе.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И.В. Нормативное социальное прогнозирование: Возможные пути реализации целей общества: Опыт систематизации. – М.: Наука, 1987. – 216 с.
2. Гвишиани Д.М., Лисичкин В.А. Прогностика. – М.: Знание, 1968. 421 с.
3. Виноградов В.Г. Научное предвидение: Гносеологический анализ. – М.: Высшая школа, 1973. – 188 с.
4. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование: Логико-психологический анализ. – М.: Мысль, 1979. – 230 с.
5. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. – СПб.: Речь, 2003. – 52 с.
6. Рождественский А.В. Прогнозирование в области образования как научно-педагогическая проблема: дис....канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 2005. – 149 с.
7. Гершунский Б. С. Образовательно-педагогическая прогностика: Теория, методология, практика. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 768 с.
8. Осипова Л.Я. Философско-педагогические основы прогнозирования социальной эффективности образования: дис....д-ра пед. наук: 13.00.01. – Ульяновск, 2009. – 650 с.
9. Пылев В.А. Социально-педагогическое прогнозирование в управлении региональной образовательной системой: дис. ...канд. пед. наук: 13.00.01. – Самара, 2009. – 193 с.
10. Кузьмина Н.В. Очерки психологии труда учителя: Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности. – Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1967. – 182 с.
11. Слостенин В., Исаев И., Мищенко А., Шиянов Е. Педагогика: учеб. Пособие для студентов педагогических учебных заведений. – 4-е изд. – М.: Школьная Пресса, 2002. – 512 с.
12. Присяжная А.Ф. Педагогическое прогнозирование в системе непрерывного педагогического образования: методология, теория, практика: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. – Челябинск, 2006. – 380 с.

13. Захаров А.В. Формирование прогностических умений студентов педагогического вуза: на материалах изучения дисциплин психолого-педагогического цикла: дис. ... канд. пед. наук:13.00.08. – Ишим, 2009. – 210 с.
14. Дымова Т.В. Обучение будущих учителей педагогическому прогнозированию: дис....канд. пед. наук:13.00.08. – Астрахань, 1998. – 203 с.
15. Осадчук О. Л. Долгосрочный прогноз качества педагогической деятельности// Человек и образование. –2011, № 3 (28).
16. Карманчиков А.И. Педагогическое прогнозирование творческой активности личности. Ижевск: Изд-во ИПКиПРО УР, 2005. – 56 с.
17. Де Гольжак В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория. – М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2003. – 233 с.
18. Алиев Х.М. Ключ к себе. Разблокирование скрытых возможностей. – М.: Вече, 2008. – 128 с.
19. Ерофеева Н.Ю. Основы гендерной педагогики: учебное пособие. – Ижевск: Удмуртский университет, 2012. – 695 с.
20. Менегетти А. Женщина третьего тысячелетия. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2007. – 256 с.
21. Цветкова Н.А. Раскрытие безграничных возможностей, или сюрприз от предков. – М.: Центрполиграф, 2009. – 219 с.
22. http://kurs.ido.tpu.ru/courses/prediction_designing_sw/tema1.html - см. 23.08.2012
23. Подласый И.П. Продуктивная педагогика: Книга для учителя. – М.: Народное образование, 2003. – 496 с.
24. Бестужев-Лада И.В. Малая российская энциклопедия прогнозтики. – М.: Экономика, 2007. – 328 с.
25. Карманчиков А.И. Прогностическая логистика в системе образования: Монография. – Ижевск: Удмуртский университет, 2012. – 226 с.
26. <http://pronkou.livejournal.com/739634.html> см. 8.09.2012.
27. Крегер О., Тьюсон Дж.М. Типы людей и бизнес: Как 16 типов личности определяют ваши успехи на работе: Пер. с англ. – М.: Персей, Вече, АСТ, 1995. – 560 с.
28. Тигер П., Бэррон-Тигер Б. Делай то, для чего ты рожден. Путь к успешной карьере через самопознание / Пер. с англ. Н.Б.Демченко. – М.: АРМАДА, 1996. – 491 с.
29. Гуленко В.В. Менеджмент слаженной команды. – Новосибирск: РИПЕЛ, 1995. – 192 с.
30. Собчик Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. Практическое руководство. – СПб.: Речь, 2002. – 96 с.

6. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

(Латыпов И. А., д. филос. н., проф., заведующий кафедрой
социологии коммуникаций УдГУ)

6.1. Трансформация социальных коммуникаций как философская проблема

В исследовании многообразия факторов трансформации социальных коммуникаций можно выделить следующие основные этапы: осознание актуальности философского пересмотра проблемы трансформации социальных коммуникаций, понимание основных перспектив трансформации фракталоподобных коммуникаций, исследование социальных коммуникаций как полисубъектных отношений, где различным субъектам присуща различная невещественная собственность, выявление некоторых российских особенностей трансформации социальных коммуникаций.

Прежде всего, необходимо переосмыслить философские аспекты трансформации социальных коммуникаций с учетом международного и российского опыта. Философский анализ данной проблемы становится все более востребованным в современном обществе. Необходимость понимания актуальности и значения проблемы трансформации социальных коммуникаций определяется тем, что мы включены в постоянно меняющиеся процессы социальных коммуникаций и сами являемся субъектами их изменений, но не всегда отдаем себе отчет в этом. Дело в том, что мы пользуемся более или менее устойчивыми теоретическими или практическими моделями коммуникации. Модели же обновления и трансформации социальных коммуникаций нуждаются в разработке.

Конструирование соответствующего философского курса предполагает обновление терминологического аппарата теории социальных коммуникаций. Необходимы социально-

теоретические инновации как своеобразные высокие технологии анализа трансформации социальных коммуникаций.

Исследования теории социальных коммуникаций проводятся многими специалистами в области теоретической социологии, социальной философии и коммуникативистики, упомянутыми в предыдущих главах, хотя многие социально-теоретические исследования трансформации социальных коммуникаций существенным образом отстают от современной практической общественной деятельности. Однако эта проблема не является новой, – как отмечал еще Гегель: «Сова Минервы начинает свой полет в сумерках».

С точки зрения методологической функции философии перспективными представляются работы нескольких исследователей. Коммуникацию как разделение общего через разобщение в социальности, развивая современные альтернативные учения о различии, рассматривают: на основе конструктивистской теории дифференциации - Н.Луман, А.Ю.Антоновский («Общество как общение и разобщение» [18, с.307-317]); на основе социальной гетерологии - Т.Х.Керимов [9].

Методология социальной дифференциации Н.Лумана необходима для конструирования системного социального контекста. Это позволяет определять качественную эпистемологическую позицию, которая признает важность определения места данного исследования в соответствующем социальном, культурном, историческом и философском контексте.

Фундаментальные трансформации коммуникации как сути любых социальных систем (по Н.Луману) и как базового процесса социального взаимодействия (по Ю.Хабермасу) оказываются под влиянием глубинных трансформаций современной цивилизации, например, таких как ускорение научно-технического прогресса, демографический взрыв, информационная революция, глобализация, экологический кризис.

По Н.Луману, «общество состоит из коммуникаций и помимо них в нем ничего нет» [18, с. 219].

Исследуя трансформации в системе средств массовой коммуникации, Луман отмечает, что различие между ново-

стью и её отсутствием как коммуникационный ориентир в системе периодической печати замещается различием информативных и неинформативных данных в системе СМИ, мотивирующим средства массовой коммуникации. В связи с этим в современном обществе меняются социальные качества и функции средств массовой информации.

«Масс-медийное предпочтение информации, которая благодаря опубликованию теряет свою ценность неожиданно, а значит, постоянно трансформируется в не-информацию, отчетливо показывает, что функция масс-медиа состоит в непрерывном порождении и переработке раздражений, а не в умножении познания, социализации или прививании нормативного конформизма» [19, с.152].

Гетерологическая же методология Т.Х.Керимова оказывается перспективной для анализа различий в трансформации коммуникации. В условиях деидеологизации разнородность, неконформизм и терпимость к различиям стали факторами трансформации социальных коммуникаций гетерогенного общества. «Если социальность мы будем представлять как саму коммуникативность... нам надо будет отказаться от диалектики непосредственного и опосредованного в понимании современной технологии. И тогда мы будем должны констатировать, что преобладающей тенденцией в развитии коммуникации между людьми становится медиатизация – рост... отношений без отчуждения» [7, с. 179].

Анализ динамики взаимодействия множества различных субъектов трансформации социальных коммуникаций предполагает опору на методологическую концепцию полисубъектной социальности профессора В.Е.Кемерова (Уральская философская школа). Эта концепция основана на определенной интерпретации деятельностного подхода, связанной с рассмотрением деятельности как процесса, разделенного между различными субъектами. В подобном понимании деятельности основное внимание уделяется её процессуальным характеристикам, а не тем вещам, с которыми она связана.

Концепция полисубъектности применена для исследования динамичных процессов сетевого и сетеподобного взаимодействия многих субъектов трансформации социальных коммуникаций. «Социальной теорией и методологией, таким образом, улавливается динамика структур социальности, бытие этих структур как динамическая социальная форма» [5, с.13].

Локальные проявления самоорганизующейся полисубъектности выражают флеш-мобы. На более высоких уровнях социальных систем в целом формируется полисубъектность коммуникативной деятельности.

В перспективе общественного развития место субъекта в социальном пространстве будет определяться по отношению к его роли в социальных коммуникациях. Ведущими субъектами социальных коммуникаций начинают становиться субъекты социальных изменений.

Дифференциация социальных коммуникаций в синхроническом и диахроническом планах оказывается непрерывно встроенной в бесконечную рекурсивную сеть.

Рекурсивность – термин, обозначающий повторяющийся характер человеческой деятельности и любого социального феномена как такового, устанавливающий отношения различия с тем, что повторяется [8, с. 416].

Рекурсивность может проявляться как в повторяющихся точных копиях, так и в повторях с некоторыми модификациями. В качестве примера рекурсивных информационно-коммуникационных отношений можно рассматривать лавинообразное распространение медиавирусов в онлайн-коммуникациях как достаточно точных повторов некоторых медиа-событий.

Медиа-вирус – термин, введенный американским специалистом в области СМИ Дугласом Рашкоффом для обозначения медиа-событий, вызывающих прямо или косвенно определенные изменения в жизни общества. Этот термин он ввел в изданной в 1994 году книге «Media Virus! Hidden Agendas in Popular Culture» («Медиа-вирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание»). Д.Рашкофф подробно описывает фактор, противодействующий преднамеренному упрощению картины

мира СМИ: медиа-события, «вызывающие подлинные социальные перемены», детища сложившейся ситуации, информация о которых распространяется в информационной среде по принципу вирусов, названных Рашкоффом медиа-вирусами [24].

Распространение медиа-вирусов в некоторых работах сравнивают и с распространением мемов, исследованием которых занимается меметика. Список форм, типов и видов медиа-событий как поводов для начала распространения медиавирусов в информационно-коммуникативной среде может быть достаточно длинным.

К таким поводам могут относиться: «Событие, Изобретение, Технология, Научная теория, Философская система, Сексуальный скандал, Поп-звезда. Вызывая интерес у потребителей масс-медиа, распространяясь, даже, казалось бы, немасштабные события способны вызвать серьёзный сдвиг в массовом сознании» [24].

Множественность связей и активность пользователей микромультимедийной среды создает условия и возможности массового распространения медиа-вирусов как сетевого аналога эпидемии. Специалисты в данной сфере выделяют следующие три вида медиа-вирусов:

- «Преднамеренно созданные» медиа-вирусы, сознательно кем-то запускаемые, чтобы способствовать распространению какого-либо товара или идеологии. Примерами таких вирусов Рашкофф называет рекламные трюки и акции медиа-активистов.
- «Кооптированные» вирусы, или «вирусы-тягачи», могущие возникнуть спонтанно, но мгновенно утилизируемые заинтересованными группами с целью распространения собственных концепций. Примеры таких вирусов: скандал вокруг Вуди Алена и Миа Фэрроу (использовался республиканцами для критики концепций демократов), эпидемия СПИДа (была использована консерваторами для обвинения гомосексуалистов).

- «Полностью самозарождающиеся» вирусы, то есть медиа-вирусы, вызывающие интерес и распространяющиеся сами по себе. Примерами могут служить избиение Родни Кинга, новые технологии или научные открытия [24].

Распространение преднамеренно созданных медиа-вирусов в некоторых аспектах сходно с распространением вирусных программ.

Вместе с тем, формирование инновационного общества предполагает креативность коммуникативной деятельности как более значимый фактор для трансформации по сравнению с рекурсивностью. Креативность (от лат. *Creatio* — творю) понимается в данном случае как творческая, созидательная, новаторская деятельность.

Развитие же социальных коммуникаций в целом «не исключает возможности повторения. Ею, в первую очередь, пользуется реклама. Однако в данном случае должна использоваться рефлексивная форма информационной ценности неинформативных сведений, скажем, как индикатор важности и незабвенности» [19, с.37].

В сетевом обществе информационно-коммуникационные отношения оказываются непрерывно встроенными в бесконечную рекурсивную сеть, несмотря на сложности локальных рекурсивных дифференций (т.е. таких различий, которые проводятся в Лумановском подходе к информационной деятельности) недолговечных решений по выявлению проблем информационных помех, снятию коммуникационных барьеров.

Потенциально, по Луману, социальная «информация непрерывно встроена в рекурсивную сеть, элементы которой вытекают друг из друга, однако в своих последовательностях могут упорядочиваться» [19, с.86].

В результате в последовательности трансформаций (изменений, различий) постоянно появляются возможности новых незапрограммированных трансформаций, и воспроизводится неопределенность, попытки устранения которой делают трансформационную деятельность бесконечной. Подобные выводы Луман получал, основываясь на тех идеях, которые пред-

лагал австро-американский биолог, физик и кибернетик Хайнц фон Ферстер.

В интерпретации Лумана (по Ферстеру), рекурсивность наблюдений за трансформациями (изменениями, различениями) «состоит в том, что наблюдение (observation) какого-то положения дел (obs_1) есть результат предшествующей деятельности по координации (coord) (то есть трансформации, конструированию, модификации) с начальным положением дел: $Coord (obs_0)$.

$Obs_1 = Coord (obs_0)$.

$Obs_2 = Coord (obs_1)$, отсюда

$Obs_2 = Coord (Coord (obs_0))$, ...

Конечная формула гласит:

$Obs_\infty = coord (coord (coord (coord... » [18, с.213]$.

Тем самым, конструирование дискурсивной практики дифференциации социальных коммуникаций выступает как бесконечная деятельность по порождению определенного вида научных коммуникаций, выражающаяся на практике в определенных сообщениях. В итоге выстраивается некоторая последовательность дифференциации социальных коммуникаций. Эта последовательность оказывается бесконечной. Не существует конечной инстанции, фиксирующей все различия социальных коммуникаций.

Таким образом, несмотря на то, что к индивидуальным субъектам, фиксирующим трансформации социальных коммуникаций относятся и авторы данного исследования, все же выстраивается бесконечная последовательность теоретического анализа подобных теоретических конструктов. Например, данный текст о трансформации социальных коммуникаций сам включается в социальные коммуникации, по крайней мере, теоретического плана. В целом, объект анализа коммуникаций сам становится объектом коммуникации.

Эта последовательность задает рекурсивную сеть, состоящую из многих компонентов, формирующихся в соответствии с развитием поля социальных коммуникаций. Не существует конечной инстанции, фиксирующей отношения по поводу трансформации социальных коммуникаций. Аналогично процесс кон-

струирования дискурса трансформации социальных коммуникаций столь же бесконечен.

В то же время, необходимо отметить некоторые аспекты неоднозначности подобного конструирования.

Прежде всего, реально наблюдаемые последовательности трансформации социальных коммуникаций являются конечными (обозримыми, имеющими завершение), то есть лишь частично рекурсивными. Поэтому необходим предельный переход к полностью рекурсивным (незавершимым) последовательностям трансформации социальных коммуникаций.

Бесконечная же рекурсивная сеть таких трансформаций (различий) оказывается внутренне проблематичной с гуманитарной точки зрения, поскольку в ней трансформации реализуются через повторы (пусть и несколько отличающиеся друг от друга). Радикальные трансформации в итоге сводятся к мелким и незначительным модификациям. Лавинообразное накопление таких мелких и незначительных модификаций лучше поддается описанию на основе аналогий, например, с «эффектом снежного кома». С другой стороны, трансформации некоторых социальных коммуникаций в переплетении опосредованных связей современного цивилизационного развития могут вызывать неожиданные изменения совершенно в других областях социального пространства как проявление «эффекта бабочки». Описание динамично изменяющегося множества неожиданных новшеств и трансформаций социальных коммуникаций неизбежно будет подпадать под интерпретации предметного поля теории хаоса.

Ряд естественнонаучных аналогий с трансформациями социальных коммуникаций можно продолжать и далее. В самом деле, некоторые изменения подобного рода могут демонстрировать явления турбулентности, резонанса или синергетические эффекты с прохождением точки бифуркации как своеобразной «точки невозврата», или стремление в долгосрочной перспективе к некоторым аттракторам как к трендам устойчивого развития, или развитие ризоматичных сетевых структур (термин «ризомы» заимствован из ботаники).

В целом же бесконечная рекурсивная сеть таких трансформаций может рассматриваться как фракталоподобная структура. Исследование в данном случае будет осуществляться на базе фрактальной «метафизики – как самоорганизации коммуникаций, intersубъективной среды для диалога между учеными, способствующего усилению познавательной ценности категории фрактала» [22, с.51].

Рассмотрению фракталоподобных полисубъектных коммуникаций в ризоматичных сетевых структурах посвящен следующий параграф.

6.2. Общие характеристики многообразия факторов трансформации социальных коммуникаций

Различные факторы, существенные для трансформаций социальных коммуникаций, настолько многочисленны и разнообразны, что дать их полную характеристику в одной монографии не представляется возможным. Но из всего многообразия этих факторов выделяются полисубъектность, фрактальность, рекурсивность, аутопойетичность и утрата жесткой привязанности к материальным (вещественным) медиумам (то есть посредникам, по терминологии Лумана), например, к вещественным объектам собственности.

Прежде всего, перспективы анализа основной проблемы монографии в значительной степени связаны с исследованием трансформаций фракталоподобных полисубъектных коммуникаций. Конструирование социально-теоретического дискурса трансформации социальных коммуникаций использует упоминавшуюся выше фрактальную метафизику.

Примером искусственных фрактальных объектов, созданных человеком, является, в частности, структура сети Интернет [12] и [15]. Примерами естественных фрактальных объектов являются деревья, снежинки, строение нервной системы человека, крупные речные системы, очертания любого побережья,

крупные горные системы или строение сложных астрономических систем.

Как естественные, так и искусственные реальные фрактальные объекты являются частично рекурсивными в отличие от идеальных. Идеальные фрактальные объекты являются математическими конструкциями.

По определению, «фракталы – объекты, характеризующиеся дробной размерностью и самоподобием» [21, с.1118]. Термин «фрактал» (или «фракталь») введен Бенуа Мандельбротом (см. [22, с.36-50]). «Ключевое свойство, характеризующее фракталы, – это самоподобие. То есть, когда вы смотрите на фрактал, вы видите некоторый набор элементов, который остается одним и тем же независимо от масштаба... Слово фрактал произошло от *fractional values* – дробные величины, которые может принимать размерность фрактальных объектов» [23, с.35].

В сетевых структурах трансформации социальных коммуникаций развиваются ризомоподобным образом по аналогии с дерном (одной из характеристик дерна является самоподобие). Различные исследователи отмечают самоподобие сетевых коммуникаций при выборе различного масштаба общности.

Развитие информационно-коммуникационных отношений в сети наряду с фрактальностью характеризуется и рекурсивностью.

Бесконечно достраиваемые (самодостраиваемые) фрактальные множества можно рассматривать как аутопоэтические (саморазвивающиеся, самодостраиваемые) системы [22] (аутопойетические, по терминологии Лумана, ссылающегося на упоминавшегося выше Хайнца фон Ферстера, а также на чилийских биологов Умберто Матурану и Франциско Варелу).

Луман понимает «общество как аутопойезис коммуникации» [16, с.236].

Аутопойетические системы общества являются самоуправляемыми, что характерно для кибернетики второго порядка, надстраивающейся над классической кибернетикой (первого порядка). Классическая кибернетика, основанная Н.Винером, носит универсальный характер. Для кибернетики же второго по-

рядка важнейшими являются социальные аспекты её управленческих коммуникаций по поводу кибернетики первого порядка.

Кибернетика второго порядка развивается по поводу управления кибернетическими системами и описывает аутопойетические социальные системы.

По Луману, аутопойезис – это «такая организация, которая является ... таким производительным взаимодействием компонентов системы, результатом которого становятся именно эти компоненты. Набор явлений аутопойезиса чрезвычайно широк: кирпичный завод выпускает кирпичи, из которых он сам и строится; организм (органы и клетки), произведенный в результате взаимодействия органов и клеток; язык как особая система, позволяющая говорить о языке, то есть о самой себе, и - через язык - решать вопрос о том, что надо говорить, какие слова произносить. Функцией такого удвоения или раздвоения (дифференциации) всегда является воспроизводство целостности, порождающей ее элементы. К такого рода явлениям относится и социология (как часть общества), выстраивающая свои теории общества, притом, что сами эти теории являются коммуникативными актами, а, следовательно, представляют собой такое же общество» [18, с.219].

Тем самым теоретическая социология коммуникации так же является аутопойетической системой.

Другим примером рекурсивных коммуникаций является повторяющийся характер распространения рекламной информации. Фрактальность же наглядно проявляется, если рассматривать онлайн-овое распространение рекламной информации. В этом плане необходимо также и уточнения понятия информации в соответствии с подходом Н.Лумана, в котором предлагается сущностно новая трактовка информации (вслед за Грегори Бейтсоном и Джорджем Спенсером Брауном).

«Информация есть то, что изменяет... коммуникацию, вводит или требует присоединения следующей. Когда мне предлагают купить товар, то из сообщения (скажем, рекламного "слогана") я выбираю то, что мне нужно, отсеиваю лишнее, из-

влекая информацию о свойствах товара, которая и влечет за собой следующую коммуникацию (покупку и платеж)» [18, с.210].

Тем самым, повторяющийся характер реализуется в рекламе более сложным образом на следующих этапах рекламной деятельности. Онлайнное же распространение повторяющейся рекламной информации наиболее ярко воплощает кажущуюся разнородность системы рекламной коммуникации в сетевых СМИ. Сетевые СМИ стали сейчас наиболее динамичной составляющей системы масс-медиа в целом и обгоняют по многим параметрам печатную и наружную рекламу.

Н.Луман пишет о сущностном «единстве системы масс-медиа, покоящейся на трех столь разных столпах: новости/репортажи, реклама, развлечения. Прежде всего в глаза бросается неоднородность этих способов коммуникации. ...именно тогда, когда пользуются кодом «информация/неинформация», особенно впечатляет разнородность воплощений, разнообразие производства раздражения и информации в отдельных медийных областях. ...если многое говорит в пользу дифференциации программных областей новости/репортажи, реклама и развлечения, то что же свидетельствует об их объединении в одну и ту же функциональную систему? В пользу этого можно было бы привести ... одну и ту же технологию. Другие основания вытекают из общности кодирования «информация/неинформация» и общей функции системы» [19, с.103-113].

Рекурсивное распространение информации в рекламных коммуникациях делает особенно актуальной инновационность и креативность создания новых рекламных технологий и их трансформации.

Рекурсивное фрактальное самоподобие может быть характерно для различных структур информационного общества как сетевого (network society). Ускоряющаяся динамика их порождения, полисубъектного генерирования и синергетических эффектов меняет классическую логику анализа социальных трансформаций.

Мануэль Кастельс отмечал, что одной из ключевых черт информационного общества является сетевая логика его ба-

зовой структуры, что и объясняет концепцию «сетевого общества» [4, с.43].

Новые информационные технологии сетевого общества меняют и логику развития коммуникационной деятельности. Соответственно, основным источником трансформации сетевого общества в целом становятся коммуникации по поводу производства, переработки и передачи информации для порождения знаний.

По Кастельсу, возможности реконструкции и трансформации различных подсистем сетевого общества определяются их способностью к реконфигурации.

«Морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым моделям развития. ...организации и институты можно модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов. Конфигурацию новой технологической парадигмы отличает её способность к реконфигурации – решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть. Поставить правила с ног на голову, не разрушая организацию, стало возможным, так как материальную базу организации теперь можно перепрограммировать и перевооружить» [4, с.77].

Производственные отношения все чаще становятся сетевыми, особенно в транснациональных корпорациях. Меняются коммуникации в процессе трудовой деятельности, все чаще используется дистанционная сетевая работа, все больше становится фрилансеров.

В политических коммуникациях все более важным становится контроль сетей коммуникации. Формируются технологии «электронного правительства». Трансформируются и административно-управленческие коммуникации: на смену традиционным или компьютеризованным офисам приходят виртуальные офисы. Развивается и совершенствуется электронный документооборот.

Вебинары стали привычной формой дистанционной коммуникации. Научные коммуникации все чаще становятся

сетевыми, виртуальные научные сообщества уже стали нормой. Наряду и наравне с классическими печатными публикациями стали котируются и цитироваться электронные публикации. Растет статус и востребованность дистанционного обучения.

Трансформируются коммуникации в сфере культуры, становясь интерактивными. Совершенствуются мультимедийные технологии, развиваются виртуальные музеи.

Два десятка лет «коренная трансформация социальности в сложных обществах сопровождалась заменой пространственных сообществ сетями в качестве основных форм социальности. Процессы противоречивых общественных изменений в информационную эпоху развиваются вокруг борьбы за трансформацию категорий нашего бытия путем построения интерактивных сетей в качестве форм организации и мобилизации. Это сети, появляющиеся в условиях противодействия со стороны локальных сообществ, имеют своей целью побороть власть глобальных сетей и тем самым перестроить мир снизу» [3, с.154-171].

Процесс глобализации (в том числе и в коммуникативной деятельности) дополняется локализацией. В совокупности это выражается в явлении так называемой глокализации.

Однако в сетевом обществе появляются не только новые позитивные возможности трансформации социальных коммуникаций, но и новые угрозы.

Все чаще и чаще живое общение вытесняется сетевой коммуникацией в самых разных формах: общение по скайпу, по электронной почте, в чатах, ICQ и т.д. Все более явно вырисовываются контуры цифрового разрыва (digital divide) – новой формы информационной зависимости как на индивидуальном и региональном уровне, так и на международном уровне. Все более опасными становятся последствия информационных войн и киберпреступности. Список подобных угроз будет неизбежно расширяться.

Вместе с этим, «наиболее фундаментальная трансформация отношений опыта в информационную эпоху есть их переход к схеме социального взаимодействия, конструируемого, главным образом, с помощью актуального опыта отношений. Сего-

дня люди в большей степени производят формы социальности, нежели следуют моделям поведения» [4, с.504].

Трансформации отношений опыта основываются на изменении потребностей. Многие исследователи отмечают трансформации классической пирамиды в иерархии потребностей А.Маслоу. В наиболее развитых странах все большее и большее значение обретают потребности в творчестве и самоактуализации личности и все меньше проблем с физиологическими потребностями. Поэтому снижается значение вертикального измерения пирамиды потребностей и возрастает значение её горизонтального измерения. Вместе с этим (и по многим другим причинам) возрастает значение и горизонтальных коммуникаций в их соотношении с вертикальными коммуникациями.

Отношения опыта в обществе выстраиваются по поводу социального знания. Если классическая теория в анализе общественных отношений утверждала приоритет производственных отношений на базе вещной собственности, то в информационном обществе все чаще и чаще эти отношения рассматриваются по поводу неимущественной собственности.

6.3. Трансформации социальных коммуникаций по поводу неимущественной собственности

Утрата жесткой привязанности к вещественным медиумам (посредникам) в современных коммуникациях многообразна. В частности, утрата жесткой привязанности к материальным объектам собственности выражается в росте значения неимущественной собственности, например, интеллектуальной.

В целом, для исследования преимущества в развитии отношений собственности были важны идеи Д.Локка, Ж.-Ж. Руссо, А.Смита и других. Однако их же идеи в определенной степени сейчас и мешают, поскольку сводят собственность лишь к её вещному виду. В классической философии только Гегель упоминал в «Философии права» понятие духовной собственности (как альтернативу вещной собственности). Но Гегель считал

основным видом именно вещную собственность и недооценивал духовную [10].

Анализ развития общества на базе отношений собственности и соотношения материального и духовного производства был глубоко и всесторонне представлен в работах К.Маркса, Ф.Энгельса и их последователей. Собственность рассматривалась в марксизме как исторически развивающееся общественное отношение людей по поводу владения, пользования и распоряжения вещами. Тем самым собственность сводилась к своему вещному виду. Тем не менее, отношение людей к вещам в марксизме описывается во взаимной зависимости с отношениями между людьми. Существенно то, что социальные качества людей обнаруживаются в освоении и модификации ими вещей (предметов) и закрепляют предметную форму индивидуального самоутверждения в обществе. Марксизм основывал развитие и функционирование производственных отношений на базе вещной собственности, которая действительно была определяющей в капиталистическом (индустриальном) обществе. Но, очевидно, что идеи Маркса и Энгельса в современном обществе нуждаются в критическом переосмыслении и пересмотре. Кроме того, собственность на нематериальные объекты практически не интересовала последователей марксистской философии. Хотя в догматических и эпигонских характеристиках проводится грубый раздел материального и духовного, однако существуют и более глубокие характеристики качественных (скрытых) аспектов человеческой деятельности.

В научных коммуникациях обсуждаются идеи духовной собственности. К понятию духовной собственности в философской литературе после Гегеля непосредственно обращаются К.Г.Исупов, Г.Л.Тульчинский, И.А.Латыпов и, как к вспомогательному понятию, В.С.Барулин и В.М.Петров. Понятие духовной собственности является важным для формирования понятийного аппарата, используемого в анализе невещественной собственности (подробные обзоры литературы по духовной собственности см. в [10], [11] и [13]).

Социально-теоретический анализ интеллектуальной собственности и связанных с ней проблем проводится различными авторами с различных позиций. Социально-философский и социально-эпистемологический подход к интеллектуальной собственности развивается А.М.Ореховым. Этот подход реализуется в рамках определенной типологии, выделяющей вещественную и интеллектуальную собственность, а также собственность на управление. При этом под интеллектуальной понимается собственность на любое знание, информацию, на всякую идеальную субстанцию [20]. Соответственно, интеллектуальная собственность рассматривается как социально-эпистемологический объект. Тем самым понятие интеллектуальной собственности неоправданно расширяется.

В теоретическом анализе интеллектуальной собственности в системе общественных отношений её философско-правовые аспекты исследуются С.В.Егоровым и В.В.Писачкиным в социологическом сопоставлении её юридической формы и экономического содержания.

Многие вопросы, связанные с правом интеллектуальной собственности, и различные аспекты прав на результаты информационной деятельности рассматривают Л.Оуэн, П.Б.Мэггс, А.П.Сергеев, Ю.М.Батулин, Э.П.Гаврилов, В.А.Дозорцев, Л.О.Красавчикова, М.А.Федотов, Д.С.Черешкин, В.Ф.Чигир, М.В.Якушев и другие. Однако в некоторых аспектах, отмеченных в основной части данной работы, юридические рамки оказываются слишком жесткими и мешают философскому исследованию внеправовых аспектов невещественной собственности.

Экономический подход к интеллектуальной собственности разрабатывают А.А.Бовин, Л.Е.Чередникова, Я.Кузьминов и другие. Различные объекты интеллектуальной собственности рассматриваются А.В.Костровым, Н.Л.Сенниковым как виды информационных продуктов. Эти работы помогают в поиске прецедентов полномочий субъектов управления во взаимосвязи интеллектуальной и информационной деятельности.

В различной степени полезны для данного исследования прецеденты введения новых видов невещественной собственности. Понятие собственности на знания ввел А.В. Бузгалин, научную собственность – В.А.Розенберг. В качестве вспомогательного термина А.Б.Долгин использует (без определений) понятие «система управления правами на цифровую собственность». Однако этот термин является неточным переводом словосочетания Digital Rights Management - «управление цифровыми правами» (подробный обзор литературы по невещественной собственности см. в [13]).

Трансформации научных коммуникаций по поводу проблемы невещественной собственности наиболее ярко проявляются в отношении прав на результаты информационной деятельности.

В 1989 году американский писатель и журналист Нейл Шульман (J. Neil Schulman) ввел понятие информационной собственности (Informational Property) в качестве вспомогательного термина для нового понятия логорайта. Герберт Шиллер (Herbert Schiller) использует понятие об информации, являющейся собственностью какой-либо фирмы (proprietary information). Существенным эвристическим потенциалом обладает юридический анализ информационной собственности, проведенный В.А.Копыловым в работе «Информационное право», несмотря на редукционистскую вещеподобную аналогию. Кроме того, в юридическом исследовании «Информация и собственность» В.Михайлова ставится проблема юридического закрепления прав на информационные объекты и упоминается понятие сетевой собственности. В междисциплинарной (на стыке экономики и права) публикации «Собственность на информацию» А.Хайтина предлагаются правовые, организационные и технологические пути борьбы с проблемой пиратства. М.Кастельс несколько раз упоминает в социологическом контексте понятие собственности на информацию без строгого определения (подробный обзор литературы по собственности на информацию см. в [11], [13], [14]).

Но собственность на информацию не является однозначно позитивной, поскольку чревата появлением нового, еще более несправедливого вида неравенства. Тем не менее, владение информацией создает возможности для овладения знаниями.

В современном обществе знание не просто является объектом или поводом для коммуникации и для отношений невещественной собственности, а само становится одним из развивающихся средств коммуникации (медиумов, по терминологии Лумана), одной из форм социальной связи.

В полисубъектных взаимодействиях знание как форма выражения социального опыта может использоваться как для консервативного сохранения традиций, так и для трансформации социальных коммуникаций. Как сохранение, так и трансформация знания является фактором воспроизводства и трансформации полисубъектной социальности.

«Знание есть, когда оно воспроизводится и развивается, является динамической формой социального бытия, обеспечивает единство бытия отдельных человеческих индивидов, связывает их в полисубъектную совокупность. В плане гносеологическом знание предстает как *содержание*, а в плане социальном оно определяется как *форма*, обеспечивающая воспроизводство совместно-разделенного бытия людей. «Чистое» знание как содержание, определяемое в субъект-объектном отношении, является результатом специализированной деятельности, которая «сплюсчивает» многомерность знания в плоскостное отображение. Создание таких отображений вызвано необходимостью обеспечить хранение и передачу социального опыта, снабдить его средствами перевода из одной (например, — коммуникативной) формы в другую (например, непосредственно индивидуальную или предметную)» [5, с.16-17].

Обратный процесс восстановления многомерности знания осуществляется в переводе из индивидуальной или предметной формы социального опыта в ходе трансформации социальных коммуникаций.

Мера их соотношения в социальных коммуникациях выражает диалектическое единство традиций и трансформаций,

указывает предел, за которым изменение традиций влечет за собой развитие трансформаций и, наоборот (по диалектическому закону взаимного перехода количественных и качественных изменений). Мера их соотношения не зависит от места привязки трансформации социальных коммуникаций, как в России, так и в мире в целом.

Подводя предварительный итог, отметим, что в различных странах социально-теоретическая база исследований трансформации социальных коммуникаций имеет многие общецивилизационные черты при некоторых отличиях.

Какие же подходы к проблеме трансформации социальных коммуникаций можно предложить в России?

6.4. Некоторые российские особенности трансформации социальных коммуникаций

Социально-философские основы анализа дает уже упоминавшаяся отечественная концепция полисубъектной социальности. В методологической концепции полисубъектной социальности социальное бытие трактуется в плане его процессуальности, как воспроизводящийся результат ризомоподобного взаимодействия множества различных субъектов [6, с.19-20].

Если прежде в социальной философии отмечалось смещение акцентов от анализа субъектно-объектных отношений к исследованию субъектно-субъектных отношений, то в современной социальной философии намечается дальнейшее смещение приоритетов к рассмотрению полисубъектных отношений. Примеры новых полисубъектных отношений ярко проявляются в сетевых коммуникациях.

Несколько другой, но вполне совместимый с вышеуказанным, теоретический подход к анализу распространения медиавирусов также выявляет полисубъектность современной коммуникативной деятельности. Практические характеристики распространения медиа-вирусов с различными по масштабам последствиями наблюдали уже многие пользователи Рунета.

«В июле 2006 года поцелуй Никиты Путиным вызвал широкий общественный резонанс, так как данное событие невозможно было однозначно истолковать. Это событие сразу же нашло отражение в форумах Интернета. Комплексность данного события, скорее всего, была усилена тем фактом, что вопрос о мотивах, побудивших Владимира Путина прилюдно поцеловать ребёнка в живот, попал в перечень самых популярных вопросов президенту на интернет-конференции 6 июля 2006 года. Ещё одно медиа-событие, имеющее основания называться потенциально вирусным, – известный скандал вокруг Филиппа Киркорова, нецензурно выругавшегося в адрес журналистки. Насколько эффективным оказался медиавирус – неизвестно, однако он привлёк к российской поп-звезде определённое внимание средств массовой информации» [24].

Сознательно запускаемые и самозарождающиеся медиа-вирусы начинают активно использоваться различными субъектами в информационных войнах, например, по поводу Российско-Украинских отношений и связанных с этим событий и процессов в 2014 году. Однако анализ ряда медиа-вирусов, связанных с информационными войнами, является отдельной комплексной проблемой.

К российским особенностям трансформации социальных коммуникаций можно отнести некоторое запаздывание освоения пространства Рунета для сетевого продвижения товаров и услуг по сравнению с наиболее развитыми странами. Рунет в значительной степени продолжает использоваться для развлечения, общения с родственниками, друзьями и знакомыми, а также в целях поиска информации для обучения.

Практическую реализацию теоретических подходов к проблеме сетевой трансформации социальных коммуникаций предлагает отечественный экономист А.Б.Долгин. Понятие символического капитала в коммуникациях по поводу оцифрованной культуры рассматривается А.Б.Долгиным с точки зрения возможностей его использования в практической деятельности.

С его точки зрения, «символический капитал можно определить строго – по способности генерировать качественное

время. Если последнее в определенном аспекте измеримо, следовательно, символический капитал тоже. Соотношение между этими понятиями такое же, как между обычными капиталом и прибылью. На основании последней можно судить о величине принесшего её капитала. Рынки умеют решать такого рода задачи применительно к так называемым нематериальным активам – субстанциям, почти столь же трудноуловимым, как личностное время. Так, оценка стоимости брендов, операция, без которой немислимы современные рынки рекламы, а также корпоративные слияния и поглощения, по типу и сложности близка к оценке символического капитала. Строится она на вычлениении денежных потоков, порождаемых брендами» [2, с.368].

Новых теоретических конструкторов в России появляется довольно много, некоторые из них упоминались выше. Но их практическая реализация зачастую оставляет желать лучшего. Многие из общих характеристик трансформации социальных коммуникаций в России реализуются на практике весьма специфическим образом. Технологии «электронного правительства» формируются крайне медленно.

В самом деле, восемь лет реализовывалась Федеральная целевая программа (ФЦП) «Электронная Россия», – в течение 2002-2010 годов. Однако цели формирования информационного общества, ставившиеся в ФЦП, оказались не выполненными, прежде всего в плане неудач в области технологии «электронного правительства». Основной причиной невыполнения программы «Электронная Россия» считается финансовый кризис. Но «распиливать» значительные бюджетные средства чиновники начинали еще задолго до кризиса.

Эту программу сменила Долгосрочная Федеральная целевая программа (ДФЦП) «Информационное общество» (на 2011-2018 годы). ДФЦП «Информационное общество 2011-2018» была разработана по поручению тогда еще председателя Правительства РФ В.В.Путина. Заказчиком и координатором программы выступает Минкомсвязи. Основными направлениями программы являются:

- развитие государственных автоматизированных информационных систем,
- реализация ведомственных программ развития информационного общества,
- информационное развитие регионов,
- развитие национальной информационной инфраструктуры.

Основным пунктом программы является создание в России «электронного правительства» на федеральном и региональном уровнях. Но это не является единственной проблемой в сфере коммуникаций.

Очевидна необходимость изменения положения дел с информационной зависимостью России от поставщиков компьютерных технологий из наиболее развитых стран мира, например, отсутствия российской операционной системы. Однако зависимость России в других областях проявляется еще более сильно. Показательны примеры проблемы отсутствия национальной платежной системы в финансовых транзакциях (Федеральный Закон о создании национальной системы платежных карт был подписан только в дни завершения подготовки монографии к публикации), проблемы с навигационной системой ГЛОНАСС в транспортных коммуникациях (в частности, случаи сбоев навигационной системы в российской пассажирской авиации) и т.п.

Сложности трансформации информационно-коммуникативной базы развития социальных коммуникаций на государственном уровне особенно ярко воспринимаются при сравнении с несомненными успехами российских коммерческих разработчиков информационных технологий (достаточно упоминания «Яндекса», лаборатории Касперского и многих других).

Наряду с быстрыми трансформациями технических и программных средств развития социальных коммуникаций в России появляются также новые гуманитарные и социальные технологии. В частности, технологии оценки символического капитала уже начали реализовываться в сетевых рекомендательных системах. Некоторое время назад А.Б.Долгин предлагал

схему коллаборативных систем для рекомендации оцифрованных объектов массовой культуры (книг, кинофильмов, песен). Оценки символического капитала, связанного с оцифрованными объектами массовой культуры, основывались на оценке качества времени, потраченного на прочтение соответствующих книг или просмотр соответствующих кинофильмов, прослушивание соответствующих песен. Уровень оценок этих объектов мог очень сильно отличаться от уровня затрат на их публикацию и продвижение, отчасти определяющего количество людей, потребивших эти произведения (прочитавших соответствующие книги или просмотревших соответствующие кинофильмы, прослушавших соответствующие песни).

Уже достаточно широко распространенная модель продвижения оцифрованных произведений основывается на объемах рекламных бюджетов и/или на числе людей, потребивших эти объекты массовой культуры (прочитавших книги или просмотревших кинофильмы, прослушавших песни). Оценка доли тех людей, кому эти объекты массовой культуры действительно понравились, ранее для продвижения этих объектов почти не использовалась.

В современных рекомендательных системах может реализовываться следующая модель. В этих системах пользователи (можно обозначить их как « P_1 ») предварительно оценивают различные товары и услуги. На основе этих оценок для каждого уже знакомого товара и услуги можно определить более или менее широкий круг тех пользователей (допустим, P_n), кто знаком с этими объектами и сходным образом их оценивает. Предварительные оценки в дальнейшем нужны пользователям P_1 для того, чтобы среди незнакомых им товаров и услуг ориентироваться на мнение об этих объектах той части пользователей P_n , кто уже знаком с этими объектами.

При реализации же схемы доверительной рекламы в сетевых рекомендательных системах отчасти может использоваться модель краудсорсинга (crowdsourcing) для монетизации коллективных знаний при обобщении оценок товаров и услуг.

Система фиксирует «все положительно оцененные объекты и обращается к пользователям с предложением рекламировать то, что им в действительности нравится. Чтобы принять офферту, пользователю достаточно пометить позиции, которые он согласен рекламировать, – разумеется, это могут быть только высоко оцененные им объекты... – так почему не заявить об этом чуть громче, чем обычно? Заручившись согласием пула таких пользователей, система формирует общий список объектов, которые возможно рекламировать на сайте, и он доводится до сведения потенциальных рекламодателей. Те видят, сколько пользователей готово рекламировать их товары, видят просматриваемость страниц данных пользователей и потенциальную целевую аудиторию размещаемой на них рекламы. Словом, все стороны во всей полноте располагают данными для заключения контракта» [1].

Тем самым, несмотря на некоторое отставание продвижения товаров, услуг и идей в Рунете от западных сетевых коммуникаций, эта трансформация социальных коммуникаций в России реализуется. По многим параметрам печатную и наружную рекламу, уступая лишь ТВ-рекламе, начинает обгонять Интернет-реклама. Ее дифференциация на баннерную, контекстную и поисковую рекламу с продолжением развития поисковой оптимизации сайтов и рассылок по электронной почте, по всей видимости, не является её окончательной формой структурирования.

Возвращаясь же к теоретической инновации доверительной рекламы, упомянем и её экономический аспект.

Оплата за рекламу напрямую увязывается с её эффективностью (это признанное преимущество интернета). Вдобавок ко всему, данная схема позволяет достоверно определить вклад каждого пользователя и полагающуюся ему долю рекламных поступлений. Ведь реклама размещается на личной странице человека, а также на тех, которые созданы с его участием, и все просмотры этих страниц подсчитываются, поэтому с дележом вознаграждения не возникнет проблем. Доверительная реклама может работать не только на рекомендательном портале – с рав-

ным успехом эта модель может использоваться на любых сайтах, где установлен соответствующий функционал [1].

Даже беглое перечисление трендов трансформации социальных коммуникаций было бы слишком длительным. Отметим лишь некоторые. Наряду с побуждением к покупкам и продвижением услуг, быстрыми темпами развивается и социальная реклама в Рунете. Продвижение идей и побуждение к поступкам дополняется тем, что все больше и больше блогосфера, социальные сети и сетевые СМИ используются PR-специалистами для формирования позитивного общественного мнения. Устойчиво развиваются интегрированные маркетинговые коммуникации. Трансформируются представления о журналистике, в частности, формируется так называемая «народная журналистика» в социальных сетях, блогосфере и сетевых СМИ (при всей неоднозначности её оценок).

Выходя из on-line коммуникаций, следует отметить многомерность тенденций трансформации off-line коммуникаций в России. Достаточно устойчиво продолжается развитие горизонтальных коммуникаций в российской практике в их соотношении с вертикальными коммуникациями. Развитие политических коммуникаций в России сталкивается со многими угрозами и появлением многих новых возможностей инновационного общества. Эти изменения идут практически синхронно с международным опытом коммуникативной деятельности.

По этому поводу можно отметить, что социальные коммуникации «синхронизируются в одном поколении, но трансформируются при смене поколений. Условия меняются, и далеко не все образы, пленившие родителей, передаются по эстафете, не ко всем из них оказываются восприимчивы потомки» [1].

Некоторые постмодернистские тренды трансформации социальных коммуникаций в современной российской практике отмечались в первой главе в негативном контексте. Деконструкция социальных коммуникаций в России с конца 80-х годов XX века сопровождалась многочисленными негативными последствиями. Зарубежные теоретические исследования различных

социальных трансформаций («конец истории» по Ф.Фукуяме, «стирание человека» по М.Фуко, «смерть автора» по Р.Барту и М.Фуко) воспроизводились и трансформировались в работах многих российских авторов. Трансформировались представления о гуманизме, о социальной онтологии, формируется социальная гетерология [9].

Ризоматичность социальных коммуникаций в современной России обладает многими неоднозначными характеристиками, детальное рассмотрение которых заслуживает отдельного исследования.

Все же можно выделить нейтральные и позитивные аспекты постмодернистского дискурса в контексте исследуемой проблемы. Та же ризоматичность по-новому реализуется в научном сообществе.

Например, уже вполне традиционное понятие индекса цитирования (как в печатных, так и в сетевых изданиях) трансформируется в сетевых научных коммуникациях. «Идея индекса цитирования проста - как правило, люди, создающие свой сайт в интернете, с вниманием и ответственностью относятся к его содержанию, а также к содержанию того, на что они ссылаются и что таким образом рекомендуют своим посетителям. Наш тематический индекс учитывает количество ссылок на сайт с других сайтов, придавая этим ссылкам разный «вес» (то есть значимость) в зависимости от авторитетности ссылающегося сайта» [25]. Определенная трактовка сетевого индекса цитирования используется, например, в сетевой энциклопедии «Ученые России» [27].

Существенными являются и семиотические особенности реконструкции и трансформации социальных коммуникаций. В самом деле, семиотические коды в широком смысле можно считать социальными кодами синхронической и асинхронической коммуникации.

В отечественных характеристиках асинхронической коммуникации существенно, что признание тезиса канадского исследователя М.Г.Маклюэна о том, что «средство сообщения

само является сообщением» трансформировалось в отрицание нейтральности многих российских медиа. В свою очередь, это порождает проблемы с «открытостью»/«замкнутостью» (по терминологии У.Эко [26]) многих российских медиа как гипертекстуальных систем.

В рамках же радикального конструктивизма Лумановская трактовка понимания социальной коммуникации требует различения информации и сообщения [19, с.64]. Луман же ссылается на чилийского исследователя Умберто Матурану, который понимает коммуникацию не как процесс передачи, а как сверхкоординацию координации организации.

В целом, трансформация социальных коммуникаций может рассматриваться как вид предметной социально-практической и/или научно-теоретической деятельности по изменению социальных систем, институтов, социальных объектов, их свойств и отношений.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на многие отличия по форме и по хронологическим характеристикам, трансформации социальных коммуникаций в России следуют многим из общемировых тенденций.

Список литературы

1. Долгин А.Б. Манифест новой экономики – вторая невидимая рука рынка. – М.: АСТ, 2010. – 256 с.
http://www.hse.ru/news/hse_pubs/23155840.html
2. Долгин А.Б. Экономика символического обмена. – М.: Инфра-М, 2006. – 632 с.
3. Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург, 2004. – 328 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Кемеров В.Е. Знание – социальная связь// Знание в связях социальности. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. – с. 61-74.
6. Кемеров В.Е. Метафизика толерантности// Социальная гетерология и проблема толерантности. – Екатеринбург, 2003. – с. 19-20.
7. Керимов Т.Х. Неразрешимости. – М.: Академический проект, 2007. – 218 с.

8. Керимов Т.Х. Рекурсивность// Социальная философия: Словарь. – М., 2006. – с. 416.
9. Керимов Т.Х. Социальная гетерология. – Екатеринбург: Урал-НАУКА, 1999. – 172 с.
10. Латыпов И.А. Духовная собственность: социальный смысл и перспективы. Автореферат дис... канд. филос. наук: 09.00.11. – Екатеринбург, 1998. – 22 с.
11. Латыпов И.А. Собственность на информацию как социально-философская проблема: Монография. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2007. – 228 с.
12. Латыпов И.А. Социально-теоретические аспекты фрактального полисубъектного описания глобального информационного общества // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социальные науки в трансформирующемся обществе» (20-21 октября 2011г.). – Ижевск: Удмуртский университет, 2011. – с. 145-147.
13. Латыпов И.А. Социально-философские аспекты невещественной собственности в информационном обществе: Монография. – Ижевск: КнигоГрад, 2008. – 318 с.
14. Латыпов И.А. Философские аспекты проблемы собственности на информацию в современном обществе// Известия Уральского государственного университета. – 2007, № 48. Серия 3 «Общественные науки». Вып. 2. с. 38.
15. Латыпов И.А. Философско-математические модели толерантности в информационном обществе// Толерантность в обществе различия: Коллективная монография. – Екатеринбург, 2005. – с. 151-165.
16. Луман Н. Дифференциация. – М.: Логос, 2006. – 320 с.
17. Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
18. Луман Н. Общество как социальная система. – М., 2004. – 232 с.
19. Луман Н. Реальность массмедиа. – М., 2005. – 256 с.
20. Орехов А.М. Интеллектуальная собственность: Опыт социально-философского и социально-теоретического обоснования. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 224 с.
21. Снакин В.В. Фракталы// Глобалистика: Энциклопедия/ Ред. Мазур И.И., Чумаков А.Н. – М., 2003. – с. 1118-1119.
22. Тарасенко В.В. Фрактальная логика. – М., 2002. – 160 с.

23. Уэлстид С. Фракталы и вейвлеты для сжатия изображений в действии. – М., 2003. – с. 35-65.
24. Федотовских А.В. Медиа-вирусная кампания как технология формирования общественного мнения в Scientific Relations // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/5041> (дата обращения: 16.01.2014).
25. Что такое тИЦ – Яндекс.помощь. – <http://help.yandex.ru/catalogue/?id=873431>
26. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. –URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php
27. Энциклопедия «Ученые России». – URL: <http://famous-scientists.ru>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги нашего рассмотрения проблемы трансформации социальных коммуникаций в современной цивилизации подтверждают знаменитую мысль У.Эко о том, что диктатура информации перестаёт быть пирамидальной. Динамика трансформации электронных масс-медиа превращает информационную власть из четвертой в первую и основную. Эта власть не вертикальна, а горизонтальна. Вместо прежнего «Большого брата», располагавшегося на вершине прежней пирамиды информационной власти, формируются распределенные и вездесущие «старшие и младшие братья» с их новыми средствами информационного воздействия, например, через сетевые СМИ. Появление многих угроз и новых возможностей, противоречивые тренды рубежа XX-XXI веков указывают, с одной стороны, на духовную энтропию и саморазрушительные перспективы, как в профессии журналиста, так и в информационном пространстве страны. Происходят мутации медиа-текста и саморазрушение профессии современной российской журналистики, трансформируются представления о журналистике, формируется так называемая «народная журналистика» в социальных сетях, блогосфере и сетевых СМИ (при всей неоднозначности её оценок).

С другой стороны, междисциплинарные исследования трансформации социальных коммуникаций на стыке технических, гуманитарных и общественнонаучных дисциплин выявляют целый спектр оценок изменений общественных отношений.

В целом, трансформация социальных коммуникаций может рассматриваться как вид предметной социально-практической и/или научно-теоретической деятельности по изменению как реальных социальных систем, институтов, социальных объектов, их свойств и отношений, так и их теоретических описаний.

При этом, наряду с традиционной монологичностью, формируются новые возможности диалога и развития полисубъектных отношений, что особенно ярко проявляется в сетевых коммуникациях.

Но полисубъектность не является однозначно позитивной. Об этом свидетельствуют волны распространения все новых и новых медиа-вирусов. Формируются полисубъектные отношения собственности на информацию, которая тоже не является однозначно позитивной, поскольку чревата появлением нового, еще более несправедливого вида неравенства. Тем не менее, владение информацией создает возможности для овладения знаниями. Это позволяет по-новому трактовать классический лозунг о знании как силе, рассматривая его как медиум социальной коммуникации общества, основанного на знаниях.

Социальное же знание тогда может рассматриваться как медиум управления социальными коммуникациями (естественно, на основе категорического императива).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение -----	3
1. Модели властного управления медиа-пространством России: ретроспектива и тренды (Обидина Е.Ю.) -----	6
1.1. Специфика создания и развития медиа-пространства России, трансформация властного медиа-воздействия -----	6
1.2. Медиа-персоны и медиа-лица, трансформация профессии журналиста в России -----	47
2. Анализ политической коммуникативной деятельности (Колясев В.Л.) -----	67
2.1. Политическая сфера общества: информационный и социальный аспекты -----	67
2.2. Основные теории и подходы к исследованию политической коммуникативной деятельности -----	77
3. Место и роль эвристических методов и интуиции в познавательной деятельности при принятии управленческих решений (Гуляшинов А.Н.) -----	96
3.1. Эвристические методы в процессе выработки управленческих решений -----	96
3.2. Интуиция как метод и её роль в познавательной деятельности при принятии управленческих решений -----	104
4. Формирование коммуникативной культуры и коммуникативной компетентности в социальных взаимодействиях (Соколова О. П.) -----	121
4.1. Коммуникативная культура как условие социального взаимодействия -----	121
4.2. Формирование коммуникативной компетентности человека -----	162
5. Роль педагогического прогнозирования в учебном процессе (Карманчиков А.И.) -----	176
5.1. Прогнозирование успешной деятельности студентов -----	176
5.2. Прогностический потенциал истории в формировании прогностического мышления -----	189
5.3. Прогностическая культура как ресурс личностного развития и профессионального самоопределения студентов -----	197
5.4. Структура системного прогнозирования эффективной деятельности -----	206
6. Общее и особенное в трансформации социальных коммуникаций (Латыпов И. А.) -----	222
6.1. Трансформация социальных коммуникаций как философская проблема -----	222

6.2. Общие характеристики многообразия факторов трансформации социальных коммуникаций -----	230
6.3. Трансформации социальных коммуникаций по поводу невестественной собственности -----	236
6.4. Некоторые российские особенности трансформации социальных коммуникаций -----	241
Заключение -----	252

Научное издание

Латыпов И. А., Соколова О. П., Обидина Е. Ю.,
Гуляшинов А. Н., Карманчиков А. И., Колясев В. Л.

**ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Монография

Авторская редакция

Подписано в печать _____
Формат 60х84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. Уч. изд. л.
Тираж _____ экз. Заказ № _____.

Издательство «Удмуртский университет»,
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207
Тел./факс: +7(3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru